

Андрей Десницкий

Сорок вопросов о Библии

Москва: Даръ, 2011, ISBN 978-5-485-00330-2

Оглавление

От автора	3
1. Почему Библии бывают разными?	4
2. Что такое богодухновенность?	8
3. Что такое библейский канон?	13
4. Как соотносятся Писание и Предание?	18
5. Что такое апокрифы?	22
6. Зачем христианину Ветхий Завет?	27
7. Откуда в Библии разночтения?	32
8. Противоречит ли Библия современной науке?	38
9. Достоверна ли Библия как исторический источник?	42
10. Так говорит Библия – или ее толкователь?	47
11. Как распознать неверное толкование?	52
12. Что значит толковать Библию по отцам?	56
13. Что такое «библейская критика»?	60
14. Существует ли «библейское богословие»?	65
15. Чем занимается современная библеистика?	69
16. Откуда взялся Синодальный перевод?	73
17. Нужны ли разные переводы Библии на один язык?	78
18. Всё ли в Библии можно точно перевести?	83
19. Как относиться к новым переводам на русский?	88
20. Говорит ли Ветхий Завет о Христе?	93
21. Зачем в библейские времена приносили жертвы?	98
22. Почему смерть Христа – это жертва?	102
23. Почему в Библии такое значение придается именам?	106
24. Зачем в Библии столько родословий?	110
25. Отчего так мелочен Ветхий Завет?	114
26. Жесток ли ветхозаветный закон?	118
27. Призывает ли Библия к геноциду?	123
28. Почему псалмы говорят о мести?	127
29. Кто такие пророки?	131
30. В чем смысл пророчеств?	136
31. Кто такие апостолы?	141
32. Что говорит Библия о Царствии небесном?	146
33. Что говорит Библия о блаженстве?	151
34. Что говорит Библия о детстве?	155
35. Что говорит Библия о телесной стороне любви?	159
36. Что говорит Библия об инвалидности?	163
37. Что говорит Библия о смерти?	169
38. Говорит ли Библия о таинстве Причащения?	174
39. Почему у православных «не всё по Библии»?	178
40. Каковы перспективы библеистики в России?	183

От автора

Люди читают Библию – и это прекрасно. Впрочем, очень часто они ее не читают... но в любом случае они задают вопросы. Что это за книга, откуда она взялась, почему мы можем быть уверены, что она нас не обманывает? Как относиться к разным толкованиям, к нестыковкам в самом тексте, к его «альтернативным версиям»? Наконец, что это за странные слова, понятия, идеи встречаются на страницах библейских книг, что они означают, и как воспринимать их нам сегодня?

Нет числа подобным вопросам, но я решил отобрать сорок из них и постараться на них ответить. Среди них нет ни одного вопроса «по Библии», о толковании того или иного трудного места. Такие вопросы тоже возникают, и я надеюсь когда-нибудь написать книгу и о них. Но в этой затрагиваются только такие, которые касаются Библии в целом или больших ее частей – потому они и называются «вопросы о Библии».

Книга обращена, как говорили раньше, «к массовому читателю». Здесь практически нет узкоспециальных терминов, редкие слова на древних языках приводятся в русской транскрипции, а понятия, которые известны не всем, разъясняются.

Основу этой книги составили статьи, опубликованные в разных периодических изданиях: «Фома», «Нескучный сад», «Альфа и омега», «Христианос» и некоторые другие. Часть статей вошла в почти неизменном виде, а часть была заметно переработана. Кое-что пришлось написать заново.

Библия цитируется, за редчайшими исключениями, в привычном нам Синодальном переводе. Ссылки даются по традиционной системе сокращенных обозначений, например: Быт 1:2 – Бытие, 1-я глава, 2-й стих;

1 Цар 1:2, 3:4 – Первая книга Царств, 1-я глава, 2-й стих, и 3-я глава, 4-й стих;

Лук 1:2–4 – Евангелие от Луки, 1-я глава, стихи со 2-го по 4-й.

Отзывы о книге можно отправить по адресу: a.desnitsky@gmail.com.

1. Почему Библии бывают разными?

Какую Библию можно читать? Для простоты можно ответить: православным – ту, которая издана по благословию Патриарха. Но откуда же тогда взялись все остальные? Они что, все еретические, неправильные? И как относиться к изданиям Библии не на русском языке – они ведь тоже не одинаковы, а патриаршего благословения нет ни на одной? Да и вообще, разве у христиан не одна Библия? А если она не одна, может ли она быть Словом Божиим?

Откуда взялась Библия?

Слово «Библия» в переводе с древнегреческого означает «книги» (ср. слово «библиотека»), так что это не одна книга, а целое собрание книг. Их написали люди, как верят христиане – вдохновленные Святым Духом. А затем другие люди сохраняли и переписывали эти книги, потому что никакой оригинал не вечен, и определяли, какие из книг войдут в состав Священного Писания.

Библейские авторы жили в разных странах в разные времена и говорили на разных языках – древнееврейском и арамейском (Ветхий Завет) и древнегреческом (Новый Завет). Но дело не только в языке в строго лингвистическом смысле этого слова, язык культуры бывает не менее важен. Если бы Библия возникла в Японии, на ее страницах мы бы встретили цветущую сакуру и самурайские мечи, а если бы в Австралии – то бумеранги и кенгуру.

Назвали Библию Библией тоже люди. Книга может стать Священным Писанием только в общине верующих, которые признают ее авторитет, определяют ее канон (точный состав), истолковывают и, наконец, сохраняют ее. Христиане верят, что все это происходило под воздействием того же Святого Духа, Который побуждал писать авторов библейских книг. Точно так же Дух необходим нам и сегодня для верного понимания написанного. Но Дух не отменяет человеческой индивидуальности и свободы – скорее наоборот, он позволяет ей раскрыться в полноте. И значит, евангелист Марк писал совсем не так, как Иоанн, пророк Исайя – не так, как пророк Иеремия. Чтобы понять сказанное ими, нужно учитывать и личные особенности каждого из них, и то, что их объединяет.

В те времена не было ни печатного станка, ни интернета, и книги переписывались от руки, обычно на очень недолговечном материале – папирусе. Трудно поверить, но даже во времена апостолов не существовало таких привычных сегодня деталей книги, как оглавление, примечания, пунктуация или хотя бы пробелы между словами. Евреи, правда, делали пробелы между словами, зато они не обозначали на письме большинство гласных. Знаменитая фраза «казнить нельзя помиловать» – мелкое затруднение по сравнению с теми вопросами, которые могут возникать при толковании библейского текста.

Поэтому библейские рукописи далеко не одинаковы – собственно, всякий, кто когда-нибудь переписывал конспекты, знает, что в мире вообще не существует двух совершенно одинаковых рукописей. Оригиналы до нас не дошли, а в копии с копий неизбежно вкрадывались искажения и разночтения, а порой значение старых слов забывалось, и потом заботливый переписчик, стремясь исправить несуразности или неточности лежащего перед ним текста, вводил его еще дальше от оригинала.

Но тогда, может быть, вообще не существует никакой единой Библии, а есть только множество рукописей, в чем-то сходных, а в чем-то и отличающихся друг от друга? Так, пожалуй, и получилось бы в конце концов, если бы не было общины верующих, которые считают это собрание книг своим Священным Писанием, бережно передают его из поколения в поколение, занимаются его толкованием и изучением. То есть Библия – это прежде всего книга, рожденная в Церкви, хотя прочесть и постараться понять ее может каждый, вне зависимости от своих убеждений и вероисповедания.

Среди тысяч дошедших до нас библейских рукописей нет двух совершенно одинаковых, но можно только удивляться, что нет и таких, в которых мы нашли бы какие-то принципиально другие учения – например, что небо и землю сотворил не Единый Бог, или что этот Бог разрешил убивать, красть и лжесвидетельствовать. Хотя греческая версия книги Есфирь на треть длиннее еврейской, и в этой полной версии мы видим много дополнительных деталей, но это совершенно та же история.

Так что же это такое – Библия?

Библия – это канон

Во-первых, Библия – это *собрание* книг. Для христиан оно делится на две части: Ветхий и Новый Заветы. Слово, которое переводится как «завет», можно было бы перевести еще и как «договор». Действительно, речь в этих книгах идет о двух договорах, двух стадиях отношений Бога с людьми. Впрочем, иудеи не признают Нового Завета, потому их Библия, которую они еще иногда называют Танахом, включает только 39 книг.

Но христиане согласны с иудеями в том, что Завет, – то есть договор – изначально был заключен Богом с народом Израиля при посредничестве Моисея на горе Синай. Книги Ветхого Завета повествуют о том, что предшествовало этому договору (сотворение мира, грехопадение первых людей, призвание Авраама и история его потомков); о том, как этот договор был заключен, и о том, как он воплощался в истории израильского народа. Все события из жизни этого народа понимаются в свете отношений Бога и Его народа, и только во вторую очередь они имеют политическое, социальное или экономическое значение.

Канон, или состав Ветхого Завета, у разных христианских общин не одинаков. Русская православная Церковь признает 50 книг, примерно столько же (с минимальными отличиями) насчитывают другие православные и католики. Но еще со времен Реформации, когда западные христиане разделились на протестантов и католиков, протестанты не признают библейскими те книги, которые не вошли в иудейский канон, и называют их *апокрифическими* (другие названия – *второканонические* или *неканонические* книги). К их числу относятся, например, Премудрость Соломонова и книга Товит.

Новый Завет, заключенный Иисусом Христом, раздвинул границы избранного народа до всего человечества. Книги Нового Завета повествуют о рождении, жизни, учении, смерти и воскресении Иисуса Христа и о зарождении христианской Церкви – общины Его последователей. Во всех Церквях, кроме экзотической эфиопской, в Новом Завете насчитывают 27 книг. Это 4 Евангелия, то есть повествования о Христе, Деяния апостолов, то есть история зарождения Церкви, 21 Послание апостолов, наставлявших верующих и отвечавших на их вопросы о вере и жизни, и Откровение (по-гречески «апокалипсис») – страшная, но вместе с тем и радостная книга о конце света и конечной победе добра над злом. У эфиопов к ним добавились и некоторые апокрифы, то есть книги, повествующие примерно о тех же вещах, но не входящие у нас в состав Священного Писания (подробнее о каноне будет сказано в 3-й главе).

Библия – это перевод

Во-вторых, Библия, которую мы берем в руки – это определенный *перевод*. Ветхий Завет был написан в основном на древнееврейском языке, а отдельные его части – на близкородственном ему арамейском. На этих языках говорили Иисус и Его первые ученики, но Новый Завет, как ни странно, от начала до конца написан на совершенно ином языке – древнегреческом. Дело в том, что в I в. н. э. в восточной части Римской империи греческий язык был языком межнационального общения, как русский в бывшем СССР. И потому с самого начала христианство оказалось, по выражению С.С. Аверинцева, «обречено на перевод». На родном языке Иисуса не сохранилось ни строчки,

а Его последователи с самого начала предпочли не создавать особого «священного» языка и решили писать так, чтобы быть понятыми как можно большим числом читателей.

Следовательно, проповедь христианства в том или ином народе обычно начиналась с перевода избранных библейских книг. Не стали исключением и славяне, для которых Библию начали переводить святые Кирилл и Мефодий. Впрочем, языки со временем меняются, и потому постоянно возникает потребность в новых редакциях или совершенно новых переводах. Вплоть до XVIII века славянский перевод постоянно уточнялся и исправлялся: вышедшие из обихода и непонятные слова заменялись новыми, существующие версии сравнивались с более авторитетными греческими рукописями. Славянская Библия, которую мы сегодня слышим в церкви, называется иногда Елизаветинской, т.к. свою окончательную форму она приобрела в царствование Елизаветы Петровны в 1751 г. Ее текст, конечно, уже заметно отличается от кирилло-мефодиевских переводов.

Но в XIX веке все более ощутимой стала потребность в русском переводе: даже многие образованные люди уже неохотно пользовались славянским языком, и Пушкин, к примеру, предпочитал читать Библию... по-французски. После долгих споров и сомнений и Церковь, и государственная власть согласились на создание такого перевода, и в 1870-е годы в свет был выпущен перевод, который мы сегодня называем Синодальным и который мы в основном и используем.

Разумеется, на этом история переводов на русский язык не завершилась. В XX веке и в начале XXI было создано немало новых переводов на русский язык отдельных книг или даже всей Библии (или отдельно Нового Завета). Они очень разные, эти переводы: одни были выполнены учеными, тщательно исследовавшими все гипотезы о точном значении того или иного слова, другие – поэтами, которые стремились передать на своем родном языке всю красоту оригинала, а некоторые были сделаны на скорую руку случайными людьми – наверное, из лучших побуждений, но далеко не на должном уровне... Впрочем, и по сей день самым известным и читаемым остается Синодальный перевод.

Библия – самая переводимая книга в мире; даже Маркс и Ленин в советские времена не могли сравняться с ней по числу языков перевода. Тем не менее, до сих пор остается немало языков, на которых нет полной Библии или хотя бы полного Нового Завета, и среди них – большинство языков, на которых говорят в Российской Федерации. Собственно, основная работа автора этих строк на протяжении последних десяти с лишним лет состояла как раз в том, чтобы помогать людям из этих народов создать свою национальную версию Библии.

Библия – это интерпретация текста

Если уж речь зашла о переводе, то тут придется вспомнить, что любой перевод делается с того или иного *варианта* текста. Например, в русских изданиях Синодального перевода можно встретить и краткую (с еврейского текста), и полную (с греческого) версию книги Есфирь. Краткая будет содержаться в протестантских, а полная – в православных изданиях, потому что протестанты стараются следовать еврейскому варианту, а православные – греческому. Точно такие же «сокращения» будут содержаться у протестантов в конце книги Даниила и в отдельных местах иных книг.

Наконец, любой перевод предполагает и определенную *интерпретацию* текста, поскольку смысл многих слов нам до конца неясен, а найти древнего грека или еврея, чтобы расспросить об этих словах, к сожалению, невозможно. Значит, нам приходится опираться на толкования наших предшественников, которые тоже не во всем согласны бывают меж собой, или даже предлагать самостоятельные догадки – конечно, при условии, что с нашей стороны это не пустые фантазии, а результат тщательного анализа. Такой анализ принято называть *экзегетическим*, само слово *экзегеза* в переводе с древнегреческого языка и означает «толкование».

В любом случае Библия, которую мы раскрываем – это еще и звено многовековой *традиции*, а точнее, многих традиций. Одни из них уводят нас в седую ближневосточную древность или греко-римскую античность, другие – к средневековым переписчикам и толкователям, третьи – к нашим современникам, живущим во всех уголках мира и говорящим на множестве языков.

А пользоваться, на самом деле, можно любым изданием – просто надо понимать, что каждое из них отражает чье-то видение этого текста, которое может оказаться далеко не единственно возможным, а в каких-то случаях и ошибочным. Чтобы застраховаться от ошибок, люди и прибегают к своего рода «знакам качества», вроде патриаршего благословения. Но Синодальное или любое другое издание, на котором такое благословение есть – далеко не единственно правильный и возможный текст. Он, скажем так, достаточно надежен и хорош, чтобы им пользоваться, но могут существовать и другие издания, которые окажутся ничуть не хуже. С самого момента выхода Синодальной Библии в свет она соседствует на книжных полках с Библией церковнославянской; они различаются и по тексту, с которого делался перевод, и по интерпретации некоторых мест, но обе они приняты в Русской православной Церкви. Не исключено, что в будущем такой же статус может получить и некий другой перевод...

Обо всем этом мы и поговорим дальше подробнее, чтобы читатель мог лучше разбираться в подобных вещах.

2. Что такое богодухновенность?

Когда христиан спрашивают, чем Библия отличается от всех других замечательных и мудрых книг, они начинают говорить о богодухновенности, имея в виду, что Библия написана не просто людьми, но по Божиему вдохновению. Что на самом деле это означает? Откуда взялось само слово «богодухновенность»?

Бог и человек – соавторы

Понятие богодухновенности (иногда говорят «боговдохновенность», более на русский, чем на славянский лад) у христиан появилось еще до того, как у них сложился Новый Завет. О нем, как о чем-то само собой разумеющемся, говорили в своих посланиях апостолы: «...никакого пророчества в Писании нельзя разрешить самому собою. Ибо никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым» (2 Петр 1:20–21). «Всё Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности» (2 Тим 3:16).

При этом сама Библия никак не раскрывает понятия богодухновенности и даже не дает нам списка богодухновенных книг. Кроме того, она может ссылаться на книги, которые заведомо в этот круг не входят. Например, Послание Иуды в 9-м стихе рассказывает о споре ангела и сатаны. В Библии мы нигде ничего подобного не найдем – этот сюжет взят из текста под названием «Вознесение Моисея», который никогда и нигде не считался частью Священного Писания.

Так что если автором библейского текста мы называем Самого Бога, а текст – данным свыше Откровением, то вопросы здесь только начинаются. Библейские тексты не упали к нам с неба, они были написаны людьми (и мы даже не всегда знаем, кем именно) – так как же сочетается Божественное авторство с человеческим? Можно ли воспринимать библейский текст в его нынешнем виде как прямую и непосредственную передачу слов Бога?

Оказывается, представление о богодухновенности Библии было неодинаковым в разные времена и у разных авторов. Все Отцы Церкви, которые касались этого вопроса, подчеркивали, что Бог действительно Автор Библии. Некоторые даже сравнивали человеческих авторов с музыкальными инструментами, на которых играл Бог, но, по-видимому, это было скорее риторическое преувеличение: в те времена слишком многие сомневались в Божественном происхождении Библии. Впрочем, в святоотеческой литературе мы встречаем указание на то, что авторы не утрачивали сознания и естественных способностей: они вовсе не были медиумами, в состоянии транса записывавшими весть свыше. Святитель Иоанн Златоуст особо подчеркивал, что такими медиумами могли быть только лжепророки, а истинные пророки не теряли своей индивидуальности, когда передавали людям Слово Божие.

В особенности значимым и ясным стало такое отношение христиан к истинному пророчеству во времена возникновения и распространения ислама. Для мусульман Коран существовал прежде сотворения мира и в свое время был буквально продиктован пророку Мухаммеду, слово в слово, без малейших отступлений от небесного оригинала. Но христиане относятся к своему Писанию иначе: если для мусульман воплотившееся в мире Слово Божие – это книга, то есть Коран, то для христиан это Богочеловек Иисус Христос, а Библия – книга, которая рассказывает о Нем и о множестве других личностей. Но первична не книга, а Тот, о Ком она говорит.

В любом случае для христиан принципиально важно одно: библейские книги написаны людьми, которых вдохновил Святой Дух.

Как это получилось?

В древней Церкви споров о «технологии» богодухновенности не было, они начались, по сути, в Западной Европе во времена Реформации в XVI в. В значительной мере это было связано с провозглашенным протестантами принципом *Sola Scriptura* (только Писание), согласно которому только Библия может служить источником вероучения (у православных и католиков огромную роль играет церковное Предание, о чем мы еще будем говорить в 4-й главе). Если считать так, то действительно крайне важным становится проведение четкой границы между Писанием и всем остальным. Поэтому основатели протестантизма М. Лютер и Ж. Кальвин, отталкиваясь от упомянутых выше апостольских цитат (2 Петр 1:20–21 и 2 Тим 3:16), повторили слова о библейских писателях как инструменте, на котором играл Дух. Их последователями в XVII – XVIII вв. была выработана целая теория такой буквальной диктовки свыше, которой мы, кстати, не найдем у раннехристианских авторов.

Одновременно появились и другие теории – например, что Дух передал библейским авторам лишь содержание Откровения, а они записали его своими словами. Такая теория отдает должное стилистическому разнообразию библейских книг: в самом деле, почему Дух диктовал Луке иначе, чем Матфею? Однако эта точка зрения была отвергнута основными столпами Реформации: «Святой Дух вдохновлял пророков и апостолов не только в том, что касается содержания и смысла Писания или значения слов, так что они могли по своей собственной воле облекать и украшать эти мысли своим собственным стилем и словами, но Святой Дух действительно поддерживал, вдохновлял и диктовал самые слова, всякое и каждое выражение по отдельности», – вот что утверждал в конце XVII века протестантский богослов Й. Квенштедт.

Интересно, что при этом статус такого продиктованного свыше текста Ветхого Завета присваивался именно еврейской (так называемой Масоретской) Библии, хотя она окончательно сложилась в иудейской среде уже после разделения иудаизма и христианства. Впрочем, само представление о буквальной диктовке свыше вполне соответствует традиционным иудейским взглядам: всё Пятикнижие (Тора) было непосредственно продиктовано Богом Моисею на горе Синай. Такая точка зрения была принята и католиками на Тридентском соборе 1546 г.; но уже в 1870-м г. на I Ватиканском Соборе определение о «диктовке Святого Духа» было заменено на «вдохновение Святого Духа».

Среди православных, пожалуй, и не было таких активных споров о «технологии» богодухновенности, – вероятно, потому, что Писание воспринималось не как нечто, противостоящее Преданию, то есть опыту церковной жизни во всем его многообразии, а как центральная часть этого Предания. Таким образом, незачем было выстраивать стену, отделяющую одно от другого.

Во второй половине XIX – начале XX вв. споры о природе богодухновенности приняли на Западе достаточно острый характер. С одной стороны, возникло, прежде всего в протестантской среде, либеральное направление, которое видело в Библии документ, практически не отличавшийся от любого другого исторического памятника, а в богодухновенности – всего лишь некий изначальный импульс, побудивший автора взяться за работу. Господь открывает людям некоторую Истину, а дальше они своими словами, как могут и умеют, записывают то, что им открылось.

Разумеется, при таком подходе Библия, по сути, не отличается от какого-нибудь гениального художественного произведения, в котором мы видим отсвет Откровения – ведь любой поэт или художник может черпать свое вдохновение свыше. Как реакция на эту крайность в протестантизме возникло движение, настаивавшее на понимании Библии как буквально продиктованного Богом текста. Оно получило название *фундаментализма*, поскольку его сторонники последовательно отстаивали самый фундамент своей веры, каким они его видели. Сегодня, конечно, крайне либеральных, равно как и

фундаменталистских взглядов могут придерживаться не только протестанты, но и католики, и православные, и вообще любые верующие – вот почему нередко говорят о «православном» и любом другом, например, «исламском фундаментализме». Но изначально этот термин был связан именно с протестантизмом.

Впрочем, на Западе постепенно выработался средний, уравновешенный взгляд на вопрос о природе богодухновенности. Так, у католиков II Ватиканский Собор (1965 г.) утверждая безошибочность книг Писания в деле спасения, в то же время признавал человеческую ограниченность авторов библейских книг. Но еще задолго до того многие православные богословы настаивали именно на таком подходе: Библия писалась людьми, которые не были, в отличие от Бога, всеведущими. Они ничего не знали об Америке или об Австралии, о современной ядерной физике или о генетике; они описывали свой собственный мир. Сегодня у нас гораздо больше, чем у них, знаний в сфере естественных наук, но в деле богопознания мы по-прежнему остаемся их учениками.

Да и сами библейские авторы явственно выделяют в своем тексте Божественное и человеческое начала. В 5-й главе Исаяи или в 15-й главе Иеремии мы видим примеры диалога пророка и Бога, и таких примеров в Библии немало. Или возьмем вот эти слова апостола Павла: «Благодарю Бога, что я никого из вас не крестил, кроме Криспа и Гаия, дабы не сказал кто, что я крестил в мое имя. Крестил я также Стефанов дом; а крестил ли еще кого, не знаю» (1 Кор 1:14–16). Совершенно очевидно, что это не глас с неба, а личный рассказ Павла; более того, он сначала думает, что крестил только Криспа и Гаия, потом вспоминает, что еще крестил Стефанов дом, и заканчивает признанием: он и сам точно не помнит, может быть, там был кто-то еще. Это слова человека, чья память несовершенна, а вовсе не всеведущего Бога.

В другом месте того же послания он ясно разделяет Божию заповедь и собственное мнение: «Относительно девства я не имею повеления Господня, а даю совет, как получивший от Господа милость быть Ему верным» (1 Кор 7:25). То есть прямо предупреждает читателя: это уже я говорю, а не Господь. Но все эти детали не имеют никакого вероучительного значения, и потому нет оснований говорить, что Павел мог что-то «напутать» в самом своем богословии – нет, он безусловно передавал людям Слово Божие, но делал это не механически, не теряя при этом индивидуальности.

Помимо прочего, всякий текст – не просто содержание, обернутое в какую-то подходящую форму, как подарок оборачивают в красивую бумагу, но единство формы и содержания. Если каким-то свойством, в частности, богодухновенностью, обладает содержание, то невозможно сказать, что это никоим образом не касается формы. Иными словами, простых решений, которые бы «раскрывали механизм» богодухновенности, у нас нет, и они едва ли могут появиться в будущем.

Авторство, авторитет, непогрешимость

С вопросом о богодухновенности нередко путают вопрос об *авторстве* и об *авторитете* тех или иных библейских книг. К примеру, с древних времен возникали сомнения, что Послание к Евреям написано самим апостолом Павлом; его авторство отрицает и большинство современных ученых. Значит ли это, что они относятся к нему с неким недоверием, считают его вторичным, недостоверным? Вовсе нет. Библейские тексты считаются Священным Писанием не потому, что их написал особо уважаемый человек (для многих ветхозаветных книг мы просто не знаем автора), а потому что община верующих, то есть Церковь, увидела в них адекватное отражение своей веры, и авторство здесь не играет принципиальной роли.

В самом деле, в канон Нового Завета не было включено послание Павла к лаодикийцам, не говоря уже о евангелиях, носивших имена апостолов Петра, Фомы и Иуды, но было включено Евангелие от Луки, который даже не был очевидцем описываемых им событий. Да и отношение к авторству в древности было совсем иным, чем сегодня. Псалтирь называется «Давидовой», а Притчи «Соломоновыми» потому, что

они продолжают традицию, связанную с этими именами, но в Псалтири мы легко найдем псалмы, которые не мог написать Давид (например, 136-й, говорящий о вавилонском плене), а в Притчах – изречения других царей, даже не израильтян по происхождению (глл. 30–31).

Некоторые притчи Соломона вообще сохранили и записали «мужи Езекии, царя иудейского» (Притч 25:1) – люди, жившие спустя века после Соломона. Они не обладали авторитетом великого царя; может быть, они внесли что-то от себя, что-то напутали? Безусловно, нет. Если мы верим, что авторитет Писанию придает именно Церковь (в том числе и ветхозаветная Церковь, сообщество верных Богу сынов Израиля), то стоит говорить не о какой-то одной «диктовке», а о действии Святого Духа на всех этапах формирования этого текста. Библию написала, в конечном счете, Церковь, а не просто некоторое количество святых авторов.

И еще один очень важный, но отдельный вопрос связан с понятием богодухновенности – это вопрос о *буквальной непогрешимости* Писания. Если Библия – это Слово Божие, то она не содержит ошибок. Но значит ли это, что каждое ее утверждение необходимо понимать строго буквально? Вовсе нет. К примеру, в Исх 7:17–25 описано, как вода в Ниле превратилась в кровь, но вряд ли анализ этой жидкости обнаружил бы в ней лейкоциты, эритроциты и т. д. Видимо, автор имел в виду, что вода приобрела неестественно красный цвет и сделалась непригодной для питья; такое понимание ничуть не подрывает авторитет Библии, но отдает должное человеческому языку, на котором написана книга. В конце концов, когда в советское время цвет красного флага нам объясняли кровью, пролитой борцами за коммунизм, никто, разумеется, не предполагал, что каждое конкретное полотнище вымачивают в крови.

В качестве другого примера можно привести притчи Христа из Евангелий. Он говорит о простых и повседневных вещах: о рыбной ловле, земледелии, домашнем быте. Но всем понятно, что на самом деле он не сообщает информацию о каких-то конкретных сеятелях, виноградарах или рыбаках, но с помощью этих историй доносит до Своей аудитории некие важные духовные истины. Выяснять, где именно и когда именно сеял сеятель свои зерна, будет просто нелепо – конкретно такой случай, возможно, не происходил нигде и никогда, но нечто подобное происходит постоянно и повсеместно.

Это относительно простые случаи. Но вот о книге Ионы спорят много и подробно: это исторический рассказ о событиях, происшедших буквально так, как описано в книге, или же это поэтический вымысел, раскрывающий некие важные истины на примере придуманной истории? Свои доводы есть у каждой стороны, но приверженцы буквального прочтения книги обычно делают упор на богодухновенность этого текста: если это Писание, то сказанное в нем следует понимать как можно ближе к буквальности.

У сторонников буквального понимания этой книги есть очень сильный аргумент: Христос говорил, что Иона провел три дня во чреве китовом, и ссылаясь на это как на факт (Мф 12:40). Но можно вспомнить и другой пример из той же самой главы. Христос говорит фарисеям: «разве вы не читали, что сделал Давид, когда взалкал сам и бывшие с ним? Как он вошел в дом Божий и ел хлебы предложения, которых не должно было есть ни ему, ни бывшим с ним, а только одним священникам?» (Мф 12:3–4). Он ссылается на историю, рассказанную в 21-й главе 1-й книги Царств: Давид, спасаясь от Саула, пришел к первосвященнику Ахимелеху и рассказал ему, что царь якобы отправил его выполнять срочное задание. Под этим предлогом Давид попросил у священника пищи, и тот согласился дать ему священные «хлебы предложения». Судя по рассказу книги Царств, Давид был совсем один.

То есть на самом деле никаких «бывших с ним» не существовало, им просто неоткуда было взяться, а Христос ссылается здесь не на реальную историю, а на гипотетическую ситуацию: первосвященник, полагая, что с Давидом должен следовать целый отряд, дал разрешение воинам этого отряда есть священные хлебы при условии, что они ритуально чисты. Христос ссылается на это разрешение как на прецедент, потому что

Ему важна в данном случае не фактическая точность рассказа Давида (ее как раз и не было), а сама позиция Ахимелеха: оказывается, в определенных ситуациях можно и даже нужно нарушать законы о ритуальной чистоте и святости.

Фундаменталисты видят в любом указании на подобные неточности текста подрыв авторитета Священного Писания. При этом они допускают возможную порчу текста в ходе его переписывания (так можно объяснить часть расхождений между библейскими книгами), но изначальный текст, по их мнению, был полностью свободен от ошибок, в том числе и в плане естественнонаучных и исторических фактов. Следовательно, для наиболее последовательных фундаменталистов любые научные данные, противоречащие библейскому тексту, должны быть отвергнуты. Надо ли напоминать, что в свое время именно такие аргументы приводились против теории вращения Земли вокруг Солнца – ведь в Библии во многих местах ясно утверждается, что это Солнце вращается вокруг Земли!

Разумеется, такие аргументы нелепы. Люди того времени просто не знали того, что знаем мы, и описывали мир таким, каким они его видели. Кстати, мы до сих пор говорим: «солнце встало», – хотя прекрасно знаем, что на самом деле это повернулась земля. Но человек, который скажет утром: «Я пришел к тебе с приветом, рассказать, что в данное время в результате вращения Земли вокруг своей оси наша местность оказалась подвержена воздействию светового излучения солнца», — произведет очень странное впечатление. Куда проще сказать: «Солнце встало».

Итак, Библия удивительным образом сочетает в себе Слово Божие и некое человеческое начало, и одно непредставимо в ней без другого. Богодухновенность – это удивительное проникновение Духа Божиего в плоть человеческой истории и культуры, и это взаимодействие не прекратилось, когда последняя точка была поставлена в последней библейской книге. Дух продолжает жить в Церкви, открываясь нам, в том числе, и при чтении Писания, и таким образом мы сами включаемся в ту череду лиц, страниц и веков, в начале которой было Слово.

3. Что такое библейский канон?

Библия стоит на книжной полке – ее можно взять в руки, посмотреть оглавление. Но оказывается, что в разных изданиях список книг, входящих в Библию, может быть не совсем одинаковым. Почему так? Да откуда вообще взялся этот список (его еще иногда называют «каноном»)? Что означает включение в этот список какой-либо книги?

Канон – это образец

Само по себе слово *канон* – греческого происхождения и означает «правило, мерило, образец». В Церкви оно употребляется довольно широко: так могут назвать, по сути, любую норму церковной жизни: иконописные каноны определяют правила иконописания, а каноническое право – юридические стороны внутрицерковной жизни. Когда мы говорим о библейском каноне, то имеем в виду список книг, составляющих Священное Писание.

Сегодня нам легко открыть Библию и посмотреть, что напечатано под ее обложкой, но так было далеко не всегда. До изобретения книгопечатания полная Библия вообще была большой редкостью: книги были исключительно дороги, да и при тогдашней технологии том получался очень большим и тяжелым. Поэтому переписывали в основном отдельные книги или сборники, необходимые для богослужения.

Например, старейшее на Руси Остромирово Евангелие (XI в., Новгород) – это вовсе не те четыре текста, которые мы привыкли видеть в современных изданиях Нового Завета, и даже не один из них, а богослужебный сборник Евангельских чтений на разные воскресные дни и праздники, начиная с Пасхи. Такие книги в Средние века встречались чаще, чем привычные нам полные издания библейских текстов, поскольку потребность в них была больше. Действительно, в традиционном обществе Писание существовало прежде всего в контексте церковной жизни, а тех, кто обращался к нему «в часы досуга», было очень и очень немного, хотя бы из-за огромной стоимости книг. Примерно так же обстояли дела и в Палестине времен земной жизни Христа: единственный раз, когда мы видим Его со свитком Писания в руках, – это субботнее чтение пророка Исаи в синагоге.

Но было бы неверно считать, что в те времена к библейскому тексту обращались только отдельные знатоки. Нет, и простые люди, даже неграмотные, могли слышать Писание во время богослужения, в проповедях и беседах, охотно сами нередко цитировали его (зачастую неточно). Христос в своих проповедях постоянно напоминает: «как написано; у них есть Закон и пророки». Это, конечно же, ссылки на Писание. Но Христос никогда не уточняет, какие книги в это Писание входят. Он разбирает множество других спорных вопросов, но только не этот. Таким образом, можно сделать вывод, что в Его времена никаких существенных разногласий по поводу состава Писания не было.

Так и апостолы, вступая в дискуссии с язычниками или с первыми еретиками, или с не признававшими Христа иудеями, постоянно ссылаются на авторитет Писания – и нигде не определяют его границы. Более того, апостол Иуда Иаковлев в 9-м стихе своего Послания даже пересказывает сюжет из апокрифического «Вознесения Моисея», не входившего в состав Писания (подробнее о таких книгах будет сказано в 5-й главе), и это не единственный пример такой ссылки на неканоническую книгу. Оказывается, апостолы использовали в своей проповеди некоторые книги, не входящие сегодня в состав Писания.

Чужие книги

Итак, существовал ли во времена земной жизни Христа и первых Его учеников четко определенный канон? Судя по всему, нет. Люди читали одни и те же книги; но их авторитет, видимо, мог быть несколько различен: одно дело Закон, то есть Пятикнижие, на котором была основана вся жизнь общины, а другое – предание о вознесении Моисея, которое на центральном месте не будет стоять никогда.

В середине XX века в пещерах около Мертвого моря, прежде всего в месте под названием Кумран, было найдено много рукописей, которые были туда спрятаны около 70 года н.э., во время неудавшегося восстания евреев против римского господства. Книги в этом собрании были самые разные. В одном свитке могли быть и те псалмы, которые мы сегодня видим в Библии, и другие, не известные нам, но похожие на них. Разумеется, этого слишком мало, чтобы говорить о каком-то особом «кумранском каноне»: в конце концов, и в наши дни издаются сборники текстов и молитвословы, где канонические псалмы соседствуют с иными молитвами и гимнами. Да и сами обитатели Кумрана, скорее всего, стояли в стороне от основного направления иудаизма того времени, т.е. от фарисеев и саддукеев, так что их пример не очень показателен.

Когда же появился канон? Естественно, первым должен был возникнуть список книг Ветхого Завета. Иудейское предание, разделяемое и многими христианами, говорит, что это произошло сразу после возвращения израильтян из плена в V в. до н.э., во время деятельности книжника Ездры, но поверить в это довольно трудно: слишком много времени отделяет Ездру от первых перечней канонических книг. Кроме того, мы располагаем Септуагинтой, т.е. греческим переводом Ветхого Завета, который начал создаваться в Александрии Египетской в III в. до н.э. В нее вошли книги, отсутствующие в современном еврейском каноне: Товит, Иудифь, Премудрость Соломона, Премудрость Иисуса, сына Сирахова, Маккавейские и др. (именно они сегодня присутствуют в православных и католических изданиях Библии, но отсутствуют в протестантских). Некоторые из них были написаны сразу по-гречески, но некоторые существовали и в еврейском оригинале – большая часть еврейского текста книги Иисуса, сына Сирахова была найдена уже в наше время.

Разумным представляется такой вывод: главные священные книги у евреев новозаветных времен были везде одинаковыми, но «дополнительный список» мог несколько различаться в разных общинах. Скажем, в Александрии читали книгу Товит, а в Палестине – нет. По-видимому, это всех устраивало, но только до конца I века н.э. В это время Иерусалимский храм был разрушен, книги стали, по сути, самой главной святыней иудеев, а с другой стороны – произошел их окончательный разрыв с христианами. Пусть у тех и других был общий Закон и пророки, но христиане добавили к ним свои собственные священные книги, которые иудеи категорически отказывались признавать.

Судя по всему, именно по этим причинам на рубеже I—II веков окончательно сформировался иудейский канон, а из всех существовавших вариантов текста был выбран один, который сегодня мы называем Масоретским. Насколько мы можем судить, он был самым распространенным в Палестине, но все же не единственным.

Иудеи разделяют Ветхий Завет на «Закон» (по-древнееврейски «Тора»), «Пророков» («Невиим») и «Писания» («Кетувим»). Название всей Библии образовано первыми буквами названий этих трех частей: ТаНаХ (буква «к» из «Кетувим» в конце слова читается как «х»). При этом иудейское деление книг внутри канона не совпадает с христианским: к «Пророкам» причисляются и ранние исторические книги, а вот Даниила относят к «Писаниям», видимо, потому, что эта книга была написана, когда состав «Пророков» был уже полностью определен и добавить к нему новую книгу было нельзя.

Что же читать в Церкви?

Первые христиане, как нетрудно догадаться, к решениям раввинов отношения не имели, поэтому о христианском каноне Писания в I веке говорить еще рано. Собственно, желание составить свой список библейских книг появилось со временем точно по той же причине: стали возникать разнообразные секты и ереси, которые предлагали свои собственные священные книги, и от этих книг нужно было оградить верующих. Поэтому и пришлось составлять списки. Они встречаются в произведениях отцов Церкви, живших во II, III и IV веках – Иустина Философа, Ириней Лионского, Климента Александрийского, Кирилла Иерусалимского и других. Есть и анонимный список книг,

названный «мураториевым канон» (по фамилии человека, обнаружившего его уже в новое время), датированный концом II века. Этого уже достаточно, чтобы делать выводы, какие книги христиане почитали священными в самые первые века своей истории.

Но у всякого человека, который начнет сравнивать между собой эти списки, они вызовут скорее недоумение: почему они так заметно расходятся и почему сами отцы этих расхождений как будто не замечают? Было бы понятно, если бы один богослов заявил: «Я считаю послания Климента Римского частью Нового Завета», а второй бы ему ответил: «Нет, они ни в коем случае туда не входят, равно как и Откровение Иоанна Богослова» (именно такое разнообразие мнений мы находим в разных источниках). Но никаких споров не было, просто кто-то включал эти книги, а кто-то нет. Так, западные списки часто пропускали Послание к Евреям, не похожее на все остальные новозаветные Послания, а восточные – Откровение Иоанна Богослова, которое весьма непросто понять рядовому верующему.

Но во всех этих списках без исключения в новозаветной части мы найдем четыре известных нам Евангелия, книгу Деяний и почти все Послания Павла. В них могут отсутствовать Послание к Евреям, книга Откровения и часть Соборных посланий. Ориген уже в начале III в. перечислял эти четыре Евангелия, «которые только безоговорочно и принимаются в Церкви Божией». А в IV в. Кирилл Иерусалимский указывал: «В Новый Завет входят только четыре Евангелия, а остальные носят ложные названия и вредоносны. Манихеи написали Евангелие от Фомы, которое, пороча благодати имени Евангелия, губит души простаков. Принимайте также Деяния двенадцати апостолов и с ними семь Соборных посланий: Иакова, Петра, Иоанна и Иуды; и как печать на всех них и последних трудах учеников, четырнадцать Посланий Павла».

В то же время в ранние списки могли включаться и некоторые другие тексты, сегодня не входящие в Новый Завет: Послания апостола Варнавы и Климента Римского, «Пастырь» Ерма, «Дидахе» (иначе называемое «Учение двенадцати апостолов») и Откровение Петра. В отношении Ветхого Завета тоже не было полного единства: одни предлагали краткий список, совпадающий с иудейским канон, а другие – полный, включающий все или по крайней мере некоторые книги Септуагинты. Так что все расхождения никак не меняют общей картины: во что верили христиане, что рассказывали они о Боге и об Иисусе Христе.

По-видимому, отцы стремились не столько дать недвусмысленное правило на все времена, сколько указать своей пастве, какие книги стоит принимать как священные, а какие – нет. Например, в IV веке святитель Афанасий Александрийский в 39-м праздничном послании перечисляет книги «канонизованные» (это первое в христианской литературе упоминание о каноне как о перечне священных книг) и «не канонизованные, но предназначенные отцами для чтения». В первую категорию входят все книги еврейского канона, кроме Есфири, и 27 привычных нам книг Нового Завета; во вторую – Есфирь, Премудрость Соломона, Премудрость Сираха, Товит, Иудифь, а также примыкающие к новозаветному корпусу книги Дидахе и Пастырь Ерма. Все остальные книги, говорит святитель Афанасий, читать не следует, но списка этих ненужных книг не приводит. Значит ли это, что он отвергает, к примеру, Маккавейские книги? Не обязательно. Возможно, в данном месте и в данное время их просто не было в наличии, и поэтому говорить о них было ни к чему.

Кстати, среди рукописей Мертвого моря почему-то нет книги Есфири, единственной из всех библейских книг. Может быть, это просто случайность, а возможно, эта книга уже тогда смущала людей – слишком уж много в ней ненависти к врагам... Но мы можем строить об этом только предположения.

В результате всех этих рассуждений к IV–V векам все христианские общины согласились признавать в Новом Завете 27 книг, которые мы и сегодня найдем в любой Библии, кроме эфиопской. Эфиопы добавили к своему Новому Завету творения, связанные с именем Климента Римского (Послания и «Синод»), а также книги под

названиями «Обетования» и «Дидакалия». В части Ветхого Завета эфиопы тоже вполне оригинальны: они включают в него книги Юбилеев и Еноха, которые в остальном мире признаются апокрифическими. Эта особенность их церковной традиции свидетельствует о тех давних временах, когда библейский канон еще окончательно не сложился.

Есть ли граница между Писанием и Преданием?

Итак, Новый Завет практически у всех христиан содержит одни и те же 27 книг, но что касается Ветхого Завета, тут нет полного единства. Русская Православная Церковь признает 50 книг, примерно столько же (с минимальными отличиями) насчитывают другие православные и католики. Но протестанты признают библейскими только те 39 книг, которые вошли в иудейский канон; можно сказать, что они его просто заимствовали. Но почему сложилась такая ситуация с католиками и православными? Принято считать, что все самые важные решения принимались на церковных Соборах. В связи с библейским канонам обычно вспоминают Лаодикийский Собор на Востоке (ок. 360 г.) и Третий Карфагенский на Западе (397 г.). Но на самом деле деяния этих Соборов далеки от окончательного разрешения всех вопросов.

Так, постановления Лаодикийского Собора дошли до нас в нескольких списках. Одни из них содержат 60-е, самое последнее правило, со списком библейских книг; другие завершаются 59-м. Это дало повод сомневаться в подлинности 60-го правила, которое перечисляет «книги, которые должно читать» – краткий список книг Ветхого Завета с добавлением книг Варуха и Послания Иеремии, и 26 книг Нового Завета, но без Откровения. 47-е правило Третьего Карфагенского Собора требует, чтобы «кроме канонических Писаний ничто не читалось в церкви под именем Божественных Писаний» и перечисляет знакомый нам полный список Ветхого Завета и 27 книг Нового.

Очень долгое время это разногласие никому не мешало. Когда в 691—692 гг. на Трулльском Соборе епископы занялись сведением воедино и кодификацией постановлений предшествующих Соборов, они подтвердили авторитетность и Лаодикийского, и Карфагенского Поместных Соборов, но не указали, какому списку книг нужно следовать. Но помимо этих двух Соборов, они ссылаются и на текст под названием «Апостольские постановления». В их 85-м (тоже последнем) правиле приводится список канонических книг, причем Новый Завет там представлен без Откровения, зато с двумя посланиями Климента Римского.

Возникает ощущение, что точный состав Библии Отцы рассматривали далеко не в первую очередь и даже не особенно старались устранить явные расхождения: в подобном каноне просто не было особенной практической надобности. Правила Лаодикийского и Карфагенского Соборов не проводят никакой границы между истинными и еретическими книгами, а всего лишь определяют, какие книги могут читаться в церкви в качестве Писания. Если в одной церкви будут читать Откровение Иоанна Богослова, а в другой нет, в этом расхождении не будет ничего страшного, лишь бы место этой книги не заняло какое-нибудь еретическое сочинение.

Ожесточенные споры разгорелись на Западе уже в эпоху Реформации, и касались они лишь Ветхого Завета. Впрочем, это были споры не только о точном составе библейского канона, но и о его значении. Протестанты говорили при этом об исключительном авторитете Писания, принципиально отличающегося от всех остальных книг. Если так, то вопрос о том, что входит, а что не входит в Писание, становится действительно жизненно важным. Например, католические богословы в поддержку идеи чистилища (и вообще идеи о том, что земная Церковь может повлиять на посмертную участь ее членов) приводили рассказ 2-й Маккавейской книги (12:39–45) о принесении Иудой Маккавеем очистительной жертвы за умерших братьев. Для католиков эта книга входит в состав Писания, а следовательно, молитва за умерших Библией предписана. Но с точки зрения протестантов эта книга не библейская, и даже если сама по себе она хороша и интересна, то утверждения ее автора не имеют вероучительного авторитета.

Православный мир не знал столь масштабных и принципиальных споров по поводу достоинства книг Товита, Иудифи и т. д. В результате сложилась ситуация, когда православные, следуя Лаодикийскому Собору, признают каноническими те же книги, что и протестанты, но включают в свои издания Библии и неканонические книги, как католики. Таким образом, библейский канон оказывается меньше самой Библии!

Но странным это может показаться только в контексте западной Реформации, а не на Востоке, где не ставилась задача отделить Писание от Предания. Православные богословы иногда изображают их в виде концентрических кругов: в самом центре находится Евангелие, далее – другие библейские книги (понятно, что Послания Павла для нас важнее, чем Левит), затем – определения Вселенских Соборов, творения Отцов и другие элементы Предания. Не так уж важно, где именно заканчивается Писание и начинается Предание, куда именно отнести Маккавейские книги или послания Климента Римского. Границы между истиной и ложью, между верой и суеверием, между церковностью и ересью гораздо важнее границ между Писанием и Преданием, которые, как и многое иное в Церкви, служат свидетельством «одного Духа и одних мыслей» (1 Кор 1:10).

4. Как соотносятся Писание и Предание?

Говоря о Библии, христиане называют ее Священным Писанием и ставят ее на самое первое место. Но всем очевидно, что жизнь христианских общин регулируется не только Библией. Православные, помимо Писания, говорят и о Священном Предании. Что же это такое и какова связь между этими двумя понятиями?

А что есть Предание?

Для начала зададимся вопросом: а как дошло до людей Писание? Принесли ли им ангелы некую книгу? Нет, все было не совсем так. В жизни разных людей, начиная с Авраама, происходили разные события, которые они воспринимали как Откровение Божие, и рассказывали своим детям и внукам. Потом часть этих рассказов была записана, к ним постепенно добавлялись другие. Но и то, что уже было записано, нуждалось в различных пояснениях: в конце концов, любая книга – это всего лишь буквы, и кто-то должен научить нас читать эти буквы и складывать из них слова. Эти буквы содержат запись рассказов об Откровении, но сами они еще не есть Откровение, и более того, Откровение не ограничивается этими рассказами.

Очень упрощенно говоря, главные из записанных книг были названы Священным Писанием, а всё остальное – Преданием. Вопрос о соотношении Писания и Предания остается вечно актуальным; он по-разному трактуется в разных христианских деноминациях, к нему вновь и вновь приходится обращаться при решении практических проблем, возникающих в жизни Церкви.

В нашей стране этот вопрос можно часто услышать в диалогах между православными и протестантами: протестанты упрекают православных в том, что они заменили Писание множеством каких-то своих собственных придумок, которые в Библии не найдешь, и назвали их Преданием. Православные, наоборот, отвечают, что с древнейших времен христиане не опирались на одно Писание, как свидетельствует, к примеру, святой Василий Великий: «Из сохранных в Церкви догматов и проповеданий некоторые мы имеем от письменных наставлений, а некоторые приняли от апостольского предания... Например, кто Писанием учил, чтобы уповающие на имя Господа нашего Иисуса Христа знаменовались образом креста? К востоку обращаться в молитве какое Писание нас научило? Слова призывания при преложении Хлеба Евхаристии и Чаши благословения кто из святых оставил нам в Писании?... Благословляем также и воду крещения, и елей помазания... – по какому Писанию? Не по Преданию ли, умалчиваемому и тайному?»

И тогда протестанты обычно восклицают: «Да где же оно, это ваше тайное Предание, покажите нам список книг, которые его содержат?» Но вот как отвечает на этот вопрос наш современник, игумен Петр (Мещеринов): «Церковь не имеет догматического богословского определения, некоей точной формулы, что есть Св. Предание. Нет в Церкви книги, озаглавленной “Св. Предание”... Православная Церковь очень свободна, в отличие, например, от Церкви латинской. Вот они всё определяют точно, всё формулируют, всё схоластически догматизируют и записывают в толстенные катехизисы. У нас этого нет; в Православной Церкви точно фиксированы лишь очень немногие важнейшие вещи – только основы нашей религии; очень многое оставлено на свободу, на сам опыт жизни Церкви. В этом – глубочайшее уважение к человеку».

Значит ли это, что Предание – вообще всё, что угодно? Разумеется, нет. Его основу составляют решения Вселенских Соборов, сформулировавших важнейшие положения христианского богословия. Но эти положения не остались голой теорией, они нашли свое воплощение в богослужебных текстах, в иконописи, даже в храмовой архитектуре. Сама икона заняла в храме такое важное место только потому, что когда-то был принят догмат о сочетании божественной и человеческой природ во Христе: изображается человеческий

Лик, но он свидетельствует нам и о Боге. Наконец, многочисленные рассказы о жизни разных христианских общин и отдельных святых – тоже части Предания.

Для православных Предание – это, по сути, многовековой опыт жизни Церкви. Но если Писанием мы называем книгу вполне определенного содержания, то Предание просто невозможно определить такими рамками, как невозможно ими определить, скажем, семейные традиции. Если я скажу постороннему человеку: «У нас в семье принято поступать так-то и так-то», он может меня спросить: «А где это записано?» И мне нечего, по сути, будет ему ответить. Мы просто живем так...

Писание в центре Предания

Как же Предание соотносится с Писанием? Нам сегодня это может показаться удивительным, но первые десятилетия Церковь жила даже без письменного Евангелия. Как отмечает евангелист Лука в самом начале своей книги, он взялся за этот труд именно потому, что уже существовало немало устных рассказов, и свое Евангелие он записал «по тщательном исследовании всего сначала» (Лк 1:3).

Видимо, нечто подобное происходило и с Ветхим Заветом: не то чтобы Моисей, спустившись с Синайской горы, сел и написал сразу всё Пятикнижие, или Исайя, получив откровение, немедленно создал свою книгу от первой до последней страницы. Такого мы нигде не найдем в самой Библии. Напротив, в ней встречаются ясные указания, что ее книги складывались постепенно. В Притчах Соломоновых, например, есть такой подзаголовок: «И это притчи Соломона, которые собрали мужи Езекии, царя Иудейского» (25:1). Но между Соломоном и Езекией прошло более двух столетий! Это как сборник стихов Ломоносова или Державина, впервые изданный лишь в наше время. То есть всё это время эти изречения Соломона существовали либо в устной форме, либо в виде каких-то отдельных документов, но они не входили в единую книгу Притчей.

Таким образом, можно сказать, что Писание постепенно возникло в глубине Предания. Но это совсем не значит, что между Писанием и Преданием не может быть никакого напряжения. В тех же Евангелиях мы не раз читаем о том, как Христос обличал книжников и фарисеев, подменявших Писание «преданиями старцев» и возлагавших на людей «бремена неудобноносимые». И такое, конечно же, может происходить не только тогда, но и в наши, и в любые другие времена: человеческие традиции становятся самодостаточными, порой они просто заслоняют собой всё остальное.

Именно поэтому на заре Реформации отцы протестантизма отказались видеть в Предании нечто равноценное Писанию. Им возражали католики: и Писание, и Предание должны быть источниками вероучения.

А для православных Писание – центральная и самая важная часть Предания, не отделяемая от всего остального. Впрочем, при этом надо отличать ту его часть, которая действительно стала достоянием всей Церкви и которую смело можно назвать Священным Преданием, от разных обычаев, пусть и полезных, но не имеющих общецерковного значения. На Карфагенском Соборе 257 г. один из епископов заметил: «Господь сказал: Я есмь Истина. Он не сказал: Я есмь обычай». Современный богослов, епископ Каллист Уэр, прокомментировал эти слова: «Есть разница между преданием и традициями: многие унаследованные от прошлого традиции имеют человеческую и случайную природу. Это благочестивые (или неблагочестивые) мнения, но не истинная часть Предания – основания христианской вести».

Предание как понимание

Люди, приходящие в Церковь, сначала соприкасаются с самыми внешними его слоями: «А вот наш батюшка говорит... а вот мне в храме сказали...» Это вполне естественно, но на этом никогда не надо останавливаться. Периферийные круги должны согласовываться с центральными: что говорит приходской священник, не так важно, как

постановление Вселенского Собора, а важнее всего, разумеется, Евангелие. И если видишь противоречие между одним и другим, то... нет, не надо торопиться. Надо сначала задуматься.

Мы прекрасно осознаем дистанцию между нами и отцами Церкви, когда рассуждаем об их святости и о своей греховности. Но при этом многие люди говорят так, будто нет вообще никакой дистанции между их пониманием и тем, что говорили отцы, словно любое наше повторение сказанных ими слов автоматически создает духовное тождество между нами и ними. Мы можем повторять слова Писания или его авторитетнейших толкователей, но это еще не значит, что именно наше нынешнее понимание этих слов является самым правильным: нужно проникнуть в самую суть их аргументов, понять их позицию и разглядеть, насколько она применима к нашей собственной ситуации. Следование отцам не есть механическое повторение.

Впрочем, авторитетным богословам стараются следовать не только православные читатели Библии. Как вообще человек знакомится с Библией? Он в любом случае открывает ее не так, как открывают только что купленную в киоске книжку с абсолютно незнакомым названием. Нет, здесь любой читатель уже прекрасно представляет себе, вне зависимости от своих убеждений, что этот текст – Священное Писание христианской Церкви (а Ветхий Завет также иудейской общины), и всё, что прочтет, он будет так или иначе соотносить с этим своим предварительным знанием.

Если человек сам приходит к вере, он будет читать Библию по мере своего вхождения в общину верующих. У всякой общины есть свое вероучение, оно обязательно построено на Библии, установочные тексты (катехизисы, исповедания, литургические песнопения) постоянно цитируют или пересказывают ее. В результате человек, вступая в такую общину, в первую очередь знакомится не столько с самой Библией, которая пока для него слишком велика и сложна, а с упрощенным изложением вероучения, опирающимся на Библию.

Можно подумать, что это не относится к неверующим или к тем, кто, веруя в Бога, не принадлежит к определенной конфессии. Но это не так; свое мировоззрение есть у всякого. Один человек верит в буквальную истинность библейских чудес, другой – что чудес не бывает и все их описания суть вымысел или особый поэтический язык, но то или иное убеждение в любом случае берется им за основу, именно оно определяет, какими глазами человек смотрит на текст.

Как мы знаем, христианских конфессий много, а еще больше существует светских философий и мировоззрений, и даже внутри одной конфессии встречаются люди разных взглядов и направлений. Потому и не существует абсолютно объективного, научно доказанного толкования Библии, которое можно было бы уподобить таблице Менделеева или карте звездного неба. Если бы оно существовало, его давно приняли бы все здравомыслящие христиане, отвергнув всё, что с ним не согласуется. Но они продолжают спорить, и каждый уверен в своей правоте. Так было всегда: например, в III в. Киприан Карфагенский и римский папа Стефан спорили о том, действительно ли крещение, полученное у еретиков – но оба они погибли мученической смертью, оба прославлены как святые. Кстати, вопрос о том, чье именно крещение бывает недействительным, вызывает много споров и сегодня.

В спорах между конфессиями каждая сторона ссылается на своих отцов – православные, к примеру, на Иоанна Златоуста, католики на Августина Гиппонского, а протестанты на Жана Кальвина или Мартина Лютера. В этом смысле можно сказать, что свое Предание есть и у протестантов, пусть оно понимается несколько иначе и занимает более скромное место, чем у православных. Но ни один добросовестный баптист или адвентист не толкует Библию «с нуля», он стремится согласовать свои толкования с тем, что прежде него сказали братья по вере. Тот же Августин говорил: «Я не поверил бы Евангелию, если бы меня не побуждал к тому авторитет католической Церкви».

Впрочем, по многим важнейшим вопросам все христиане имеют одинаковую или очень близкую точку зрения, и даже то, что казалось спорным во время Реформации, сегодня могут так или иначе признавать практически все христиане. Например, Лютер провозглашал, что Писание понятно всякому человеку на внешнем, грамматическом уровне, но глубинное понимание духовных истин приходит только под действием Святого Духа. Это говорилось в ответ на утверждение католических богословов того времени, что простому человеку Библия недоступна (не забудем, что тогда католики совсем не поощряли ее чтение на народных языках, а только на латыни). Но сегодня, пожалуй, мало кто из традиционных христиан станет возражать против такого подхода. Впрочем, на практике отступления от этого принципа встречаются: одни полагают, что даже сам язык Писания есть нечто таинственное, недоступное человеческому разуму (мне доводилось слышать, что при чтении текста не так важно, понимаешь ли ты смысл, ибо тебя освящает само звучание); другие наивно ждут, что смысл Писания исчерпывающим образом сам собой открывается перед ними при первом прочтении.

Отцы помогают нам нащупать золотую середину, поэтому понятию «Священное Предание» можно дать и такое определение: это опыт прочтения Священного Писания наиболее опытными и духовно зрелыми нашими предшественниками, и проистекающий отсюда опыт жизни по Писанию. Но в какой мере этот их понимание, возникшее в давние века и в совершенно другой культурно-исторической обстановке, может быть полезным для нас сегодня? Это тема для отдельного разговора, и к ней мы еще вернемся в 12-й главе.

5. Что такое апокрифы?

Периодически можно слышать о сенсационных находках: новые «евангелия» и другие якобы неизвестные прежде тексты, возникшие на заре христианства, наконец-то расскажут нам всю правду... На самом деле, ничего принципиально нового в этих находках нет; чаще всего речь идет о новых рукописях текстов, известных с давних времен под названием апокрифов. Но что такое апокрифы, откуда они взялись и как к ним относиться?

Книги на границе Библии

Сегодня, когда Библия выглядит как цельный том, ее читатели привыкли думать, что канон Библии всегда был определен, а граница между Писанием и всей остальной литературой была четко проведена и всем хорошо известна. На самом деле это далеко не так: когда пророк или Евангелист начинал писать или проповедовать, он вовсе не ставил себе цели дополнить Библию еще одной книгой, нет, он сообщал людям то, что считал необходимым. И лишь затем община верующих – сначала древний Израиль, а затем христианская Церковь признавала его текст адекватным и точным изложением своей веры. При этом, конечно, всегда существовали лжепророки и лжеучителя, творения которых община верующих отвергала.

Можно было бы подумать, что решающую роль здесь играло авторство текстов: скажем, Исайя или Павел – всем известные проповедники Истины, так что и книги, носящие их имена, будут признаны священными. Но это далеко не так: в каноне Писания на центральном месте стоят произведения Луки (Евангелие и Деяния), который не был даже свидетелем земной жизни Иисуса, а вот книга, которая называется «Евангелие от Петра», считается подложной. Ее явно не писал апостол Петр, которого мы знаем по двум новозаветным Посланиям – его имя было приписано к этому тексту, чтобы придать ему больше авторитетности. Такая ситуация типична для апокрифов.

Так что же тогда такое *апокриф*? По-гречески это слово значит «тайный, сокровенный». Апокриф лежит где-то на самой границе Писания, но всё же по ту сторону границы. Точнее сказать трудно, потому что граница – точнее, канон Ветхого Завета – неодинакова в разных традициях, и само слово «апокриф» употребляется в них по-разному.

В состав иудейских и протестантских изданий не входят некоторые книги (Маккавейские, Иудифи, Товита, Премудрости Соломона и др.) и значительные отрывки из других книг (прежде всего Есфири и Даниила), которые мы встретим в православных и католических изданиях. Такие книги протестанты обычно называют как раз апокрифическими, католики – второканоническими, а православные – неканоническими. Поэтому, если вы встретите английскую Bible with Apocrypha, это будет всего лишь означать, что в Ветхий Завет включены все эти книги и главы, но не более того. У православных и католиков апокрифами принято называть другие книги, которые никогда и нигде не входили в состав Библии, например, «Книгу Юбилеев» или «Хождение Богородицы по мукам». Теперь мы поговорим именно о таких книгах.

Ветхозаветные апокрифы

Что касается ветхозаветных апокрифов, то речь идет в основном о текстах, «дополняющих» Библию, их авторство часто приписывается библейским персонажам. Это «Книга Юбилеев», «Завещание двенадцати патриархов», «Книга Еноха», «Видение Исайи», «Псалмы Соломона» и некоторые другие тексты. Как правило, точное авторство и даже время написания этих текстов нам неизвестны, они доходят до нас в разных рукописных вариантах и в этом смысле не могут считаться источником, надежно излагающим взгляды какого-то определенного человека или группы людей. Но они, тем

не менее, прекрасно показывают ту идейную и культурную среду, в которой возник Новый Завет (некоторые из них могли быть написаны вскоре после Нового Завета или одновременно с ним). Мы не знаем точно, кто и когда написал данную фразу из апокрифа, но мы можем быть уверены, что эти идеи, образы, понятия были достаточно широко распространены в иудаизме т. н. «межзаветного периода» (между Ветхим и Новым Заветами), иначе бы они просто не дошли до нас. В этом отношении они очень полезны и интересны.

Пожалуй, самая интересная часть ветхозаветных апокрифов – это толкования (по-еврейски «мидраши») на канонические библейские тексты. В дополнение к библейским повествованиям они предлагают множество подробностей, иногда совершенно фантастических, а иногда просто спорных. Вот, например, как описывает Книга Юбилеев жизнь первых людей в раю, говоря от лица Самого Бога: «Адам и жена его были в саду Едем семь лет, возделывая и храня его. И Мы дали ему занятие и научили его все видимое употреблять в дело, и он трудился. Он же был наг, не зная сего и не стыдясь. И он охранял сад от птиц, и зверей, и скота, и собирал плоды сада и ел, и сберегал остаток для себя и своей жены, и делал запас». Такой «сад Едем» больше напоминает дачные шесть соток, чем место вечного блаженства...

Другие апокрифы, например, Книга Еноха, наоборот, повествуют о самом конце земной истории, и это сближает их с Откровением Иоанна Богослова. Собственно, *откровение* (по-гречески «апокалипсис») о конце времен – весьма популярный в свое время жанр, но только одна из таких книг, как мы видим, вошла в Библию. Правда, элементы апокалиптических видений можно встретить и в пророческих, и в некоторых других книгах Писания. К этому жанру принадлежит и «Вознесение Моисея» – единственный апокрифический текст, чей сюжет явно пересказывается в Новом Завете (Иуд 9), хотя, конечно, его авторам были известны и многие иные апокрифические книги.

Есть и такие апокрифы, которые продолжают библейские традиции. Среди них мы найдем и пророческие книги («Завет двенадцати патриархов»), и даже псалмы: книга «Псалмов Соломоновых», по-видимому, единственный дошедший до нас сборник молитв самых первых иудеохристиан. Удивляться тому, что текст, созданный уже после пришествия Христа, носит имя царя, жившего почти за тысячу лет до Него, не приходится – такова особенность апокрифической литературы. Имя знаменитого пророка или героя, стоящее в заглавии книги, указывает не столько на ее авторство, сколько на ту духовную традицию, к которой принадлежит этот текст. Вдохновенные слова этих молитв мы могли бы повторить и сегодня:

Верен Господь воистину любящим Его,
терпящим наказание Его,
совершающим путь в праведности предписаний Его,
по закону, какой дал Он нам для жизни нашей.
Праведники Господни будут жить по нему вовек,
рай Господень, дерева жизни – праведники Господни.

«Иное благовестие»

Немало апокрифов примыкает и к Новому Завету, но здесь ситуация уже совсем иная. Среди новозаветных апокрифов много книг, которые претендуют на свою равнозначность с книгами самого Нового Завета или даже на абсолютную истинность, но с самых давних времен Церковью они не признаются подлинными. Это, прежде всего, Евангелия от Петра, Фомы, Филиппа, Никодима, Иуды, Варнавы, Марии (Магдалины) – так сказать, «альтернативные версии» истории Иисуса из Назарета, которые приписываются различным персонажам Нового Завета, но явно не были ими написаны. В них, как правило, можно заметить идеологическую или богословскую конструкцию, которую такое Евангелие должно поддерживать. «Евангелие от Иуды» излагает гностический взгляд на евангельские события, «Евангелие от Фомы» – манихейский, а

«Евангелие от Варнавы» – мусульманский. Понятно, что такие тексты расходятся во многих принципиальных положениях с каноническими текстами Нового Завета: единственным верным учеником Иисуса вдруг оказывается Иуда Искариот (Евангелие от Иуды), или же Иисус категорически отказывается называться Сыном Божиим (Евангелие от Варнавы).

Такие тексты были известны с давнейших времен. Еще апостол Павел предупреждал о проповедниках «инога благовествования» (2 Кор 11:4, Гал 1:7–8), не уточняя, правда, что конкретно имеется в виду. Но по его пылким словам, обращенным к разным общинам, мы можем предположить: речь шла о проповедниках, извращавших самые основы христианской веры о жизни, смерти и воскресении Иисуса Христа.

Но откуда же мы знаем, что правы именно канонические Евангелия, а не эти? Сегодня каждая новая находка преподносится в прессе как сенсация: вот еще одна свежая, оригинальная версия, может быть, она истинна? Или, по крайней мере, равноправна? Действительно, в эпоху расцвета альтернативных историй и даже альтернативных этических систем в это так удобно верить...

На самом деле всё довольно просто. Канонические книги Нового Завета при всем своем разнообразии и порой незначительных расхождениях в мелочах, едины в главном, а все «иные благовествования» рисуют нам собственные, категорически несовместимые друг с другом картины, зато каждая из них очень хорошо согласуется с определенным течением, соперничающим с христианством. Если право Евангелие от Иуды, то абсолютно неправ не только канонический Новый Завет, но и Евангелие от Варнавы, и наоборот. Кроме того, в том же Евангелии от Варнавы немало фактических ошибок, ясно указывающих, что его автор, в отличие от апостола Варнавы, никогда не бывал в Палестине. Например, в этом тексте Иисус с Марией, живя в Галилее, собирают маслины... в Гефсиманском саду, расположенном возле Иерусалима, за десятки километров от их родного дома!

Но самый главный принцип – принятие текста общиной верующих. В самых первых списках признанных Церковью книг, начиная со II века (о таких списках речь шла в 3-й главе), мы находим привычные нам четыре канонических Евангелия – и ни разу не встречаем ни одного другого. Они могут различаться в мелких деталях, но никаких сенсационных разоблачений из них вычитать невозможно. Для сравнения – первое известное нам упоминание текста под названием Евангелие от Варнавы относится к концу V века (римский папа Геласий говорил тогда о его подложности). А первая известная нам рукопись этого текста была найдена только в XVIII веке, притом она была написана по-итальянски и датируется концом XVI века. Мы даже не знаем, тот ли это текст, который держал в руках Геласий – скорее всего, он был сочинен намного позднее и просто был назван именем апостола, что для апокрифов вполне обычно.

Иногда апокрифы восполняют «пробелы» канонических Евангелий. Ведь даже Деяния Апостолов (20:35) цитируют одно изречение, отсутствующее в Евангелиях: «блаженнее давать, нежели принимать». Наверняка в некоторых апокрифических книгах тоже содержатся какие-то вполне достоверные детали. Но если эти книги в целом не отражают того образа Христа, который знаком Церкви, то трудно доверять им и в частности.

Канонические Евангелия, например, почти ничего не говорят о детстве Иисуса – только Лука рассказывает об одном эпизоде, когда родители потеряли Его в Иерусалиме, а потом нашли в Храме (2:41–51). Но неужели не интересно, что происходило с Ним от рождения до того момента, когда Он вышел на проповедь? Так возникает Евангелие детства, приписываемое апостолу Фоме.

Вот отрывки из него: «После этого он снова шел через поселение, и мальчик подбежал и толкнул его в плечо. Иисус рассердился и сказал ему: ты никуда не пойдешь дальше, и ребенок тотчас упал и умер... Учитель написал алфавит и долго спрашивал о нем. Но он не давал ответа. И Иисус сказал учителю: если ты истинный учитель и хорошо

знаешь буквы, скажи мне, что такое альфа, и я скажу тебе, что такое бета. И учитель рассердился и ударил его по голове. И мальчик почувствовал боль и проклял его, и тот бездыханный упал на землю. А мальчик вернулся в дом Иосифа. И Иосиф был огорчен и сказал его матери: “Не пускай Его за дверь, ибо каждый, кто вызывает Его гнев, умирает”»).

Похож ли такой персонаж на Того, Кто убеждал, а не наказывал, исцелял и воскрешал, а не убивал, терпел побои, а не разил своих врагов? Скорее, тут перед нами злой могущественный колдун, который не терпит ни малейших возражений. Ничего удивительного, что Церковь не узнала *такого* Христа, и отвергала книгу как недостоверную.

Христиане всегда признавали, что, помимо их собственного Писания, существуют и другие тексты, почитаемые другими людьми. Таких текстов было немало в древности, продолжают их находить или сочинять и сегодня (тот же Дэн Браун с его «Кодом да Винчи»). Причем, нередко оказывается, что новое сочинение повторяет старые идеи – так, сегодняшние теософы нередко берут на вооружение старинные трактаты гностиков. В конце концов, и в наше время люди продолжают записывать бывшие им «откровения» и присваивать им священный статус – именно так появилась в 1830-м году на свет «Книга Мормона», которую последователи этого учения включают в свое Священное Писание. Собственно, это их дело.

Христианам же принять такие книги наравне с каноническими невозможно, но и они на свой лад весьма полезны – они рассказывают нам об учениях, соперничавших с христианством как в самые первые века христианской Церкви, так и позднее.

Сразу после Библии

К апокрифам Нового Завета обычно причисляют и много других текстов, не противоречащих Библии, а дополняющих и расширяющих ее повествования. Это разнообразные рассказы о жизни, проповеди и мученической смерти апостолов (тех же самых Варнавы, Филиппа, Фомы) или послания к христианским общинам, в том числе приписываемые Павлу (Лаодикийцам и 3-е к Коринфянам; впрочем, они явно не принадлежат апостолу и составлены из Павловых цитат какими-то его последователями). Такие апокрифы вполне могут приниматься церковной традицией: например, о Богородице в Библии рассказано очень мало, так что церковное празднование ее Рождества и Введения во храм, отчасти даже Благовещения основаны на апокрифическом «Протоевангелии Иакова». Каноническим текстам это повествование не противоречит, так почему бы им не воспользоваться? Только не надо ставить его наравне со Священным Писанием.

Но особенно интересны, конечно же, тексты, написанные младшими современниками и учениками апостолов – некоторые из них в древности даже иногда включали в Новый Завет. Их авторов часто называют «мужами апостольскими» – они были младшими современниками и учениками апостолов. Эти произведения заметно отличаются от собственно новозаветных текстов, но в то же время прекрасно показывают, как развивалась ранняя Церковь.

Например, в Новом Завете мы не встретим четкой церковной иерархии, которую знаем сегодня, там слово «епископ» – практически синоним слова «пресвитер» (так сегодня называют священников). Можно порой услышать, что современная иерархия с епископом во главе сложилась достаточно поздно, в Средние века. Но оказывается, что уже на рубеже I и II вв. н.э. антиохийский епископ Игнатий Богоносец в своих посланиях, особенно в «Послании к ефесянам», подробно излагает учение о епископе как о главе местной христианской общины и руководителе пресвитеров: «Посему и вам надлежит согласоваться с мыслью епископа, что вы и делаете. И ваше знаменитое достойное Бога пресвитерство так согласно с епископом, как струны в цитре... Никто да не обольщается! Кто не внутри жертвенника, тот лишает себя хлеба Божьего. Если молитва двоих имеет

великую силу, то сколько сильнее молитва епископа и целой Церкви?». То есть принцип «поместная Церковь существует только вокруг епископа, находящегося в общении с другими епископами» возник практически сразу после того, как в Новом Завете была поставлена последняя точка, это вовсе не средневековое изобретение.

Впрочем, в Новый Завет послания Игнатия, судя по всему, никогда и никем не включались. Зато в некоторых самых древних списках в него входили послания апостола Варнавы и римского епископа Климента, а также два очень важных свидетельства о жизни ранних христиан – книги под названиями «Дидахе» и «Пастырь Ерма». Их вполне можно считать новозаветными апокрифами.

Слово «Дидахе» означает «Учение», и полное название этого произведения – «Учение Господа через двенадцать апостолов народам». Это произведение начинается со слов: «Есть два пути: один – жизни и один – смерти». Дальше идет изложение правил самого раннего периода жизни Церкви, из которого мы узнаем о Евхаристии, разных обрядах, молитвах, постах и обычаях первых христиан, о том, как строились взаимоотношения между разными общинами.

А «Пастырь», написанный римлянином по имени Ерм (иногда его имя пишут как Герма), был в древности, пожалуй, не менее популярен, чем канонические книги Нового Завета. Это перечень откровений, которые поведали Ерму прекрасная госпожа (символ Церкви) и ангел в образе пастыря (то есть пастуха). Эта книга описывает жизнь римской христианской общины начала II в. от Р. Х., в период гонений, и дает множество наставлений всем христианам.

Вот что, например, передавала через Ерма всем христианам Госпожа-Церковь: «Послушайте меня, дети. Я воспитала вас в великой простоте, невинности и целомудрии, по милосердию Господа, который излил на вас правду, чтобы вы очистились от всякого беззакония и лжи, а вы не хотите отступить от неправд ваших... Живите в мире, заботьтесь друг о друге, поддерживайте себя взаимно и не пользуйтесь одними творениями Божиими, но щедро раздавайте нуждающимся... Тем теперь говорю, кто начальствует в Церкви и главенствует: не будьте подобны злодеям. Злодеи, по крайней мере, яд свой носят в сосудах, а вы отраву свою и яд держите в сердце; не хотите очистить сердец ваших и чистым сердцем сойтись в единомыслие, чтобы иметь милость от Великого Царя».

Можно только пожалеть, что в последующие века эти прекрасные и мудрые апокрифические книги как-то вышли из употребления. Внимание людей захватывали другие тексты, менее назидательные и более красочные, а порой и кровожадные – на Руси, например, был очень популярен апокриф под названием «Хождение Богородицы по мукам». В нем описывается, как Богородица сходит в ад, и ей показывают страдания грешников, очень подробно и вполне телесно. Вот такой апокриф, пожалуй, читать не обязательно...

Апокрифы, даже признаваемые Церковью, не обладают абсолютным авторитетом Священного Писания. Это могут быть полезные, интересные и поучительные книги, а могут быть и книги откровенно ложные, еретические – но во всяком случае Церковь не считает их Словом Божиим. Это человеческое слово, которое много может рассказать нам об истории христианства и других религий, многому может научить, но подходить к нему, как и ко всякому человеческому слову, следует осторожно.

6. Зачем христианину Ветхий Завет?

Нередко можно услышать, что христиане, у которых есть Новый Завет, в Ветхом уже не нуждаются. Почему же тогда его продолжают печатать в изданиях Библии? Просто как некий памятник древности, или у него есть свое место в Церкви и сегодня? Если да, то зачем он нам нужен?

Сдаем пол-Библии в музей?

И в самом деле, ветхую одежду или мебель обычно ведь не используют, заменяют на новую – разве не та же судьба постигла и Ветхий Завет? Первая часть Библии, как думают многие, «обветшала», утратила для нас значение. Дело не только в названии (славянское «ветхий» означает просто «старый, прежний»): прочитав Новый Завет и перейдя к Ветхому, человек нередко испытывает разочарование. И скучно бывает, и неактуально, но главное – слишком много на его страницах крови. В Новом Завете тоже не всё понятно и не всё интересно, но едва ли что-то настолько отталкивает читателя. Кто-то может подумать, что речь вообще идет о двух разных богах...

Подобную мысль высказывал один богослов II века н.э., Маркион из Синопа. Он учил, что существуют два бога: жестокий Творец, о котором повествует Ветхий Завет, и милосердный Бог Любви, явленный в Новом. Между ними нет ничего общего: до Христа люди якобы не знали Бога Любви и поклонялись жестокому Творцу, по ошибке принимая его за высшее божество.

Что интересно, разногласия Маркиона с традиционным христианством на этом не кончались. Чтобы «развести» два Завета, Новый ему пришлось существенно сократить. Маркион оставил всего лишь одно Евангелие и 10 апостольских посланий, да и оттуда выкинул все, что касалось телесности Христа, реальности Его земной жизни. Маркион исповедовал характерный для восточных религий *дуализм*: всякая материя, всякая телесность – зло, и нужно избавиться от нее ради духовного совершенства, поэтому и Христос только выглядел человеком, но был лишь бесплотным духом, слетевшим с небес, чтобы рассказать человечеству об Истинном Боге. Он не родился и не умер на земле, страдания на Кресте, после которых Он вознесся на небо, были лишь видимостью. По Маркиону, ученики Христа многое перепутали и записали неправильно (такую оговорку делает практически каждый, кто желает «отредактировать» Евангелие по своему вкусу).

Это учение было отвергнуто Церковью, его несостоятельность подробно, по пунктам разбирали практически все видные церковные писатели того времени. Действительно, такое «христианство» несовместимо с самыми основами веры Церкви. Зато оно отлично подходит гностикам и всяким околохристианским сектам, стремящимся использовать Библию в своих целях. Церковь, напротив, провозгласила и подтвердила не раз, что Священное Писание, состоящее из Ветхого и Нового Заветов, для нее нераздельно.

Отбросить Ветхий Завет – это значит отказаться от плоти, от человеческой природы Христа. Дело не только в том, что в Евангелии исполняются пророчества и намеки, которыми полон Ветхий Завет, так что значимым оказывается и место (рождение в Вифлееме), и время событий (распятие перед Пасхой), и даже отдельные детали (римские солдаты не перебили голени Иисуса, как нельзя было ломать и костей пасхального агнца). Дело еще и в том, что история спасения для христианина начинается не с Рождества, а с момента грехопадения человека, когда возникает сама потребность в спасении. Ведь сначала нужно понять, от чего вообще нужно спасти человечество, почему оно оказалось отделено от Бога и поработано смерти. Об этом как раз и говорится в Ветхом Завете. Более того, его «кровавость» во многом объясняется тем, что это – честное и подробное повествование о *падшем* человечестве, а не святочный рассказ о чем-то милом, но совершенно нереальном. И если мы тоже будем честны, нам придется

признать, что именно Ветхий Завет лучше, чем все остальные древние книги, сумел эту «кровавость» обуздать и ограничить.

Ни в одной из них человеку не говорили с такой поразительной простотой «не убивай, не кради, не прелюбодействуй». В самом деле, теперь люди, для которых убийство, воровство и прелюбодеяние до сих пор остаются делом доблести и чести, хотя бы стараются замаскировать это свое отношение разными красивыми словами. В фильме «Апокалипто», повествующем об индейцах доколумбовой Америки, как раз и показано общество, где убить человека – то же, что зарезать кабана. А ведь когда-то так жило всё человечество.

Ступени в небо

Бог готовил человечество к пришествию Христа задолго до того, как оно состоялось. Опыт миссионеров, работавших среди диких племен Океании, показывает: пока не будут усвоены представления о Едином Боге и о данном Им законе, Евангелие проповедовать бесполезно. Можно ли говорить о любви к ближнему каннибалам, которые ближних любят так, что аж пальчики облизывают?

Впрочем, и без каннибализма в таких племенах случаются чудовищные вещи. Мне лично доводилось беседовать с человеком, проведшим 20 лет в Папуа Новой Гвинее. Он рассказывал, что там процветал «культ карго» (от англ. cargo «груз»). Папуасы видели в материальных предметах, привезенных белыми людьми, высшую ценность и понимали проповедь о Христе сквозь призму этого культа. Услышав, к примеру, что последовавший за Христом получит в будущей жизни в сто раз больше, чем он отдал в этой, одно племя выбрало добровольца, распяло его на кресте (!), а в могилу положило инструменты, одежду и прочие припасы, чтобы, когда распятый воскреснет, получить вместо одного топора сразу сотню.

Нет никаких сомнений, что если бы не долгие века «подготовки к Евангелию», как называли этот процесс раннехристианские писатели, никакого другого отношения к проповеди Христа нельзя было бы и ожидать. Конечно, в эту подготовку входила и проповедь языческих мудрецов: философов, поэтов и законодателей, внушавших своим современникам представления о добре, справедливости и милосердии, – но основную роль в ней играл все же Ветхий Завет. В книге Бытия мы встречаем удивительный образ: Иакову снится лестница, по которой ангелы сходили с неба на землю и поднимались обратно (Быт 28:12). В каком-то смысле Ветхий Завет – та самая лестница, по которой, еще до воплощения Христа, вестники Божией воли сходили к людям, чтобы те могли оторвать свой взор от земли, потянуться к чему-то высшему.

Мы, в конце концов, просто не поймем в Новом Завете почти ничего, если не обратимся к Ветхому. Главное его событие – крестная жертва Христа. Но что такое жертва? Зачем она нужна? Кто и по какому поводу ее приносит? Всё это можно понять только из Ветхого Завета (подробнее об этом пойдет речь в 21-й и 22-й главах). Он и в самом деле стал лестницей, по которой человечество (прежде всего избранный народ, Израиль) восходило на ту ступень, на которой только и можно было осмыслить Евангельскую весть. И главную роль в этом играл Закон.

Закон как детоводитель

«Милость и истина встретятся, правда и мир облобызаются» – такие слова мы читаем в Псалтири (Пс 84:11). Это отражение самой сути Ветхого Завета. С древнейших времен его толкователи подчеркивали, что в нем сочетаются два начала: милосердие и справедливость. Они необходимо дополняют друг друга: милосердие без справедливости вырождается в попустительство злу, а справедливость без милосердия – в беспощадную мстительность.

Поэтому Ветхий Завет сначала утверждает Закон, т.е. определенные правила поведения и наказание за их нарушение – но провозглашает и милосердие к грешнику, этот Закон нарушающему. Еще в ветхозаветные времена евреи излагали суть Закона предельно кратко: «Люби Бога и своего ближнего, а все остальное – только комментарий». Действительно, одна часть Закона подробно расписывала правила богослужения, а другая – излагала законы, которых люди должны были придерживаться в отношениях друг с другом.

Сами по себе эти правила могут показаться нам архаичными и мелочными, но в ту эпоху так никому не казалось. Когда Библию начинали переводить на язык одного африканского племени, его представителей, уже принявших христианство, спросили, с чего начать. Конечно, ожидался ответ «с Евангелия» или, по крайней мере, «с Бытия», но новообращенные заинтересовались в первую очередь Левитом – скучнейшей, с нашей точки зрения, книгой, где перечислялись всевозможные обрядовые установления. Племя привыкло жить в мире, где религиозные предписания (всевозможные табу) играют огромную роль, и новая вера означала для них, прежде всего, новую систему табу.

Ветхозаветные правила были вовсе не бессмысленны. Например, Господь повелел израильтянам совершать обрезание как знак их принадлежности Богу, знак завета, заключенного между Ним и Его народом. И только когда израильтяне привыкли к этому знаку, стали пренебрежительно называть своих соседей «необрезанными», стали возможны слова пророка: «Вот, приходят дни, говорит Господь, когда Я посетю всех обрезанных и необрезанных: Египет и Иудею, и Едома и сыновей Аммоновых, и Моава и всех стригущих волосы на висках, обитающих в пустыне; ибо все эти народы необрезаны, а весь дом Израилев с необрезанным сердцем» (Иер 9:25–26) — именно на это место сошлется диакон Стефан (Деян 7:51). Что значит «обрезанное сердце»? Конечно, не о кардиохирургии идет речь, а о том, чтобы человек посвятил Богу не часть своего тела, но все мысли и чувства.

А позднее прозвучали и слова апостола Павла, отменяющие обязательность этого обычая для христиан: «Обрезание полезно, если исполняешь закон; а если ты преступник закона, то обрезание твое стало необрезанием. Итак, если необрезанный соблюдает постановления закона, то его необрезание не вменится ли ему в обрезание?» (Рим 2:25–26). То есть, если ты поступаешь по воле Божией, тебе не нужны никакие дополнительные знаки, а если нет – они тебе не помогут. Но если бы апостол Павел обратился так к людям времен Авраама, они услышали бы в них только полное безразличие, наплевать по отношению к Божией заповеди. Чтобы стать исключением, сначала надо освоить правило. Так и избранному народу, чтобы прийти к новозаветной свободе, нужно было пройти своеобразную школу Закона, научиться и милости, и истине; не случайно тот же Павел называл Закон «детоводителем ко Христу» (Гал 3:24–25), то есть сравнивал его с рабом, который отводил ребенка в школу и забирал из нее (по-гречески именно он и назывался «педагог»). Всему самому главному должен был научить Христос, но до Его школы нужно было еще дойти.

Мы выросли из Ветхого Завета?

Но теперь-то, скажет читатель, теперь-то у нас есть Новый Завет, мы уже в школе, зачем нам «детоводитель»? Пусть он был нам когда-то нужен, но эти времена давно прошли. Однако не забудем, что этот самый раб еще и забирал ребенка из школы и отводил его домой. В самом деле, можем ли мы сказать, что мы полностью выросли из Ветхого Завета, преодолели его?

Во-первых, он – не просто древняя история, но Священная История (так часто и называют Библию), к которой мы постоянно обращаемся в наших молитвах и размышлениях. Некоторые знают, к примеру, что на утрени в православных храмах поется канон, состоящий из восьми или девяти песней. Но все ли помнят, что эти песни, кроме последней, привязаны к Ветхому Завету: песнь израильтян после перехода через

море, песнь трех отроков в печи вавилонской и т. д.? Какой бы праздник ни отмечала Церковь, она вновь и вновь обращается к этим событиям из жизни древнего Израиля, они не утрачивают для нее своей актуальности.

Конечно, ритуальные предписания Ветхого Завета христиане сегодня не соблюдают (в протестантизме, впрочем, есть исключения вроде адвентистов): они не хранят субботы, едят свинину и не приносят жертв. Но все без исключения христиане призваны следовать в своей жизни тем принципам, которые заложены в этих предписаниях: уделять часть своего времени молитве и священному покою, остерегаться всякой нечистоты, наконец, жертвовать Богу и ближнему если не своих баранов, то свои силы, время, средства, дарования.

А что сказать о Законе с точки зрения морали? Можем ли мы с чистым сердцем утверждать, что превзошли ветхозаветные нормы? Вовсе нет. Я был бы очень рад, если бы наши чиновники неукоснительно применяли на деле такой замечательный ветхозаветный принцип, как равенство всех и каждого перед законом, независимо от занимаемой должности и влиятельных друзей.

Или возьмем знаменитый принцип «око за око, зуб за зуб» (Лев 24:20). На первый взгляд, он призывает бесчеловечно калечить преступников, но на самом деле ограничивает возмездие: ты не можешь причинить обидчику большее зло, чем он нанес тебе. Как было бы хорошо, если бы в международных отношениях все страны руководствовались этим принципом!

Сам Христос постоянно подчеркивал, что пришел не нарушить, а исполнить Закон. В самом деле, принципиально новое в Новом Завете – это весть о чуде боговоплощения, о Христе. А многое из того, что мы обычно относим к Его проповеди, уже прозвучало в Ветхом: это и призыв «люби ближнего, как самого себя» (Лев 19:18), и даже обращение к Богу как к Единственному Отцу (Ис 63:16). Просто там эти изречения несколько теряются среди множества подробностей и деталей, а Христос приводит их с особой силой, сжато, выразительно, а главное – подает совершенный пример исполнения этих слов. В столкновениях с книжниками и фарисеями Он отрицает вовсе не Ветхий Завет, а неверное, приземленное его понимание и агрессивное навязывание таких стереотипов всем остальным.

Будьте святы!

Помимо всего прочего, призывы Нового Завета обращены прежде всего к отдельной личности, а Закон Ветхого Завета – к коллективу. «Подставь другую щеку» – это прекрасно и высоко, но это можно исполнить только в отношении себя самого. Государство не вправе подставлять щеки своих сограждан преступникам, оно обязано их наказывать, и в том, как это делать, оно вполне может руководствоваться принципами Ветхого Завета. Именно на нем и основывается множество норм современного права и просто обычаев. Откуда, интересно, взялись наши еженедельные выходные? Никому и в голову не приходило их устраивать, пока не появилась заповедь о субботе.

А для отдельного человека Ветхий Завет – тот предел, ниже которого нельзя опускаться. Новый Завет ставит очень высокие идеалы, говоря: «будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф 5:18). По сути, это значит: станьте подобны Богу! Но и в Ветхом было сказано: «будьте святы, потому что Я свят» (Лев 11:45). Обратим внимание на эту разницу. Евангелие подсказывает нам, что нет предела совершенству, Левит дает достаточно высокое, но выполнимое задание. Ведь святость в Ветхом Завете не есть некая очень высокая ступень личной праведности, но скорее обособленность, непричастность мирскому, избранность для Бога. «Будьте Моим народом!» — призывает Бог израильтян и подробно объясняет, как этого достичь.

Именно поэтому очень многие места Ветхого Завета не утратили своей актуальности и сегодня. Псалтирь в православном храме звучит чаще Евангелия, ведь всё

богослужение буквально пронизано цитатами из псалмов. В самом деле, какая еще книга так полно и многообразно передает напряженный диалог человеческой души с Богом? Евангелие дает нам абсолютные ценности, но мало говорит о повседневном. Зато книги Премудрости (например, Притчи) дают множество наставлений для практической жизни. Конечно, многое изменилось в нашем быту с тех пор, как эти слова были написаны, но основные принципы, стоящие за ними, непреложны.

Наконец, именно в Ветхом Завете мы встречаем множество живых образов, близких нашему собственному жизненному опыту. Мы возмущаемся несправедливостью мира вместе с Иовом, мы торжествуем вместе с Давидом, мы плачем с Иеремией и вместе с Исайей ожидаем нового неба и новой земли. Нам есть с кого брать пример и в Ветхом Завете.

Маркион был прав в одном: если выбрасывать на помойку Ветхий Завет, то и от Нового мало что останется. Христос окажется бестелесным призраком вне времени и пространства. Нет, ветхозаветные пророки и пророки – не просто череда фигур из древней истории, но наша собственная история, которая берет свой исток в седой древности, но сбывается здесь и сейчас. Мы в одной с ними Церкви.

7. Откуда в Библии разночтения?

Открывая разные переводы, а порой и разные книги Библии в одном и том же переводе, люди видят расхождения между текстами. Почему здесь написано так, а тут – иначе? Чтобы прокомментировать конкретные места, приходится обращаться к комментариям и справочникам, но откуда они вообще взялись, эти разночтения в Библии? Не означает ли само их существование, что подлинный, оригинальный текст Писания уже утрачен и у нас есть только поздние, искаженные копии?

А дошел ли до нас оригинал?

Оригиналы библейских книг – то есть рукописи, выполненные собственноручно пророком Моисеем или апостолом Павлом – до нас, конечно же, не дошли. Материалом для письма в их времена служил папирус – широкие длинные листы, сделанные из стеблей растения, распространенного в дельте Нила и некоторых других заболоченных местах Ближнего Востока, или, гораздо реже, пергамен – особым образом выделанная кожа животных. Но пергамен был слишком дорог, а папирус слишком недолговечен – редко какая папирусная книга сохранялась дольше полувека.

И это касается не только библейских, а вообще любых древних рукописей. Точно так же до нас не дошли оригиналы Гомера или Вергилия, или любого другого античного автора. Сегодня мы читаем их произведения только потому, что в свое время они были многократно переписаны, нам в руки попадают уже в основном копии, созданные в специальных скрипториях при средневековых монастырях (книга У. Эко «Имя Розы» и снятый по ней фильм изображают именно такой монастырь); гораздо реже встречаются копии, созданные непосредственно в античные времена.

По сути, все, дошедшие до нас оригинальные древние рукописи – это обрывки частной переписки и деловых бумаг, выброшенных когда-то на египетские помойки (только в Египте сухой климат позволял им сохраниться), да надписи на твердых поверхностях (глиняных табличках, черепках, камне). А что касается литературных произведений, то первые известные нам списки поэм Гомера отстоят от смерти их создателя не менее чем на полтысячелетия. Рукописей «Илиады», самого читаемого и чтимого в Древней Греции произведения, до нас дошло немногим более шестисот, трагедий Еврипида – около трехсот, а шесть первых книг «Анналов» римского историка Тацита вообще сохранились в одном единственном списке IX века. Однако никто из здравомыслящих исследователей (о «новой хронологии» мы сейчас говорить не будем) на этом основании не утверждает, что Гомера «испортили» его почитатели, или что Тацита на самом деле сфабриковали средневековые монахи.

Для сравнения: сегодня известно более пяти тысяч рукописей, содержащих те или иные части Нового Завета. Самые ранние из них были сделаны на папирусах в Египте в начале II в. н.э., всего несколько десятилетий спустя после смерти апостолов. Они, в частности, содержат отрывки из Евангелия от Иоанна, написанного в самом конце I века – возможно, их создатель копировал непосредственно апостольский оригинал.

Но откуда, собственно, известно, что та или иная рукопись действительно содержит оригинальный древний текст, будь то гомеровские поэмы или Библия? В наше время подделку довольно легко обнаружить по самым разным критериям. Подлинный возраст рукописи сравнительно легко определить по составу писчего материала и чернил и по манере письма. А что касается содержания, то всегда можно сравнить эту рукопись с другими и так определить, насколько она совпадает с другими: подделкой могут оказаться несколько манускриптов, но не сотня и не тысяча. Рукописи изучаются и сопоставляются – что касается Нового Завета, то этим занимается целый научный институт в германском городе Мюнстере.

Но даже в тех случаях, когда древний текст дошел до нас в одной-двух копиях, можно подтвердить или отвергнуть его подлинность на основании многих данных. Не путается ли автор в исторических деталях того периода, который описывает? Хорошо ли он знаком с географией места, где развивается действие? На каком языке он пишет, какие слова использует? Подтверждаются ли его свидетельства независимыми источниками? Цитируется ли его книга другими авторами, известна ли она читателям более позднего времени? В средние века люди очень мало знали о древнем мире и о далеких землях, так что любые попытки сфабриковать древний документ бывают сегодня отлично видны.

В пяти тысячах дошедших до нас новозаветных рукописей встречаются некоторые разночтения, но никакой иной Вести, кроме евангельской, мы в них не увидим. Ни в одной из них не написано, что Иисус не был сыном Божиим или не умирал на Кресте. Если все это – результат деятельности какой-то огромной банды фальсификаторов, работавших по всему Средиземноморью не позднее начала II века н.э., то, очевидно, в этом мире вообще невозможно создать никакую правдоподобную историю.

Копии с копий

Итак, хотя оригинальные рукописи библейских книг до нас не дошли, мы вполне можем утверждать, что до нас в более поздних копиях дошел оригинальный текст. Но если это так, почему копии не свободны от разночтений? В те времена не было ни печатного станка, ни компьютера, и книги переписывались от руки. В 1-й главе уже говорилось, что в библейские времена в греческих текстах отсутствовали даже пробелы между словами, а в еврейских и вовсе не обозначалось большинство гласных.

Поэтому при переписывании в текст неизбежно вкрадывались искажения и разночтения, а порой, когда древний текст был переписчику неясен, он, стремясь прояснить его, уходил еще дальше от оригинала. Искажениями при переписывании рукописей проще всего объяснить, например, заметные расхождения в цифрах, полученных при переписи израильтян (ср. 2 Цар 24:9 и 1 Пар 21:5).

Среди тысяч дошедших до нас библейских рукописей (равно как и рукописей других древних текстов) нет двух совершенно одинаковых. Но среди них все-таки нет и таких, в которых утверждалось бы, например, что можно убивать, красть и лжесвидетельствовать. Это уже в новое время, после Гуттенберга, английские печатники в издании 1631 г. в заповеди «не прелюбодействуй» пропустили слово «не» (то ли по небрежности, то ли по категорическому несогласию с этой заповедью), за что и были оштрафованы архиепископом Кентерберийским на астрономическую по тем временам сумму в 300 фунтов. Ну, а в наше время нет числа новым, сенсационным «версиям» библейских историй... Но все это уже не имеет отношения к Библии.

Более того, в наше время автор создает некую конечную версию произведения, относит ее в типографию (или вывешивает в интернете) – это и можно считать окончательным вариантом авторского текста. А если печатного станка вовсе нет? А.А. Ахматова написала в свое время поэму «Реквием», которая просто не могла быть напечатана в Советском Союзе. До нас дошло несколько рукописных вариантов, созданных самой Ахматовой... и они не вполне одинаковы! Со временем она что-то меняла в собственном тексте – какой вариант считать самым правильным? Разумеется, каждый из них – авторский. Вполне вероятно, что подобное могло происходить и в древности: разночтения могли возникать не только в процессе переписывания, но и на стадии сочинения этих текстов. Конечно, как и в случае с ахматовскими стихами, это касается второстепенных деталей.

В рукописях Ветхого Завета, который, в отличие от Нового, писался на протяжении примерно тысячелетия, расхождений особенно много. Об этом стоит рассказать подробнее.

Септуагинта и Масоретский текст

В середине III века до н. э. царь Птолемей II Филадельф, правитель эллинистического Египта и собиратель редких манускриптов для знаменитой Александрийской библиотеки, пожелал иметь в своем распоряжении греческий перевод еврейского Священного Писания. Возможно, он нуждался в адекватной версии Закона, по которому жила немалая часть его подданных (а в Александрии в то время была многочисленная еврейская община), а может, просто был заинтригован древним текстом. Как бы то ни было, еврейская община отнеслась к его приказу с энтузиазмом, ведь к тому времени евреи, рассеянные по Восточному Средиземноморью, говорили уже, в основном, на греческом, и им тоже нужен был понятный текст Священного Писания.

Как именно осуществлялся этот перевод, мы знаем неточно, в основном по более поздним рассказам, в которых история тесно переплелась с легендой. Говорят, что перевод осуществляли семьдесят или семьдесят два старца, специально пришедших для этого из Палестины в Египет. Потому число 70, по-латыни «септуагинта», и стало названием самого перевода, который по-русски иногда называют «Переводом семидесяти толковников».

Этим переводом широко пользовались в свое время и грекоязычные иудеи, и христиане. Так, апостолы, писавшие на греческом языке, обращались не к древнееврейскому тексту, а именно к *Септуагинте*. Ссылаясь на Писание, они имели в виду именно ее, и в последующие века она оставалась для восточной части христианского мира основным, самым авторитетным текстом Ветхого Завета. С нее делались новые переводы, например, славянский.

Вероятно, именно из-за этой популярности Септуагинты среди христиан иудеи вовсе отказались от ее использования и выбрали другой, более распространенный вариант древнееврейского текста, позднее названный *Масоретским* (от евр. «масорет» – «передача, предание»). В новое время, когда Библия начала активно переводиться на современные языки, именно к этому тексту обратились западные христиане, в особенности протестанты, в среде которых Септуагинта никогда не имела широкого распространения. Но в Православной Церкви она была и остается основным традиционным текстом Ветхого Завета. Впрочем, сегодня интерес к Септуагинте возрастает и на Западе. Она – не просто памятник древности, но и ценный источник, из которого мы узнаем об истории библейских текстов и о разных их толкованиях.

Впрочем, когда в середине XX века около Мертвого моря были найдены свитки из собрания Кумранской общины, пролежавшие в пещерах 19 столетий, оказалось, что даже во времена Иисуса и апостолов единого варианта Писания у евреев просто не существовало. Одни рукописи легли в основу Септуагинты (до нас они не дошли), другие – в основу Масоретского текста, и таких было, надо отметить, намного больше. Существовали и другие варианты текста, например, Самаритянское Пятикнижие – священный текст тех самых самаритян, о которых мы читаем в Новом Завете. Но он не получил большого распространения нигде за пределами этой общины.

Септуагинта несколько объемнее Масоретского текста: она включает книги, которые называют неканоническими или второканоническими. К тому же греческий текст книги Есфирь примерно на треть длиннее еврейского; кстати, в еврейском варианте Есфирь – единственная книга Библии, где отсутствует слово «Бог». Немало различий мы найдем и на уровне истолкования. Самый известный пример – пророчество Исайи (7:14): «се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил». Там, где мы видим слово «Дева», в еврейском тексте стоит слово *альма*, обозначающее просто молодую женщину, обычно незамужнюю. Но переводчики Септуагинты употребили здесь слово *партенос*, «дева», и потому евангелист Матфей (1:23) смог сослаться на это пророчество, говоря о девственном рождении Христа (к этому мы вернемся в 30-й главе).

Древнее предание гласит, что переводчику, который поставил в текст это слово по внушению Святого Духа, было обещано, что он не умрет, пока не увидит своими глазами, как сбудется это пророчество, и что именно он и был старцем Симеоном, принявшим на руки младенца Иисуса (Лк 2:25 и далее). Современный человек может скептически относиться к этому преданию, но несомненно, что еще задолго до написания Нового Завета слова пророка Исаяи понимались как весть о грядущем чудесном рождении необыкновенного младенца.

Трудно сказать, насколько достоверно это предание. Но оно совершенно точно отражает тот факт, что уже в иудаизме ветхозаветные пророчества понимались как указание на особые события, которым только предстояло произойти, и это понимание нашло свое отражение в тексте Септуагинты. Сегодня иногда можно услышать, что иудеи «испортили» Масоретский текст в данном месте или, наоборот, что это сделали с Септуагинтой христиане. Такие упреки едва ли справедливы, но верно другое: разные религиозные традиции избирают для себя те из существующих вариантов текста, которые соответствуют их вероучению.

Новозаветные вариации

Новому Завету повезло больше, чем Ветхому. Он писался в ту эпоху, когда книги могли довольно быстро и широко расходиться по всей Римской империи, а потому нам сравнительно легко проследить его раннюю историю. Но и он не свободен от рукописных разночтений. Самое существенное мы встречаем в конце Евангелия от Марка. Многие древние рукописи внезапно обрываются на 8-м стихе 16-й главы: «... (жены-мироносицы) никому ничего не сказали, потому что боялись». В других содержится краткая концовка: «... но возвестили вскоре всё им объявленное тем, кто был с Петром. После чего и Сам Иисус от востока и до запада распространил через них священную и нетленную проповедь вечного спасения. Аминь».

Возможно, рукопись самого апостола Марка действительно оборвалась на середине фразы (рукописи, к сожалению, не только горят, но и тонут, и просто теряются, особенно их последние листы), а его друзья или ученики дописали за него заключительные фразы. И в этом нет ничего ни странного, ни скандального. Ведь Библия стала Библией не потому, что ее написали лично апостолы, а прежде всего потому, что ее признала своим Священным Писанием община верующих – Церковь, которая и донесла ее до нас.

Однако подавляющее большинство разночтений касается буквально одного-двух слов или их порядка. Часто речь идет об орфографических особенностях, особенно в именах собственных. Иногда всего одна буква меняет строй предложения. Например, в 1-м Послании апостола Павла к Фессалоникийцам одно и то же слово в разных рукописях выглядит как ННПЮИ или НПЮИ (в древности писали именно такими буквами, которые мы сегодня называем заглавными). Если выбрать первый вариант, то смысл всей фразы будет таким: «(мы) были тихи среди вас, подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими». А если второй, то таким: «(мы) были среди вас как младенцы. И как кормилица нежно обходится с детьми своими...» Впрочем, как нетрудно убедиться, общий смысл текста от этого не сильно меняется. В самом деле, все подобные разночтения, даже самые большие, не затрагивают суть христианской веры.

Наконец, расхождения возникают еще и между *переводами*, ведь всякий сложный текст может быть понят и переведен на другой язык не единственным способом. Это уже отдельный разговор, и мы к нему вернемся в главах с 16-й по 19-ю, а пока отметим лишь вот что: разные переводы могут брать за основу разные варианты оригинального текста. Например, различия между церковнославянской и Синодальной Библией чаще всего объясняются расхождением между Септуагинтой и Масоретским текстом, а различия между Синодальным Новым Заветом и западными переводами – расхождениями между разными новозаветными рукописями.

В любом случае, наше понимание библейского Откровения в огромной степени зависит не только от самого текста, но и от нашей веры и убеждений, от представлений того общества – или той общины – к которой мы принадлежим. Впрочем, это касается не только Библии...

Разные взгляды на единый Лик

Но что сказать о тех случаях, когда противоречат друг другу не отдельные рукописи или переводы, а разные книги в одном и том же переводе? А порой – и разные места одной и той же книги? Мы видим это с самого начала книги Бытия. Это повествование ведется на образном, поэтическом языке, который во все времена прекрасно понимают дети и влюбленные. В этом рассказе упомянуто и сотворение человека, мужчины и женщины, после всех живых существ, но подробно о первых людях не говорится. Упомянуто только одно принципиальное явление: мужчина и женщина сотворены вместе, одновременно (Быт 1:27).

Зато вторая глава показывает сотворение человека уже крупным планом: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою... И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему. Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел их к человеку... но для человека не нашлось помощника, подобного ему» (Быт 2:7–20). Что же, получается, сначала был сотворен мужчина, потом уже все животные и птицы, а потом женщина? С точки зрения многих современных ученых, здесь перед нами – две версии предания о сотворении мира, существовавшие когда-то самостоятельно и лишь позднее объединенные в едином тексте книги Бытия.

Но неужели тот, кто писал этот текст, был настолько глуп и невнимателен, что не заметил этого противоречия? Да нет, конечно. Видимо, он считал его не противоречием, а двумя взглядами, раскрывающими разные стороны одних и тех же явлений. Первая глава показывает единство мужчины и женщины, их достоинство как «венца творения». Вторая глава подчеркивает столь важное для патриархальных обществ первенство мужчины, но вместе с тем – нужду каждого человека в *другом, подобном ему*, чему и служит разделение полов. Первая глава выстроена по хронологическому, вторая – по логическому принципу.

Таких примеров в Библии очень много. Самый известный – четыре Евангелия, то есть четыре книги, рассказывающие, каждая по-своему, одну и ту же историю. В главном они совершенно согласны, но детали повествования могут различаться. Так, о благоразумном разбойнике, который на кресте просил Христа: «помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!» – рассказывает один Лука (23:40–43), а Матфей (27:44) и Марк (15:32) кратко сообщают, что «распятые с Ним поносили Его». Противоречие? Да. Но означает оно только то, что два Евангелиста просто ничего не знали об этом разбойнике, а Лука, который, как он сам писал, «тщательно исследовал все» (Лк 1:3), добрался и до этой важной детали.

На самом деле это только подтверждает достоверность Евангелий как исторических свидетельств. Ведь если в суде четыре свидетеля слово в слово повторяют одну и ту же версию, скорее всего, они просто сговорились: четыре человека не могли запомнить одно и то же событие совершенно одинаково. А если каждый рассказ отличается от других какими-то деталями, но совпадает с ними в главном, значит, это действительно правда.

Конечно, и в древности у христиан возникало желание свести все четыре Евангелия в одно, чтобы ничего не упустить. В середине II века некто Татиан даже составил такую «сводную версию», соединив параллельные повествования. Это, кстати, отлично доказывает, что к тому времени каноническими признавались именно эти четыре Евангелия и никакие другие. Его версия получила название «Диатессарон» (от греческого

диа тессарон – буквально «по четырем»), но Церковью она была отвергнута. Как и при составлении окончательного текста книги Бытия, было решено сохранить все многообразие голосов, чтобы каждый мог услышать то, что ему сейчас ближе и нужнее.

Может, было бы лучше, если бы ангелы принесли людям некий готовый, совершенно безупречный текст? Но Библия – это Откровение, которое раскрывается в истории избранного народа, Церкви, всего человечества. Раскрывается оно и в истории отдельных людей. Это не взгляд на Бога и человека из холодного космоса, а рассказ о них, созданный живыми людьми для живых людей. Он несет на себе отпечаток личности тех, кто создавал этот рассказ, и тех, кто донес его до нас, и мы сами воспринимаем его по-разному, в зависимости от наших личных особенностей и нашего опыта.

Вот отсюда, в конечном счете, и все разночтения.

8. Противоречит ли Библия современной науке?

«Библия противоречит современной науке, грамотный человек не может относиться к ней серьезно, этот сборник древних мифов давно устарел» – такие суждения постоянно звучат на протяжении последней пары сотен лет. Другие люди, напротив, говорят, что Библия полностью соответствует всем научным данным: например, излагает в своеобразной манере историю возникновения звезд и планет, нужно только правильно ее читать. Кто же прав и насколько Библия на самом деле соответствует научным данным?

Наука и чудо

Мы живем в эпоху диктатуры науки. «Ученые доказали, что...» или «в результате исследований выяснилось» – такими заголовками пестрит пресса, и, приглядевшись внимательнее, мы обнаружим, что значительная часть подобных утверждений на самом деле связана не столько с наукой, сколько с откровенной рекламой.

И те, кому сегодня за 20, родились в стране «научного коммунизма». Весь общественный строй, основанный на вере в несколько марксистско-ленинских догм и в их текущую партийную интерпретацию, объявлялся строго научным, доказанным и потому – прогрессивным и неоспоримым. На практике, как мы убедились, это была идеология, которая старательно игнорировала множество неудобных для нее фактов, отчего в конечном счете и потерпела поражение. По сути дела, даже не идеология, а своеобразная атеистическая религия.

Далеко не всё, что называется «наукой», является ей на самом деле. Наука по определению вещь спорная и переменчивая: на смену стройной механике Ньютона пришли теория относительности и квантовая физика, которые в корне пересмотрели картину мира. Ученые вечно спорят друг с другом и опровергают предшественников, никто не может быть уверен, что через сто или тысячу лет не появятся новые теории и модели, которые перевернут наши нынешние представления, кажущиеся незыблемыми.

Можно ли ожидать, что Библия будет полностью соответствовать естественнонаучной картине мира, принятой в двадцать первом веке (при том, что по многим вопросам ученые и сегодня далеки от единства мнений)? Но тогда почему не картине мира первого века, или одиннадцатого, или тридцать первого – ведь все они очень непохожи друг на друга? Но Библия писалась не для конкретного учебного курса по физике или биологии (тогда бы она безнадежно устарела уже через одно поколение), она говорит о совершенно других вещах.

И эти вещи, как правило, не входят в компетенцию науки. Возьмем самое яркое, что только приводится в качестве примера несоответствий – а именно, чудо. Но оно на то и чудо, чтобы нарушать законы природы. «Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша», – говорит апостол Павел (1 Кор 15:14). Но в истории науки постоянно уточнялись и пересматривались многие формулы, теории, даже фактические данные, в том числе и самые базовые, и всё это только служило развитию науки. Никто никогда не говорил: «если теплорода нет, тщетна вся физика ваша» – вместо теплорода (вещества, якобы являющегося носителем тепла) находились другие объяснения.

Мертвые не воскресают – это доказано научно. Но именно этот факт позволяет нам говорить о Воскресении Христовом как о чуде, то есть о нарушении обычных законов природы. Если они никогда и нигде не нарушаются в принципе, если чудес не бывает – вера во Всемогущего и Всеблагого Бога действительно тщетна, Он тогда просто не может ни во что вмешаться, от Его существования ничего в этом мире не меняется (а о других мирах наука нам ничего в принципе сказать не может).

Так что никакого противоречия тут нет: наука исследует законы природы, вера провозглашает, что они могут быть нарушены волей Творца. Но при этом вера не должна

посягать на сами законы, а наука не должна объявлять свои нынешние объяснения конечными и всеобъемлющими. В конце концов, в любой научной картине мира остается множество необъясненных фактов, и всё, что связано с чудом, может быть отнесено ученым именно к этой области.

Прекрасный пример здесь – Туринская плащаница. Учение провели множество исследований, и в результате, грубо говоря, возникло две теории. Первая: ее создал некий средневековый фальсификатор, обладавший уникальными знаниями об анатомии человеческого тела и способе казни через распятие. Вторая: в эту плащаницу было завернуто тело человека, казненного на кресте в Палестине в I веке, после чего это тело неизвестным науке образом изменилось, внезапно и одновременно воздействуя на ткань световым излучением огромной мощности. Второе объяснение представляется мне более убедительным и логичным, но... и оно не дает нам никаких научных данных о том, кем был казненный и что именно произошло с его телом после смерти. Если я говорю, что это был Христос и что Он воскрес, я говорю с позиций веры, а не с позиций науки. И когда кто-то говорит, что плащаница – средневековая подделка, это тоже вера, только вера в иное.

Язык описания и мировоззрение

Данным науки откровенно противоречит многое, например, поэзия. Она привыкла говорить о любящем сердце, тогда как любой физиолог точно знает, что любовь есть результат биохимических реакций в коре головного мозга, и сердце тут совершенно не при чем. Оно всего лишь мышца, создающая в теле кровоток, не более того. Но мы почему-то никогда не говорим о сердце как о мышце.

Ведь поэтическая, а точнее, метафорическая речь свойственна даже нашему повседневному общению. Как уже было сказано во 2-й главе, мы привычно говорим о небесных светилах так, будто земля есть плоскость, вокруг которой они и вращаются: солнце у нас восходит и прячется за горизонт, поднимается летом выше и греет жарче, луна растет или идет на убыль и т.д. Просто так удобнее говорить. Впрочем, и для новых явлений мы тоже зачастую изобретаем упрощенный язык: электричество у нас бежит по проводам, бьет неосторожного электрика, заканчивается в разряженной батарейке и т.д. Мы описываем множество разнообразных явлений как поведение некоего живого существа под именем «электричество», нам так удобнее. А уж как иногда разговаривают люди (особенно девушки) о своих автомобилях или непосредственно с ними! Можно и впрямь подумать, будто они видят перед собой не механизм, а живое существо, обладающее сознанием, характером и привычками.

На самом деле это общее свойство человека – говорить об окружающем мире и даже об умозрительных понятиях языком метафор. Вот и в Библии мы читаем про руки, ноги, глаза, уши и даже нос Бога – но никто из библейских авторов, конечно, не подразумевал, что Бог обладает такими же частями тела, что и мы. Так удобно описывать Его действия в этом мире. И многое из того, что мы читаем об окружающем мире, можно воспринимать как подобное поэтическое описание: земля в Библии представлена как плоскость, стоящая на неких основаниях, накрытая куполом неба и т.д. Люди той поры, когда создавалась Библия, примерно так и представляли себе мироздание, сегодня мы знаем, что на буквальном уровне это неверно – но мы вполне можем принять эти описания как метафоры, ведь Библия повествует не о форме планеты Земля, а о ее Создателе и Его замысле.

Да, люди того времени представляли себе мир не так, как видим его мы, а мы, в свою очередь – не так, как будут описывать его через две или три тысячи лет, если человечество, конечно, доживет до этого срока. Земные авторы библейских книг, судя по всему, считали Землю плоскостью, вокруг которой вращаются светила. И что? Если нас не смущает отсутствие у них электричества или анестезии, то почему должно смущать

отсутствие современной науки? Библейские книги были созданы в определенное время и определенной среде, и соответствуют картине мира тех людей, которые их написали.

А как это было на самом деле?

Но есть и более сложные случаи. В Библии рассказывается о некоторых событиях, которые трудно согласовать с данными естественных наук (об исторической науке мы поговорим отдельно, в следующей главе). Но, как мы уже выяснили, Библия не задумывалась как учебник по естественным наукам. Более того, в те времена, когда она писалась, естественных наук просто еще не существовало, люди не были знакомы с той строгостью научных суждений, которая стала возможной сегодня.

Например, Библия повествует о всемирном потопе (который тоже был своего рода чудом). Действительно, подобные рассказы мы находим у многих народов древности, но геологи категорически не согласны: не было такого, чтобы на памяти человечества вся территория земного шара была бы покрыта водой. Кроме того, невозможно представить, чтобы Ной мог взять с собой на ковчег абсолютно всех представителей животного мира, живущих на суше: для этого ему пришлось бы совершить экспедицию по всем континентам, собрать миллионы видов, а затем разместить их на ковчеге, а заодно и пропитание для всех них.

Я не знаю, как лучше всего объяснить это недоумение, но наиболее убедительным мне представляется такой вариант. На самом деле выражение «всемирный потоп» может быть преувеличением. Человек тех времен знал лишь ближний круг земель. Например, когда много позже случилась локальная катастрофа и погибли города Содом и Гоморра, то бежавшие из Содома дочери Лота решили, будто погибло всё человечество, кроме их семьи (Быт 19:31). Их мир был достаточно маленьким, он не превосходил границы их родной округи, и ее гибель казалась всемирной катастрофой. Можно представить себе, что и тот, кто сложил повествование о всемирном потопе, не проверял (да и не мог проверить), действительно ли вода покрыла вершины всех гор на всех континентах – для него было достаточно, что она покрыла всю знакомую ему землю.

Вообще, слова «весь» и «все» часто употребляются в значении «много». Это происходит так в нашей повседневной речи («все деньги тратит на выпивку»), и в Библии. Например, книга Исход описывает, как от моровой язвы «вымер весь скот Египетский» (9:6), а потом оказывается, что все-таки не буквально весь: на том же самом скоте появляется воспаление (9:10), затем скот гибнет еще и от града (9:25), и, наконец, погибает «всё первородное от скота» (11:5). Может быть, и всемирный потоп ограничивался некоей большой территорией, но не затронул всего мира в буквальном смысле слова? Тем более, что среди потомков Ноя мы найдем только людей, считавшихся предками народов Ближнего Востока и Восточного Средиземноморья – вот и «весь мир» библейских авторов. Ни Америка, ни Австралия, ни дальние регионы Азии, Африки и Европы просто не были им известны.

Ну, а спор об эволюции, наверное, слишком всем известен, чтобы говорить о нем подробнее. Библия ясно утверждает, что Бог сотворил этот мир и все живые существа в нем, но как именно Он это делал, не уточняет. Может быть, эволюция как раз и была одним из инструментов творения? Сама эволюционная теория не раз уточнялась и отчасти пересматривалась, на некоторые вопросы она по-прежнему не дает удовлетворительного ответа (например, как возникло живое из неживого) – кто знает, какая судьба ждет ее в науке третьего тысячелетия. Но пусть о теории эволюции спорят биологи, а библеистам и богословам она ничуть не мешает и не помогает.

Уже более века прошло с тех времен, когда книгу Ч. Дарвина об эволюции пыталась в России запретить цензура, и А.К. Толстой откликнулся на эти споры замечательным стихотворением:

Способ, как творил Создатель,
Что считал он боле кстати –

Знать не может председатель
Комитета по печати.

Точнее не скажешь. Впрочем, с таким подходом согласятся не все читатели Библии. Для некоторых любое слово Библии есть истина в буквальном смысле слова – прежде всего, это фундаменталисты, о которых уже говорилось во 2-й главе. Если говорится, что Бог создал мир за шесть дней – значит, надо понимать этот срок как шесть промежутков по 24 часа. А если геологи и палеонтологи утверждают, что по данным их наук от возникновения планеты Земля до появления человека прошли миллиарды лет, то значит, они ошибаются: мир уже был сотворен «старым», со всеми этими геологическими слоями и ископаемыми костями в их толще. Мне лично трудно поверить, что Бог играл с нами в прятки...

Насколько убедительны те или иные научные теории относительно планеты Земля и дальнего космоса, относительно происхождения жизни и разума – это решать ученым, а Библия рассказывает нам о Творце и Его замысле. Ее повествование соприкасается с миром современной науки, но не вторгается в него напрямую – и от ученых нам будет разумно ожидать такого же деликатного отношения.

9. Достоверна ли Библия как исторический источник?

Люди нередко спрашивают: насколько достоверна Библия с точки зрения историка? Действительно ли все описанные в ней события происходили именно так, как там сказано, или что-то было иначе? И как тогда всё случилось на самом деле? Интерес порождает спрос на сенсацию, а спрос рождает предложение: то и дело появляются скандальные «подлинные версии» тех или иных библейских сюжетов вроде «Кода да Винчи»... Так точна Библия или нет?

Объективность источника?

История – это тоже наука, только гуманитарная, поэтому, рассуждая об отношении Библии к исторической науке, можно было бы повторить многое из сказанного в прошлой главе. Прежде всего, это рассуждения о том, что авторы Библии были людьми своего времени, разделяли его представления и говорили на его языке. Рассуждая об историчности Библии, сначала надо определиться с понятиями. В книжных магазинах все больше появляется книг, которые называются библиями – например, «Библия японского переводчика». Это справочники: в таких «библиях» изложены с максимальной точностью и полнотой все факты, имеющие отношение к данной области знания. Так вот, с этой точки зрения Библия вовсе не является «Библией», то есть полным и точным справочником по истории Ближнего Востока, точно так же, как она не является справочником по астрофизике или геологии. Тогда просто не было таких учебников, и любой текст отражал не просто факты, а определенную точку зрения на них, да и сами факты подбирались так, чтобы прежде всего выразить позицию автора.

В этом отношении Библия совершенно не отличается от любых других исторических повествований древности. Впрочем, много ли независимых источников сейчас? Мне довелось в разгар экономического кризиса 2008 г. беседовать с жителями Украины, которые смотрели российские телеканалы. У них сложилось твердое ощущение, что Россию, в отличие от Украины, кризис совершенно не затронул, у нас всё в полном порядке. С другой стороны, если судить по тем же телеканалам о положении на Украине, можно было сделать вывод, что там скоро начнется голод и гражданская война. Вот что значит умелый подбор фактов и их освещение «в правильном ключе».

Сегодня, впрочем, у нас есть множество альтернативных источников информации, которые мы можем сравнивать меж собой и самостоятельно делать выводы: пусть все они субъективны, но вместе они дают объемную картину. Но от библейских времен таких источников дошло крайне мало. У нас есть, например, знаменитый «Моавитский камень», на котором Меша, царь Моавы изложил свою историю войн с Израилем – разумеется, он повествует о своих славных победах. А Библия в основном (хотя не исключительно) говорит о победах Израиля над Моавом. Значит ли, что один из этих источников лжет? Нет, но оба избирательны, оба говорят лишь о том, что считают характерным и важным: о победах своего народа.

Вот почему, например, до нас не дошло никаких египетских рассказов об Исходе евреев из Египта – но могли ли они вообще существовать? Фараон для египтян был по определению победителем азиатских варваров, и что бы ни произошло с ним в военном походе, любой египетский источник изображал его победителем... или просто умалчивал о случившемся. А ведь для кого-то сам тот факт, что египетские памятники молчат об Исходе, служит доказательством недостоверности самого Исхода.

Археология как критерий подлинности?

Если тексты необъективны, то некоторые вещи можно проверить с помощью археологических находок, но и они тоже нуждаются в интерпретации. Допустим, найден каменный топор или глиняный черепок – но кому принадлежали эти предметы, что

происходило с этими людьми, на каком языке они говорили, как называли свой народ? Ничего этого топор и черепок нам сами по себе не расскажут. Да и не всегда можно их найти: ну какие, к примеру, могли остаться археологические свидетельства Исхода израильтян из Египта? Некоторое количество человек переселилось из одной страны в другую, по дороге они не строили городов, не рыли каналов, и любые следы их путешествия давно уж затерялись среди прочих следов кочевников на Синае. И если египетский фараон со своим войском утонул на дне моря, то от него тоже ничего не сохранилось. Так что история Исхода не может быть ни подтверждена, ни опровергнута археологами.

Верующие историки и археологи в свое время приложили немало усилий для того, чтобы подтвердить своими находками библейские тексты. Отчасти им это удалось, например, были найдены следы планового строительства, датированного примерно временем правления царя Соломона. Но это доказывает лишь одно: в это время и в этом месте существовало централизованное государство. Кто правил им, и верны ли рассказы о его жизни – об этом археология молчит.

В современной исторической науке появилось гиперкритическое направление – *минимализм*. Его сторонники полагают, что те библейские истории, которые не подтверждены однозначно археологическими находками или независимыми письменными источниками, следует счесть выдумкой. Последовательно отвергнув все древние повествования, минималисты пришли к выводу, что никакой истории Израиля до вавилонского плена не было совсем, а при персах на территорию Палестины переселились люди разного происхождения. Им нужно было создать для себя какое-нибудь общее прошлое, вот они и выдумали истории про древних героев... Посмотрите на Иерусалим, говорят минималисты, там же не осталось от допленных времен ничего, кроме нескольких захоронений и подземного водопровода царя Езекии (о нем, кстати, упоминает 4 Царств 20:20). Но, с другой стороны, а что еще могло остаться от города, который несколько раз был разрушен до основания, и затем его территория была заново застроена? Только подземные сооружения, которые как раз и сохранились.

Что касается Нового Завета, то самое главное в нем – истории о людях. Можно ли доказать истинность евангельских историй? Вроде бы ничто в них не противоречит имеющимся у нас историческим фактам. Но ничто и не подтверждается ими. Возьмем, скажем, такое заметное событие, как убийство Вифлеемских младенцев. Казалось бы, злодеяние такого уровня должно было оставить след в памяти людей того времени, однако никто из древних историков его не упоминает. Но если учесть, что Вифлеем был совсем небольшим селением, а жестокостями царя Ирода, да и вообще массовыми убийствами в ту пору никого нельзя было удивить, то не стоит удивляться, что трагедия Вифлеема просто не была замечена за множеством бурных и не менее кровавых событий, происходивших в больших городах. Тот же Ирод приговорил в разное время к казни по одним лишь подозрениям собственную любимую жену и двух сыновей, а за несколько дней до смерти велел собрать в цирке всю иудейскую знать и поголовно ее перебить – правда, это его завещание так и не было исполнено. На этом фоне резня в маленьком городке могла просто затеряться среди других таких же событий.

Пожалуй, единственной надежной привязкой остается астрономия. Звезда Рождества – может быть, это вспышка сверхновой, яркая и совершенно неожиданная? Сейчас мы не будем рассуждать, когда конкретно и какая звезда вспыхнула тогда на небосводе, и действительно ли она указывала волхвам направление от Иерусалима к Вифлеему (у астрономов есть свои предположения), но самое главное, что это в любом случае история о чуде, а чудо, как мы уже говорили в прошлой главе, невозможно объяснить с помощью естественнонаучных данных.

Иными словами, согласование объективных научных данных и библейских повествований – это всегда проблема. И это касается не только Библии, но и любых других древних текстов. Например, по находкам археологов мы знаем, что город Троя

действительно существовал, что в определенный момент времени он был захвачен врагами – но как узнать, была ли то Троянская война, кто и с кем ее вел и по какой причине? Насколько историчен Гомер? Других письменных источников по этой войне у нас нет, в отличие, скажем, от войн Александра Македонского или Наполеона.

В то же время объективным историкам приходится признать, что библейские книги – это ничуть не менее достоверный источник по истории своего времени, нежели любые другие дошедшие до нас тексты древнего Ближнего Востока. Проверить, точны ли они в деталях, мы просто не можем, а насколько они верны в главном – в описании отношений Бога и человека – на этот вопрос отвечает вера, а не наука.

Пробелы и несовпадения

Другая часть проблемы заключается в том, что иногда Библия не согласуется сама с собой. Во-первых, существуют расхождения между различными библейскими книгами: например, Матфей (1:1–17) и Лука (3:23–38) приводят не совсем одинаковые родословия Христа, данные переписи Давида различаются в книгах Царств и Паралипоменон (4 Царств 24:9 и 1 Пар 21:5). В Евангелии от Марка 2:26 Христос, рассказывая об одном эпизоде из жизни Давида, называет тогдашнего первосвященника Авиафаром, тогда как в 21-й главе 1-й книги Царств его имя – Ахимелех, тогда как Авиафар пришел ему на смену.

Кроме того, встречаются расхождения между библейским текстом и данными современной исторической науки. Это совсем не то же самое, что и расхождения с естественными науками, ведь естественные науки говорят нам о том, как вообще могут происходить определенные события в этом мире, а вот история утверждает, что именно происходило в данный конкретный момент времени. Это уже другая, более высокая степень точности. Например, книга Даниила называет вавилонского царя Навуходоносора отцом другого царя, Валтасара (5:11), тогда как по вавилонским источникам мы точно знаем, что его отцом и непосредственным предшественником на троне был Набонид, а Навуходоносор II был более дальним предшественником и непрямым родственником Валтасара.

Как быть с этими расхождениями? В 7-й главе уже говорилось, что библейские книги дошли до нас в копиях с копий, и нет ничего удивительного в том, что в каких-то мелочах и частностях на разных стадиях создания и копирования книги вкрадывались мелкие неточности.

У нас есть очень любопытный пример такой несуразности. В 1 книге Царств 13:1 Синодальный перевод гласит: «Год был по воцарении Саула, и другой год царствовал он над Израилем...» На самом деле, такой перевод – это уход от сложной проблемы. Здесь автор употребил стандартную формулу: столько-то лет было царю в момент вступления на престол, и столько-то лет продолжалось его правление. Но, судя по всему, при переписывании из древнееврейского текста пропали десятки, остались только единицы, и в результате он звучит так: «В возрасте года Саул начал царствовать, и два года царствовал он над Израилем». Что же, царь Саул был крохотным малышом? Нет, конечно, это явная ошибка переписчика. Древнегреческие рукописи обычно просто пропускают этот стих, а современные переводчики высказывают догадки: «В возрасте тридцати одного года воцарился, и сорок два года царствовал над Израилем». Верны эти догадки или нет, мы точно не знаем, но это хороший пример случайного искажения текста при переписывании.

Кроме того, следует учесть, что человеческое знание ограничено, а память небезупречна. Так, автор книги Даниила мог и сам точно не знать, какие отношения связывали Навуходоносора и Валтасара, а Матфей и Лука могли пользоваться разными источниками, приводя родословие Христа. В этом нет ничего скандального, напротив – их человеческий голос, их индивидуальность очень важны для нас. Не случайно Церковь в свое время не приняла попытки составить из четырех отдельных Евангелий сводную версию (подробнее это обсуждалось в 7-й главе).

Впрочем, всегда возможны и другие объяснения. Например, автор книги Даниила мог называть Навуходоносора «отцом» Валтасара в том смысле, что он был его славным предком и предшественником на троне. В случае с родословиями могло случиться так, что один из евангелистов приводил имена биологических предков Иисуса, а другой – предков «социальных», по обычаю *левитатного* брака (в 24-й и 35-й главах мы к этому обычаю вернемся и рассмотрим его в деталях).

Проблема чисел

Больше всего подобных разногласий мы находим там, где приводятся цифры. Например, в 24-й главе 2-й книги Царств и в 21-й главе 1 книги Паралипоменон упоминается одна и та же перепись, которую устроил царь Давид. Сравним результаты: «израильтян было восемьсот тысяч мужей сильных, способных к войне, а иудеев пятьсот тысяч» и «было всех израильтян тысяча тысяч, и сто тысяч мужей, обнажающих меч, и иудеев – четыреста семьдесят тысяч, обнажающих меч». Цифры явно различаются. Точно так же различаются иногда цифры в одном и том же стихе в разных рукописях, и в результате 5-я глава книги Бытия в русском Синодальном переводе выглядит довольно странно: «Адам жил сто тридцать [230] лет и родил сына по подобию своему и по образу своему, и нарек ему имя: Сиф. Дней Адама по рождении им Сифа было восемьсот [700] лет». Просто еврейский и греческий тексты Библии здесь дают разные цифры, и у нас нет никакой возможности проверить, какая из двух цифр точней. К тому же все они кажутся нам слишком большими...

Вообще, счет времени в древности не всегда был таким, как сейчас. Например, мы знаем, что Христос провел в могиле «три дня и три ночи», и это связывается со знамением Ионы пророка. Но погребен Он был вечером в пятницу и воскрес в ночь на воскресенье – это даже меньше двух суток! Дело в том, что на древнем Ближнем Востоке время отсчитывали целыми днями (месяцами, годами): событие, начавшееся в пятницу, продолжавшееся в субботу и закончившееся в воскресенье, занимало «три дня и три ночи». Возможно, и здесь при подсчете что-то было учтено не так, как привыкли это делать мы.

Но в любом случае 130 лет не равны 230 годам, а 800 000 воинов – не то же, что 1 100 000. Здесь, конечно, при переписывании в текст проникли какие-то искажения, и мы просто не знаем, какие именно числа стояли в самой древней рукописи. Но если искажениям оказались подвержены именно эти цифры, то, может быть, не вполне точны и какие-то другие?

По-видимому, так объясняются некоторые неправдоподобно большие числа в Ветхом Завете. Возьмем, к примеру, битву при Гиве Вениманиовой, описанную в 20-й главе книги Судей. Это была, по сути, маленькая гражданская война: израильтяне напали на городок племени Вениамина. Библия сообщает, что войско израильтян насчитывало 400 000 воинов, из них в первый день погибли 22 000, а во второй – 18 000. Для сравнения: в Бородинской битве и русская, и французская армия насчитывали менее 150 000 воинов; под Аустерлицем и Ватерлоо в бой с каждой стороны вступило менее 100 000. Можно ли всерьез полагать, что небольшой городок в Палестине стал полем величайшего сражения во всей мировой истории вплоть до Вердена или даже Сталинграда?

Похоже, тут в библейском тексте появились лишние нули. Одна из гипотез гласит, что слово «тысяча» (на древнееврейском языке *элеф*) перепутали с некоторым другим словом, которое обозначало вооруженного воина (ср. слово *аллуф* «предводитель», которое пишется почти так же). Тогда войско израильтян насчитывало всего 400 воинов, а на стороне Гивы сражались 26 таких воинов, и отдельно – 700 ополченцев из местных жителей. Это уже звучит вполне реалистично, но, к сожалению, далеко не для всех больших чисел можно предложить такое объяснение.

Зато у некоторых из них явно есть символическое значение. В конце концов, приверженность точным цифрам – особенность именно нашего века, в древности всё было иначе – в числе видели символ, а не точный факт. Мы знаем, например, что от одиннадцати сыновей Иакова произошло по одному колену (т.е. племени) израильтян, а от Иосифа – сразу два, Ефрем и Манассия. Казалось бы, всего колен получилось тринадцать. Но всюду в Библии мы прочтем о двенадцати коленах Израилевых, потому что символически это число обозначает полноту Божиего народа. Отсюда же двенадцать апостолов, сто сорок четыре (это двенадцать в квадрате) тысячи «запечатленных» в Откровении Иоанна Богослова (7:4 и 14:1), и даже описание Небесного Иерусалима в 21-й главе той же книги изобилует цифрами двенадцать и сто сорок четыре.

Вернемся к огромным срокам жизни первых людей. Так, Адам прожил почти тысячелетие, 930 лет. Его сын Сиф прожил 912, внук Енос – 905 лет, и так далее. Цифры постепенно уменьшаются, и Ламех, последний перед Ноем, не прожил и 800 лет. Впрочем, не обходится без исключений, самый знаменитый долгожитель – конечно, Мафусал или Мафусаил с его 969-ю годами. Что же могут означать эти цифры? Изгнанное из Эдема человечество стало смертным, но отсвет райского сада еще остается на нем, и оно живет невероятно долгий срок, но все же по мере удаления от Эдема этот срок уменьшается. Наконец, развращенность человечества приводит Господа к такому решению: «не вечно Духу моему быть пренебрегаемым человеками сими, потому что они плоть; пусть будут дни их 120 лет» (Быт 6:3).

У нас абсолютно никаких способов проверить, действительно ли все эти люди прожили именно такое количество лет. Более того, у нас нет и не может быть никаких объективных доказательств, что они вообще существовали. Но заложенная в повествовании весть о жизни человечества после грехопадения (в том числе выраженная и в цифрах) важнее хронологической точности.

Библия, как и любая другая древняя книга, не сообщает нам беспристрастные цифры и факты о древнем мире. Она рассказывает множество историй, но она отбирает их как иллюстрации к той вести, которую сообщает она человечеству. Как источник по истории древнего Ближнего Востока Библия нуждается во множестве уточнений и дополнений, но как глашатай истины о нашем спасении она остается самой точной книгой за всю историю человечества.

И даже если мы признаем, что тот или иной библейский автор или переписчик перепутал имена или цифры, в этом не будет ничего скандального. Мы верим, что Библия говорит нам истину о Боге, человеке, праведности, грехе, покаянии и спасении. А мелкие детали никоим образом не влияют на главное, чему она нас учит.

Подводя итог, можно сказать, что Библия и научные труды (в том числе по истории Ближнего Востока) говорят о разных вещах, разным языком, с разной целью, и потому невозможно требовать от них полного согласия. К тому же сегодняшнее «последнее слово науки» через сто лет будет выглядеть устаревшей и забытой теорией. Слово Божие предлагает человеку вечные истины, а пытливым человеческий ум в своем вечном поиске будет постоянно открывать новые горизонты научного знания.

10. Так говорит Библия – или ее толкователь?

«А в Библии написано, что...» – главный аргумент в разных богословских спорах. И ссылку обычно дают, а то и пальцем показывают: действительно, что-то такое написано. Или не совсем такое, но звучит похоже. Или не очень похоже, но... Стоп! А как определить, действительно ли библейский текст подтверждает именно то, что с его помощью пытаются доказать? Разве Библия недостаточно понятна сама по себе? А если понятна, откуда так много разных богословских школ, не согласных друг с другом?

«Ты читай, что написано!»

Есть анекдот про богослова, исследователя Посланий апостола Павла, который умер и попал в рай. Конечно, там он сразу пожелал встретиться с самим апостолом. И вот беседуют они за закрытой дверью час, другой... а потом выбегает апостол, держась за голову, и кричит: «Да не имел я этого в виду!» А за ним по пятам богослов: «Нет, ты читай, что в Библии написано!»

В самом деле, почему мы так уверены, что можем точно понять смысл библейского текста? В повседневной жизни мы то и дело переспрашиваем друг друга: «Что ты имел в виду?», «Ты на самом деле так думаешь, или это шутка?» Но если даже в быту нам не всегда с первого раза удается достичь взаимопонимания, то тем более непросто бывает понять, что имели в виду авторы, жившие много веков назад и говорившие о довольно сложных вещах.

Так понятна ли Библия сама по себе? И да, и нет. С одной стороны, едва ли среди религиозных текстов мира отыщется столь же простой и ясный, как Евангелие. Всё самое главное в Библии сказано предельно ясно.

Но если человек начинает вчитываться, интересоваться подробностями и деталями, у него возникает множество вопросов, ответить на которые бывает непросто... В одном и том же Евангелии от Иоанна Христос говорит вещи, казалось бы, противоположные: «Я и Отец – одно» (10:30) и «Отец Мой более Меня» (14:28). Одно из этих выражений можно понять только через призму другого. Где же критерии выбора? Если истолковывать Библию исключительно изнутри самой Библии, то его нет: можно понять так, можно эдак. Но есть коллективный опыт прочтения Библии общиной верующих, которая этот текст сама и породила – этот опыт мы называем церковным Преданием. И оно подсказывает, что главное здесь: «Я и Отец – одно»; второе высказывание не отменяет первое, но говорит о добровольном подчинении Сына Отцу, о том, как Он умалился в воплощении.

Есть, разумеется, и другая трактовка. В древности ариане, а в наши дни свидетели Иеговы настаивают, что Христос вовсе не был равен Богу и что за основу надо брать слова «Отец мой более Меня». Можно сказать, что у свидетелей Иеговы в данном случае сформировалось собственное предание, своя традиция толкования Библии.

Можно подумать, что проблема толкования касается только каких-то особо сложных мест, специальных терминов, но это далеко не так. Часто даже в простом повествовании нас ждут подводные камни, и старый добрый Синодальный перевод может нас подвести. Вот, например, как описывает он действия царя Давида после взятия столицы аммонитян Раввы (2 Царств 12:31): «А народ, бывший в городе, он вывел и положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их в обжигательные печи. Так он поступил со всеми городами Аммонитскими». Неужели царь Давид действительно, словно маньяк в припадке бешенства, подверг соседний народ столь жестокому уничтожению? В оригинале ничто однозначно не указывает на такое прочтение. Там сказано только, что Давид «поставил» этих людей к этим орудиям. Для мучительной казни? Возможно. Или все-таки для подневольного труда с пилами, топорами и у обжигательных печей?

Здесь, по-видимому, перед нами тот случай, когда автор имел в виду одно, а часть переводчиков увидела в тексте нечто другое. Хотя древние читатели прекрасно знали, что их соседи аммонитяне вовсе не были поголовно истреблены в царствование Давида, и потому понимали этот текст иначе. Так и мы, читая, что профессор «зарезал» студента на экзамене, понимаем, что студент остался жив-здоров и лишь получил двойку. А если бы профессор действительно совершил убийство, рассказ звучал бы совсем иначе.

Многозначность пророчеств

Но бывает, что автор сознательно использует двусмысленные выражения. Такая игра слов нам больше знакома по анекдотам (Штирлиц выстрелил в упор, упор упал), но встречается она и в совершенно серьезных пророческих текстах. Прочитаем, к примеру, начало 29-й главы книги Исайи: «Горе Ариилу, Ариилу, городу, в котором жил Давид!» Ариил в данном случае – поэтическое наименование Иерусалима, но сейчас нас интересует не это. Выражение, которое здесь переведено: «Город, в котором жил Давид», можно понять и как: «город, рядом с которым Давид стоял лагерем».

С одной стороны, Иерусалим, действительно, – славная столица великого царя Давида. Но с другой... Ведь прежде этот город находился в руках язычников, и войску Давида пришлось брать его штурмом! Не случайно через пару строк мы читаем: «Я расположусь станом вокруг тебя, и стесню тебя стражею наблюдательною, и воздвигну против тебя укрепления».

Жители Иерусалима, вероятно, полагали, что город Давида, где расположен Храм, находится под безусловной защитой Господа. Но Он говорит им: смотрите, если Иерусалим будет вести себя как языческий город, то его снова будут брать штурмом, как во времена Давида. А если вы пойдете по стопам Давида, то можете рассчитывать на Мое покровительство; всё зависит от вас.

Особенно характерно такое неоднозначное прочтение для поэтических и пророческих книг. И нередко в Новом Завете древнее пророчество начинало звучать по-новому, обретало свой подлинный, более глубокий смысл. Вероятно, именно это имели в виду отцы Церкви, когда говорили: «Новый Завет скрывается в Ветхом, Ветхий – раскрывается в Новом».

Вот, к примеру, слова апостола Павла (1 Кор 15:54–55): «Когда же тленное сие облечется в нетление и смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою. Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?» Это изречение православные люди обычно знают из пасхального богослужения, точнее, из Огласительного Слова Св. Иоанна Златоуста, в котором есть эта цитата. Но и апостол, в свою очередь, цитировал ветхозаветного пророка Осию (Ос 13:14).

Откроем Осию – и удивимся. Он говорит не об избавлении, а о наказании, и слова «где твое жало? где твоя язва?» (а не победа) – звучат скорее как угроза выпустить на волю это самое жало и эту язву. Такое разнообразие интерпретаций, конечно, может шокировать современного читателя. Что же именно имел в виду пророк? Ведь не может быть, чтобы Господь в одной и той же короткой фразе одновременно грозил людям и давал им самые смелые надежды!

Но ведь меняются люди, времена, обстоятельства, и то, что звучало угрозой для одних, для других легко может стать обещанием или даже радостной вестью о его исполнении. Так, Матфей (1:21–23) применяет пророчество о рождении Эммануила к Рождеству Иисуса, хотя это два разных имени. Но Матфей соединяет их потому, что совпадает внутренний смысл этих имен (Иисус – «Господь спасает», Эммануил – «с нами Бог») и самих событий, а не потому, что совпали детали. Нет ничего невозможного и в том, что одно и то же выражение порой может быть понято по-разному, вплоть до противоположных значений.

Игра слов – еще одна особенность библейских книг, которая обычно ускользает от современного читателя. Например, в самом начале книги пророка Иеремии (1:11–12) мы

читаем удивительные строки: «И было слово Господне ко мне: что видишь ты, Иеремия? Я сказал: вижу жезл миндального дерева (по-древнееврейски *shaked*). Господь сказал мне: ты верно видишь; ибо Я бодрствую (*shoked*) над словом Моим, чтоб оно скоро исполнилось».

Для нас подобная игра слов может быть предметом разве что шутки. Но для пророка Иеремии сходство между миндаем и бодрствованием достаточно серьезно, чтобы через него Господь открывал людям Свое Слово. Здесь стоит вспомнить, что в библейском иврите большинство гласных не обозначалось на письме вплоть до раннего Средневековья? Значит, на протяжении веков читатели Иеремии видели в этом месте одно и то же начертание *ШКД*, которое могло быть означать и миндаль (*shaked*), и бодрствование (*shoked*). Представьте себе теперь положение бедного ученого, который может прочитать по-разному каждое второе слово в предложении...

А что и говорить о тех отрывках, которые нагружены сложной богословской аргументацией! Вот, например, в Послании к Ефессянам (1:23) Павел говорит, что церковь есть «полнота Наполняющего все во всем». Что именно имеет он в виду, толкователи спорят до сих пор. Смысл выражения может быть понят по-разному, особенно если учесть, что греческий глагол *πλεροο* может означать не только «наполнять» (пустое делать полным), но и «исполнять» (осуществлять задуманное, обещанное). В результате первую половину этого выражения толкуют как минимум в трех смыслах: (а) В Церкви присутствует вся полнота личности Христа; (б) Церковь получает все, что имеет, всю свою полноту от Христа; (в) Церковь служит историческим воплощением того, что Христос желает совершить на земле.

Выражение «наполняющего все во всем» тоже может пониматься по-разному: (а) Христос наполняет Собой все, и ничто в мире не лишено Его присутствия; (б) Бог Сам исполняет Свой замысел; (в) Христос исполнен всего и в Нем нет никакого недостатка. Все эти толкования прекрасно вписываются в общий контекст послания и, весьма вероятно, Павел нарочно стремился придать своему тексту многозначность. В конце концов, его Послания – не легкое развлекательное чтение, и даже апостол Петр признавался, что местами находил их трудными для понимания (2 Петр 3:15–16)!

Конечно, столь многообразные толкования возможны только в некоторых местах. К тому же, как нетрудно убедиться на примере Послания к Ефессянам, при любом добросовестном анализе все истолкования будут различаться лишь в некоторых частностях. И, по-моему, это очень здорово, что у нас есть не просто сборник нравоучений и богословских истин, но живой, неоднозначный, часто загадочный текст, полный поэзии и игры слов. Ведь так гораздо интереснее!

Наука или традиция?

Что же делает богослов, переводчик, наконец, просто читатель, если он сталкивается с таким разнообразием смыслов? Тут ему на помощь могут прийти современная наука и традиция истолкования, которая насчитывает уже много веков. Иногда они согласны друг с другом, иногда вступают в противоречие.

В самом начале книги Бытия (2:6) говорится о том, что сначала на земле не было дождей, «но пар поднимался с земли и орошал все лице земли». Таков традиционный перевод этого места, но он плохо понятен. Древнееврейское слово *эд*, переведенное здесь как «пар», встречается в Библии еще только один раз (Иов 36:27), и там его значение тоже неясно. Но лингвисты говорят, что в родственном аккадском языке однокоренное слово означает «источник, поток». Может быть, так следует понимать его и в книге Бытия? В самом деле, бьющий из земли родник выглядит куда естественнее, чем поднимающийся пар.

Иногда для понимания библейских текстов нам пригодятся общие знания из области древней истории и дополнительные источники. Так, в 1 книге Царств (11:2) царь аммонитян Наас говорит жителям заиорданского городка Иависа: «Я заключу с вами

союз, но с тем, чтобы выколоть у каждого из вас правый глаз». Еще один полоумный садист? Нет, скорее жестокий, но прагматичный политик. Мы знаем, что даже просвещенные афиняне, чтобы предотвратить восстание на подвластных им территориях, могли отрубать у мужчин большой палец правой руки – такое увечье не слишком мешало им работать, но не давало возможности взять в руки копье. А еврейские жители Заиорданья не умели воевать в греческих фалангах, но, по-видимому, метко стреляли из лука. Выколотый правый глаз не позволил бы им целиться.

А почему был выбран именно Иавис? Информацию об этом мы получим из древнего свитка, обнаруженного в Кумране. Там эта история рассказана несколько подробнее: Наас подчинил себе все Заиорданье, но те евреи, которые не смирились с жестоким режимом Нааса, убежали в Иавис, который и стал оплотом мятежников.

Впрочем, есть и отрывки, которые можно понимать практически в противоположных смыслах. Например, во 2 Коринфянам (7:21) апостол Павел советует уверовавшим рабам... А собственно, что именно он советует? Искать свободы или, напротив, смиряться со своим положением? Вот как это звучит по-славянски: «Аще и можеша свободен быти, больше поработи себе». В современном же русском переводе под названием «Радостная весть» говорится нечто прямо противоположное: «Если можешь стать свободным, используй эту возможность». Синодальный перевод предлагает нечто среднее между двумя этими крайностями: «Если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся». То есть смотри сам, что лучше в данной ситуации...

Так какой из трех переводов ошибочен? Да никакой, потому что греческое выражение *маллон хрэсай* действительно можно понять в трех разных смыслах. Какой именно имел в виду апостол Павел, мы установить достоверно не можем, но... может быть, не случайно принятый Церковью текст сохранил такое многозначное выражение? В конце концов, разные бывают люди, разные обстоятельства – следовательно, и советы могут быть разными.

Кстати, не стоит забывать, что и традиции могут быть разными, поскольку библейский текст оставляет невыясненными множество конкретных деталей. Например, Евангелия говорят, что до рождения Иисуса Иосиф «не знал» Марию. Но как выглядело их супружество после рождения Христа? В Библии об этом ничего не сказано; древнее предание гласит, что Мария всегда оставалась девой. Такое прочтение вошло в католическое и православное Предание, которое величает Богородицу Приснодевой.

Но большинство протестантов с этим не согласно. Собственно, можно сказать, что возникла и другая, более поздняя, протестантская традиция, которая утверждает, что после Рождества Мария и Иосиф жили обычной супружеской жизнью и потому у них были дети. Это, наверное, самое серьезное расхождение традиций в том, что касается смысла библейского текста; все остальные случаи менее принципиальны. Да их и не так и много.

«Сообразуясь с духом века сего»

Все эти примеры могут показаться странными, даже шокирующими. Что же, у нас нет единой Библии и каждый волен понимать ее на свой лад? В наш постмодернистский век многие и в самом деле так считают. Вот характерный пример: Библия недвусмысленно и очень жестко осуждает мужской гомосексуализм (о женском она тоже отзывается неодобрительно, но упоминает его гораздо реже). Ветхий Завет: «Если кто ляжет с мужчиною, как с женщиною, то оба они сделали мерзость: да будут преданы смерти, кровь их на них» (Лев 20:13). Новый Завет: «Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют» (1 Кор 6:9–10; слово «малакии», по-видимому, обозначает пассивных гомосексуалистов, хотя есть и другие толкования).

Казалось бы, все предельно ясно. Но... явно не соответствует духу времени, который требует исключительно терпимого отношения к однополый любви. И если согласиться с этим духом, то возникает потребность в переосмыслении библейского текста: «Ну и что такого, если двое людей любят друг друга? Видимо, библейский запрет относится к числу тех, которые действовали только для древних израильтян, вроде запрета есть свинину, и на верующих не-евреев не распространяются».

В Библии даже начинают выискивать примеры гомосексуальных браков. Например, царь Давид в юности очень дружил с Ионафаном и даже говорил, оплакивая его смерть, что ценил эту дружбу «выше любви женской». Неспроста ведь, а? Или римский сотник, у которого был любимый слуга – тоже, наверное, «любимый» именно в этом смысле? Ведь библейский текст этого не отрицает, значит – допускает такое понимание?

Да, конечно же, нет! В Библии также не написано, что Давид или сотник не были инопланетянами или вампирами, но это никак не значит, что они ими действительно могли быть. Можно быть уверенным: если бы речь в самом деле шла о такой «странности», текст обязательно отметил бы это, как он отметил гомосексуальные домогательства жителей Содомы по отношению к гостям Лота, двум Ангелам.

И уж тем более неверно, что запрет на однополую любовь – временный и преходящий. Перечитаем еще раз отрывок из апостола: «ни идолослужители, ни мужеложники, ни воры...» – все это грехи универсальные, касающиеся всех и всегда. И если христианам можно вступать в однополые браки, то, получается, можно и воровать или поклоняться идолам. Но воровать – пока вроде бы все согласны – нельзя категорически!

Словом, здесь приходится признать: предлагаемое толкование не соответствует контексту. Да, есть многозначные места, есть спорные вопросы, но есть и определенные рамки, переступать которые просто нечестно. Если гомосексуальные связи нормальны, то Библия неправа, а уж если Библия права – они греховны. Отменять слова апостола – не в нашей компетенции. При этом отметим, что Библия говорит здесь не о наклонностях и желаниях, а лишь о действиях, и не осуждает людей только за их ориентацию. Людям любой ориентации свойственно желать запретного (например, чужую жену), и вопрос прежде всего в том, как они поступают с этими желаниями.

Итак, библейские тексты далеко не всегда однозначны. Конечно, они не могут значить всё, что угодно, существуют определенные границы, заданные и текстом, и контекстом, и здравым смыслом. Но вместе с тем разные толкования еще раз напоминают нам, что Библия – не прямолинейная инструкция на все случаи жизни, а сложный и многослойный текст. Ее чтение и понимание – в высшей степени творческий процесс. Она, как верят христиане, была написана в соавторстве Бога и человека, и такое же сотрудничество, содействие Святого Духа необходимо нам для верного и, по возможности, полного ее понимания.

11. Как распознать неверное толкование?

Можно встретить множество самых разнообразных толкований библейского текста, некоторые из них вызывают сомнения. Конечно, чтобы дать точную оценку каждому такому толкованию, нужно обратиться к специальной литературе, посоветоваться со знатоками... Но нет ли каких-то признаков, которые позволяют даже неспециалисту сразу отсеять явные ошибки и передергивания?

Манипуляции текстом

Разумеется, такие признаки есть. Большинство подобных манипуляций совершенно не уникальны – к ним прибегают не только толкователи Библии, но и политики, и рекламисты, да и обыкновенные демагоги, когда они хотят убедить других в собственной правоте. Но внимательный слушатель обычно легко распознает такие трюки.

Прежде всего, это жонглирование вырванными из текста цитатами. Библия утверждает, например: «нет Бога» (на самом деле она вкладывает эти слова в уста безумца — Пс 9:25; 13:1; 52:2). Конечно, никто Библию таким образом не цитировал, но то и дело видишь, как ее используют не как целостный текст, а как копилку цитат, удобных и не очень. В результате два человека, держа в руках одну и ту же книгу, на самом деле применяют два совершенно разных цитатника.

На втором месте – произвольное проведение причинно-следственных связей. Например, Павел проповедовал в Афинах (Деян 17), а затем писал коринфянам: «я рассудил быть у вас не знающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого» (1 Кор 2:2). Из этого некоторыми делается вывод: в Афинах Павел попробовал говорить с греками на языке их философов, и у него не вышло основать там общину верующих, а когда в Коринфе он отказался от философии, то всё сложилось удачно. Но результат проповеди мог зависеть и от тысячи иных причин. Да и что считать успехом, в конце концов? Книга Деяний (17:34) ясно указывает, что даже единственное выступление Павла на Ареопаге привлекло к вере несколько язычников, а в Коринфе Павлу пришлось провести полтора года (18:11), чтобы там возникла община!

Еще один вариант – ложная альтернатива, когда рассуждения строятся на непременном противопоставлении двух крайних точек зрения, между которыми якобы не может быть ничего среднего. Например, фундаменталисты обычно исходят из такой альтернативы: либо каждое выражение Библии следует понимать как истинное в самом прямом смысле слова, либо Библия вообще не есть истинная книга. Но если Христос называл Себя «дверью» (Ин 10:7) или «лозой» (Ин 15:1–5), не являясь ими в прямом и буквальном значении этих слов, то и «дни» творения могли быть чем-то иным, нежели промежутки времени по 24 часа. Образная речь вообще нередко становится предметом злоупотреблений: можно придавать метафорам строго буквальное значение, а можно, наоборот, сводить всё к метафорам, тем более что граница на самом деле не всегда ясна.

Прекрасно известны и такие полемические приемы, как доведение логики оппонента до абсурда («значит, по-вашему получается, что...»), или нападки на его личность («поскольку так рассуждает человек заведомо неблагочестивый, мы не можем с этим согласиться...»), или эмоции вместо доводов («как это ужасно!»), и бездоказательные ссылки на авторитет («великий N доказал, что...») или на якобы бесспорные факты («всем известно, что...»), да и многое иное.

Но всё это – обычные манипулятивные техники, их описание можно найти во множестве мест. Но далее мы подробнее поговорим о тех ошибках и передергиваниях, которые характерны именно для толкований библейских текстов.

«В оригинале употреблено слово...»

Сколько раз нам доводилось читать или слышать подобную фразу! Она звучит как не подлежащий обжалованию приговор: все переводы неизбежно оказываются приблизительными, и обращение к языку оригинала уж совершенно точно должно развеять все сомнения. Но откуда мы узнаем, что означает то или иное слово оригинала? Из словарей или других переводов, то есть из таких же вторичных источников, что и наш перевод.

А самое главное, что слишком многие слова в любом языке имеют разнообразные значения, употребляются порой в переносном смысле и т.д. Не так уж и редко доводится слышать рассуждения о библейских текстах, построенные исключительно (или почти исключительно) на словарных определениях. Прежде всего, это представление о том, что этимология слова полностью определяет его значение (как если бы *чернила* бывали только черными, а *белье* только белым).

Нередко то или иное слово или выражение в библейских языках понимается как термин со строго определенным значением. То и дело приходится слышать, что в Новом Завете христианская любовь обозначается особым словом: это существительное *аганэ* и однокранный глагол *аганао*. Другие виды любви якобы обозначаются другими словами. Однако на самом деле мы видим, что в Ин 3:35 и 5:20 глаголы *аганао* и *филио* употребляются как точные синонимы, без какого-либо различия. Более того, в греческом тексте 2 Цар 13 глагол *аганао* означает страсть Амнона к его сестре Фамари, приведшую к изнасилованию, а во 2 Тим 4:10 он же обозначает любовь к «нынешнему веку», из-за которой спутник апостола Павла оставил его – вот уж точно ничего христианского в этих чувствах не было!

Еще одна разновидность «словарного подхода» – присвоение словам и выражениям оригинала значений, которые они в принципе могут иметь, но в данном контексте явно не имеют. Например, в Исх 32:28 рассказывается о том, как после сотворения золотого тельца левиты с мечами прошли по всему лагерю, «и пало в тот день из народа около трех тысяч человек». Поскольку очень не хочется думать, что левиты убивали своих соплеменников, можно предположить, что речь идет об их нравственном падении и что левиты на самом деле призывали их к покаянию, но если обратить внимание на ближайший контекст, то такое толкование будет выглядеть совершенно фантастическим. К сожалению, контекст недвусмысленно указывает: эти люди все-таки погибли от руки левитов.

Подобный подход может применяться и к грамматическим формам и конструкциям: они якобы имеют строго определенное значение. Например, в древнегреческом языке *аорист* всегда означает однократное действие (ср. совершенный вид в русском), а *имперфект* – продолжительное или повторяющееся (ср. несовершенный вид). На самом деле это не совсем так, ведь и по-русски можно сказать «я читал эту книгу», и это будет означать однократное законченное действие (хотя употреблен несовершенный вид), а можно сказать «я пошел домой», и это будет означать начало действия с неопределенным концом (хотя вид употреблен совершенный).

Такие же примеры можно привести из греческого. Поэтому не стоит торопиться с утверждением, что форма аориста в Рим 5:12 («все согрешили») обязательно означает лишь однократное грехопадение праотца Адама и более ничье, или что другая аористная форма в Откр 3:19 («покайся») позволяет лишь однократное покаяние на протяжении всей жизни.

«Библейскому мировоззрению соответствует...»

Выдергивать цитаты из контекста, конечно, непозволительно. Но и контекст может стать источником ошибок и манипуляций, особенно контекст в широком, историко-культурном смысле, как совокупность представлений и убеждений автора и его первых

слушателей или читателей. Конечно, мы можем с уверенностью утверждать, что они, например, верили в Бога, что основной повседневной пищей был хлеб, а передвигались люди пешком либо на ослах и верблюдах. Но многие тонкости нам недоступны, мы можем лишь приблизительно догадываться, каким видели мир люди того времени, как они относились к некоторым явлениям. Тем более что люди тоже были разными.

Отсюда вытекает первая ошибка такого рода: создание некоей целостной системы, условно говоря, «библейского мировоззрения», которую якобы разделяли абсолютно все библейские авторы и положительные персонажи, причем в одной и той же редакции. Например, любые упоминания «богов» в Ветхом Завете, кроме обличения язычества, истолковываются как-то иначе (например, это сильные люди или Ангелы) на одном-единственном основании: для «библейского мировоззрения» существует только Единый Бог. Может быть, и так, но тогда придется признать, что этого самого мировоззрения не придерживались многие библейские герои, а то и авторы. Например, в Суд 11:24 послы израильского судьи Иеффая говорят царю аммонитян: «Не владеешь ли ты тем, что дал тебе Хамос, бог твой? И мы владем всем тем, что дал нам в наследие Господь Бог наш». И автор ничуть не возражает против такого сравнения Господа с языческим богом Хамосом. Пожалуй, стоит признать, что, по крайней мере, для Иеффая и его послов он был не менее реален, чем Господь, другое дело, что только Господь был Богом Иеффая.

Другая крайность – выделение ветхозаветной и новозаветной картин мира, или же «иудейской и эллинской ментальности», которые оказываются противопоставлены друг другу даже на уровне языка. Например, тот факт, что в древнееврейском языке нет среднего рода, но есть мужской и женский, преподносится как подтверждение того, что семитам свойственно воспринимать весь окружающий мир как живой – дескать, в нем нет места неодушевленному среднему роду. Да, разным культурам присущи некоторые различия в мировосприятии, и язык в некоторой степени отражает их, но не надо торопиться с выводами. Если средний род – обязательно нечто неживое, то как быть с русским словом *дитя*, или с немецким *das Kind* – оба слова среднего рода? Значат ли они, что для русского или немецкого менталитета дети относятся к неживой природе?

Нередко при анализе новозаветных текстов исследователи предполагают, что на самом деле греческие слова употреблены в них как своеобразная замена слов еврейского языка: греческое *δικαιοσύνη* якобы имеет то же самое значение, что и еврейское *цедака* («правда, справедливость, праведность») и т.д. Впрочем, еще менее адекватной будет попытка принять за отправную точку некое «библейское» определение праведности (основанное, прежде всего, на посланиях Павла) и автоматически «вчитывать» его в текст каждый раз, когда там встречаются слова *δικαιοσύνη* и *цедака*. Каждое из этих слов имеет целый спектр значений, отчасти они пересекаются друг с другом, но отчасти и отличаются друг от друга, а тем более от русских слов.

«А на самом деле там происходило вот что...»

С подобным вниманием к особенностям менталитета связана любовь к реконструкциям. В самом деле, чтобы понять точное значение библейского текста, нам просто необходимо бывает четко представить себе, что именно там происходило и почему оно происходило именно так. К сожалению, далеко не всегда это можно сделать с достаточной степенью достоверности (особенно в том, что касается Ветхого Завета), и здесь нужна немалая степень трезвости и скромности, чтобы отделить собственные фантазии от достаточно вероятных построений.

Пример такой спорной и ничего не проясняющей реконструкции – вопрос о том, как именно состоялся переход израильтян через море. Было ли это действительно Красное море, воды которого, вопреки законам физики, разошлись и стали стеной? Или это были некие болота в районе нынешнего Суэцкого канала, которые при соответствующих погодных условиях могли превращаться из легко проходимых в гиблые топи? В любом

случае, библейский текст понимает это событие как чудо, а конкретный механизм чуда вряд ли может быть нами раскрыт.

Много таких реконструкций выстраивается на лингвистическом материале. Например, в Ветхом Завете встречаются слова и выражения, которые употреблены всего 1—2 раза, и выяснить их точное значение невозможно (при чтении Нового Завета все же помогают другие тексты, написанные на древнегреческом языке). Один из самых распространенных способов – найти однокоренное слово в других семитских языках, например, угаритском или даже аккадском. Насколько достоверны такие реконструкции, можно представить на следующем примере: если мы попробуем определять значения русских слов по словарям болгарского или польского языка, многие слова мы поймем правильно, но и ошибок будет немало, и мы никогда не можем быть уверены в том, что польское значение совпадет с русским.

«Вот и Библия выступает в поддержку...»

Нередко получается и так, что значение библейского текста подверстывается под какую-то современную систему взглядов, которую этот текст якобы поддерживает, а то и доказывает. Этим, разумеется, широко пользуются нехристианские и околохристианские религиозные группировки (если не сказать секты), да и вообще кто угодно. Например, Притч 5:15–17 в своем контексте совершенно явно говорит о верности жене, но мне доводилось читать, как эти стихи («Пей воду из твоего водоема и текущую из твоего колодезя») цитировали сторонники уринотерапии. Логика здесь понятна: уринотерапия есть несомненное благо, значит, она должна упоминаться в Библии, а раз так, то осталось только найти, где именно. Вот эти стихи вроде бы подходят!

Если цитата не совсем подходит, ее в таком случае «подправляют». Например, евангельское выражение «блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф 5:8) выглядит у одного проповедника восточной религии так: «Блаженны очищающие свою совесть, ибо они увидят себя богами».

Наверное, нет христианина, который не распознает абсурдность этих построений. Но многие, тем не менее, сами прибегают к подобной «экзегетике», особенно в споре, когда подбирают подходящие цитаты в доказательство заранее заданной точки зрения, и уж тем более, когда они стараются истолковать эти цитаты именно в нужном свете, или заново их перевести, чтобы исключить нежелательное понимание. Часто такое происходит в межконфессиональных спорах, а в последнее время подобный ход нередко совершается ради политкорректности. Например, всё большее распространение получают переводы, в которых слово «иудеи» в Евангелиях переводится как «иудейские духовные вожди» – это делается для того, чтобы, в духе борьбы с антисемитизмом, исключить толкования, возлагающие на весь еврейский народ ответственность за отвержение и распятие Иисуса. Еврейские погромы, безусловно, отвратительны, и вдвойне отвратительно то, что погромщики порой ссылались на Евангелие – но это еще не значит, что надо менять евангельский текст.

Как нетрудно увидеть, нередко ошибка проистекает из простого желания толкователя любой ценой поддержать и оправдать то, что ему мило, или из естественного стремления взять первое пришедшее в голову решение и объявить его окончательным. Поэтому одно из самых главных качеств, необходимых толкователю Библии – это готовность постоянно удивляться вечно новому тексту Священного Писания, смиренно признавая ограниченность и относительность собственных идей.

12. Что значит толковать Библию по отцам?

Православные постоянно повторяют, что Писание нужно толковать строго в соответствии с Преданием – то есть по учению отцов Церкви. Но откуда мы можем узнать это самое учение? Да и подходит ли оно сегодняшнему человеку, отвечает ли на его насущные вопросы?

Свободен ли православный толкователь?

Священное Предание для православных – это, прежде всего, опыт прочтения Священного Писания великими христианами прошлых веков, опыт самой их жизни по Писанию. В этом смысле оно бесценно и незаменимо, обойтись без него просто не получится – можно будет только заменить один авторитет на другой, например, святителя Иоанна Златоуста на реформатора Жана Кальвина. В этом смысле Предание неотделимо от Писания.

Но порой православные рассуждают так, словно в книгах отцов Церкви содержатся абсолютно единообразные ответы на все сколь-нибудь значимые вопросы. «Святые отцы учат...» – если человек начинает с такого обобщения, его слова уже выглядят подозрительно. Надо уточнить: какие конкретно святые этому учат, точно ли он их понял, и нет ли по данному вопросу другого мнения у других святых. Обычно, на самом деле, это означает «вот мне тут батюшка недавно сказал» или «я в одной брошюре прочел». Зачастую все это касается тщательной регламентации внешних вещей: как передавать свечи во время службы, что именно есть в пост и т.д. Можно подумать, что христианство – это набор обрядов и запретов, соблюдение которых гарантирует спасение. На самом деле, конечно, отцы обращали на такие детали не так уж много внимания.

Но в важных вопросах – например, в том, что касается толкования сложных мест Библии – они уж, наверное, говорят одно и то же? Нередко православные так и предполагают, и добавляют: и мы, в соответствии с 19-м правилом 6-го Вселенского Собора, должны полностью следовать их толкованиям. Но прежде чем соглашаться или спорить, стоит прочесть текст этого правила: «Предстоятели церквей должны по вся дни, наипаче же во дни воскресные, поучать весь клир и народ словесам благочестия, избирая из Божественнаго Писания разумения и рассуждения истины, и не преступая положенных уже пределов и предания богоносных отцов; и если будет исследуемо слово Писания, то не инако да изъясняют оное, разве как изложили светила и учителя Церкви в своих писаниях, и сими более да удостоверяются, нежели составлением собственных слов, дабы, при недостатке умения в сем, не уклониться от подобающаго. Ибо, чрез учение вышереченных отцов, люди, получая познание о добром и достойном избрания, и о неполезном и достойном отвращения, исправляют жизнь свою на лучшее, и не страдают недугом неведения, но, внимая учению, побуждают себя к удалению от зла, и, страхом угрожающих наказаний, соделывают свое спасение».

Как мы видим, речь здесь идет об одной очень конкретной вещи: священники должны в храмах проповедовать, и при этом говорить народу о Писании и о его отеческих толкованиях, а не придумывать никакой «отсебятины». Но даже если понимать это правило расширительно и считать, что оно относится ко всем нам, из него не следует ни запрет на самостоятельный анализ текста, ни предписание ограничиться повтором или пересказом того, что уже было сказано отцами (хотя нередко так это правило и толкуют), хотя бы уже потому, что отцы далеко не все вопросы рассмотрели и далеко не на все из рассмотренных отвечали одинаково.

Наконец, это правило совершенно справедливо ставит толкование Писания в зависимость от цели, контекста, аудитории: здесь речь идет о проповеди в храме для малосведущих в Писании христиан, соответственно, на первое место выходят духовное и нравственное толкование. Действительно, никакой другой нравственности, никакой

другой веры, кроме принятой от отцов, в Церкви нет и быть не может. Но разве означает это запрет на научные исследования библейского текста или на художественное творчество на библейские темы? По-моему, ни в коей мере.

О науке стоит поговорить особо. Сегодня существуют научные дисциплины, которых не было ни полтора, ни даже полтысячелетия назад (например, библейская археология и текстология), сегодня нам доступные материалы, о существовании которых тогда и не догадывались (например, тексты из Вавилона и Угарита). Они едва ли добавляют что-то к духовному и нравственному толкованию библейских текстов, они не изменяют основы церковной проповеди, но они многое в Библии помогут понять точнее и полнее. Если бы всё это существовало во времена отцов, то наверняка было бы введено ими в оборот, поскольку они достаточно свободно пользовались достижениями нехристианской культуры своего времени. Богословский язык отцов (например, такие понятия, как «ипостась» и «сущность») – это ведь язык греческой философии, языческой по своему происхождению, а вовсе не библейского Откровения. И если мы сегодня ограничимся повторением сказанного отцами, закрывая глаза на эти новые материалы, то мы скорее как раз нарушим их традицию.

Иными словами, 19-е правило 6-го Вселенского Собора не устанавливает единого образца на все времена и на случаи жизни, а скорее задает некий вектор, которому должен следовать церковный человек в своем отношении к Писанию, и требует от него оставаться внутри установленных отцами пределов в вопросах догматических и нравственных. Но и внутри этих пределов возможна немалая свобода в том, что касается вещей другого порядка. Впрочем, все равно есть и будут люди, для которых приемлемы только те толкования, которые встречаются у отцов, а любой самостоятельный анализ библейского текста будет для них подозрителен по определению. Ну что ж, никто не заставляет их сравнивать рукописи или разбирать археологические находки – но и им не следует предавать анафеме тех, кто того пожелает. Отцы такого права им не дают, во всяком случае.

Единогласны ли отцы?

Если мы хотим понять, как толкуют отцы тот или иной библейский отрывок, мы можем снять с полки нужную книгу (например, собрание сочинений Св. Иоанна Златоуста) и найти по указателю толкование на соответствующее место. Казалось бы, как просто... Но что делать, если толкование не найдется? А если оно найдется, можем ли мы быть уверены, что это действительно мнение всех отцов, а не одного из них, пусть и самого авторитетного?

У патрологов, специалистов по отцам, есть такой термин: *consensus partum*, т.е. «согласие отцов». Один из западных святых первых веков, Викентий Лиринский, относил к Преданию только то, что признавалось «всегда, везде и всеми». Но, во-первых, очень трудно проверить, действительно ли некое толкование признавалось всегда и всеми, или мы кого-то упустили. А главное возражение выдвинул русский богослов В.Н. Лосский: «Уже Священное Писание Нового Завета вне этого правила, так как оно не было ни “всегда”, ни “везде”, ни “всеми принято” до окончательного установления канона Священного Писания... Достаточно вспомнить о том, что термин *единосущный* был отнюдь не “традиционным”: за немногими исключениями, он не употреблялся никогда, нигде и никем, разве что валентинствующими гностиками и еретиком Павлом Самосатским. Церковь обратила его в “сребро разжжено, искушено земли, очищено седмерицею” в горниле Духа Святого и свободном сознании тех, кто судит через Предание, не соблазняясь никакой привычной формулой».

То есть сам по себе термин еще ничего не определяет – им могли пользоваться еретики и не пользоваться прославленные святые. Действительно, даже после включения слова «единосущный» в новый Символ веры (так отсекалась арианская ересь) его не употреблял, например, св. Кирилл Иерусалимский, но никто не заподозрил его в

арианстве. Дело ведь не в словесных формулировках, а в сути, так что повторение правильных словесных формул еще ничего не гарантирует.

Разумеется, у отцов можно найти много противоречий по более частным вопросам. Достаточно вспомнить, что Александрийская школа толковала Библию в основном аллегорически, тогда как Антиохийская предпочитала исторические толкования, и представители этих школ нередко спорили друг с другом. Предание включает и одно, и другое, и оставляет место для иных толкований.

Митрополит Иларион (Алфеев) говорил об этом так: «Одна и та же истина может быть по-разному выражена разными отцами, в разные эпохи, на разных языках, в разных контекстах. Кроме того, у одной и той же истины может быть несколько аспектов, и каждый из аспектов можно либо заострить, подчеркнуть, развить, либо, наоборот, оставить в тени. Истина многогранна, многообразна, диалектична... И когда мы встречаем у одного из отцов мысль, противоречащую учению других отцов, не надо спешить отрещиваться от нее как от «частного богословского мнения», находящегося вне «согласия отцов». Не надо также пытаться, вопреки данным текстологической критики, доказывать, что тексты святого отца, содержащие данное мнение, являются подложными или что они были испорчены еретиками».

А в чем же тогда соглашаются отцы? Например, уже младший современник апостолов, св. Игнатий Антиохийский (Богоносец) возражал на требования доказать правоту христианства цитатами из Ветхого Завета как более древней части Библии: «Для меня древнее – Иисус Христос; непреложное древнее – Крест Его, Его Смерть и Воскресение, и вера Его. Он есть Дверь к Отцу, в которую входят Авраам, Исаак и Иаков, пророки, апостолы и Церковь». Именно такое отношение характерно для христианских богословов в целом: Ветхий Завет понимается через призму Нового – но это, как мы видим, именно общее отношение, а не стандартный ответ на набор вопросов.

Другой пример приводит игумен Петр (Мещеринов): никто из отцов не оставил нам указаний, в каком году ожидать конца света, «зато они писали все, согласно, о том, как приготовить свою душу для Царства Божия». И если были между ними различия в описании этой подготовки, они были вызваны прежде всего разницей в характере и ситуации каждого конкретного человека; принципиальный разногласий тут между ними нет. Соответственно, «согласие отцов» мы находим не в стандартных ответах на определенное количество вопросов, а скорее и в установлении пределов христианской веры и в направлении поиска ответов на эти вопросы.

Современны ли отцы?

В «Слове о блаженном Аврааме» Иоанн Златоуст говорит, рассуждая о том, как Авраам вел своего сына Исаака на заклание: «Как не оцепенела рука? Как не выпал нож из руки? Как он весь не ослабел и не изнемог? Как он мог стоять и смотреть на связанного Исаака? Как он тотчас не пал мертвым? Как продолжали служить ему нервы? Как остался в действии ум? Не знаю, как изобразить словом это событие... Часто иной имеет пять или шесть сыновей и дочерей; но когда один из них делается болен, то отец ходит около его постели, целует глаза сына, ласкает его руки... имеет ли он великое богатство, оно становится ненавистным для него; имеет ли множество забот, оставляет их всех... и весь мир кажется ему страждущим неисцеленно этой болезнью». Есть ли в этих строках что-то устаревающее? Думаю, нет. В том, что касается не только вопросов веры, но и самой обыденной жизни простых людей, отцы могут оказаться актуальнее выпусков новостей и понятнее сериалов.

Но могут ли они помочь нам, к примеру, разрешить спор между теми, кто считает для себя обязательным буквальное понимание первых строк книги Бытия и потому отрицает всякую возможность эволюции, и теми, кто может видеть в «днях творения» миллионы и даже миллиарды земных лет и эволюцию считает возможной? И те, и другие, кстати, встречаются в самых разных конфессиях. Ссылаться на отцов тут едва ли будет

правильно, потому что теория эволюции в их времена еще не существовала, и, следовательно, никакого ответа на нее они не дали. Да, они говорили о творении так, как будто мир возник практически сразу, в готовом виде – но в этом они полностью следовали представлениям людей своего времени.

Следует помнить, что научный подход и духовный подход – не одно и то же. Читая «Шестоднев» св. Василия Великого, мы видим, что представления того времени об окружающем мире были донаучными, редкие крупинки точного изложения фактов затеряны там в массе совершенно сказочного материала: например, зверь гиена там совокупляется с рыбой муреной. Разумеется, было бы глупо настаивать, что естественные науки должны быть приведены в соответствие с этими взглядами. Но это никак не отменяет духовной глубины его труда: пусть его примеры фактически неточны, но мысли, которые он ими иллюстрирует, совершенно верны и справедливы.

Впрочем, и сам св. Василий прекрасно осознавал пределы своей компетенции. Размышляя об основаниях Земли, он пишет: «Согласимся ли, что земля висит сама на себе, или скажем, что она держится на воде, – в обоих случаях необходимо не отступить от благочестивого разумения и признавать, что все в совокупности содержится силою Творца. А потому и себе самим, и спрашивающим нас: на чем опирается этот огромный и несдержимый груз земли? – надобно отвечать: в руке Божией концы земли (Пс 94:4). Эта мысль и для нас самая безопасная и для слушающих полезная». Он явно не представлял себе Землю шаром, вращающимся вокруг Солнца, но в любом случае он предпочитал оставить вопросы космологии в стороне, рассуждая о духовных вещах.

Открытия ученых сообщают нам о фактах, которые были тогда неизвестны, и ничто не мешает нам принять их к сведению. С другой стороны, духовными истинами наука не занимается, и то, что говорил Василий Кесарийский о Боге и человеке, не отменяется никакими научными открытиями.

Как мы уже отмечали в 8-й и 9-й главах, наука постоянно развивается и отвергает старые теории ради более убедительных, но апостольская вера пребывает неизменной и может лишь выражаться со временем в несколько иных формах. Но дело даже не в этом. Меняются обстоятельства нашей жизни, перед нами встают новые проблемы, и не всегда ответ, данный много веков назад на несколько другой вопрос, может полностью подойти нам сегодня. Следовать толкованиям отцов, на мой взгляд – это значит искать ответы на свои вопросы с опорой на отеческое наследие, искать, оставаясь в очерченных отцами пределах догматики и нравственности. Но обязательно – искать самому.

13. Что такое «библейская критика»?

Сегодня нередко можно услышать критику в адрес «библейской критики», и она бывает обычно справедлива. Только не всегда при этом уточняют, что речь идет о методах примерно столетней давности, которые в чистом виде давно уже практически никто не использует. С другой стороны, игнорировать все ее положения сегодня тоже мало кому удастся. Но что такое эта самая «библейская критика»? Действительно ли она направлена на подрыв авторитета Писания? Сохраняет ли она какое-то значение сегодня?

Дитя Реформации и Просвещения

Библейской критикой принято называть определенное направление в библеистике, которое возникло в XIX веке, хотя отдельные его элементы появились намного раньше. В целом можно сказать, что дорогу ей проложили Реформация и Просвещение в Западной Европе, которые привели к тому, что Библию стали читать не только в церкви и не только на непонятной латыни. Писание становилось доступным для всякого грамотного человека. А если Библия читается, то она и переводится, и издается, и толкуется – и для протестантов нет уже единого авторитета римского папы или Собора, обязательного для всех. Значит, должны постепенно появиться какие-то принципы толкования и изучения текста, которые смогут применить к одному тексту разные люди и получить похожие результаты.

В частности, подготовка печатных изданий Библии в XVI в., в особенности *полиглотт* (параллельных изданий на разных языках), привела к тому, что издатели стали сравнивать меж собой различные библейские рукописи на языках оригинала и в переводах и замечать в них явные расхождения. Им пришлось определять, какие именно варианты могут считаться наиболее достоверными, и как объяснить происхождение остальных вариантов. Так возникла *текстология*, или текстуальная критика. Вставал вопрос и об адекватности различных переводов, а значит – о тонкостях филологического анализа текста. Так в трудах Эразма Роттердамского (XV—XVI вв.) и других ученых постепенно выработывались понятийный аппарат и методология гуманитарных дисциплин, которые известны нам сегодня. А главное, так зарождался *критический* подход к Библии – то есть отношение к ее тексту как к объекту рационального логического анализа.

Но если оказывается, что сам оригинал Библии не дошел до нас неповрежденным (пусть даже эти повреждения касаются ничтожной доли текста) то, по-видимому, можно задуматься и об *исторической* критике текста – исследовании истории его происхождения, его анализу на фоне культурно-исторического контекста, неодинакового даже для разных книг Библии, и уж тем более отличного от мира, в котором живет читатель. К тому же, в эпоху Просвещения все больше мыслителей не склонны были ограничивать себя традиционным церковным вероучением. Соответственно, Библия для них – уже далеко не абсолютный авторитет, но материал для исследований. Интересен не столько сам ее текст, сколько исторические события, стоящие за этим текстом, которые и надо реконструировать. В этом – основной пафос классической библейской критики.

Внутренний опыт и «исторический Иисус»

Особую роль здесь сыграла *либерально-протестантская экзегеза*. Католические, а затем и православные богословы могли перенимать (как правило, медленно, осторожно и лишь до некоторой степени) одни их идеи и отвергать другие, более радикальные, но их реакция была по преимуществу именно что реакцией на идеи протестантов. Слово «либерализм», конечно, используется очень широко, но здесь оно обозначает конкретное течение внутри протестантизма. Кстати, в католицизме подобное движение, возникшее в конце XIX в., обычно называется не либерализмом, а *модернизмом*. Говоря упрощенно,

можно сказать, что эти движения основывались на *деизме* (представлении о том, что Бог, сотворив этот мир, уже не вмешивается в его существование), философии И. Канта и его последователей, затем – на *позитивизме* (учении, отдающем эмпирическому опыту безусловный приоритет над умозрительными построениями). В наиболее радикальном виде положения этого направления изложил в середине XIX в. А. Ричль. Суть его позиции в том, чтобы, решительно отказавшись от всякой метафизики и мистицизма, и в то же время прислушиваясь к собственному внутреннему опыту, изучать библейский текст в поисках важных истин нравственного и богословского характера. Признать ли Иисуса Сыном Божиим – личный вопрос для каждого, такое признание вовсе не требуется для того, чтобы следовать его этике.

Разумеется, не все представители либеральной школы разделяли все идеи Ричля, даже, к примеру, его известнейший ученик А. фон Гарнак. Собственно, сама суть либерального направления и состоит в том, чтобы не иметь никаких общеобязательных догм, поэтому мы можем говорить лишь о некоторых характерных для него идеях, которые в разной мере разделялись разными людьми. С точки зрения Ричля, высшая реальность постигается не разумом, а нравственным чувством, а откровения свыше как непосредственного возвещения воли Божией, не существует. Все религии, не исключая и христианства, возникали и развивались по своим собственным законам, которые следует изучать, как изучаются другие исторические процессы – собственно, этим в основном и занималась ранняя библейская критика.

На основе принципов либерализма в Геттингене на рубеже XIX—XX вв. возникла «Школа истории религий» – неформальный кружок близких по духу библеистов. Они предлагали отказаться от попыток выстроить на основе Библии некую богословскую схему, а вместо этого заняться созданием истории религии Израиля, которая развивалась примерно по тем же законам, что и другие религии. При этом предполагалось, что история может быть воссоздана с полной достоверностью.

Этот подход был связан с поисками «*исторического Иисуса*» – реальной личности, стоявшей за новозаветными повествованиями, которые сами либералы считали во многом легендарными. Соответственно, подобный подход, например, у А. фон Гарнака приводил к тому, что в Евангелиях выделялась некая подлинная историческая основа, а всё остальное объявлялось позднейшей интерпретацией, а порой и домыслом. Иисус из Назарета, таким образом, оказывался исторической личностью, а вот Христос – объектом церковной веры, и один был далеко не тождествен другому.

Среди современных библеистов, пожалуй, невозможно найти таких, которые бы полностью следовали этим методам и выводам классической библейской критики. Однако в рамках этого направления возникло несколько достаточно важных школ, дисциплин, методов анализа, которые до некоторой степени применимы и сегодня, кое-что будет сказано о них и тут.

Низкая и высокая критика

Классическая библейская критика делилась на «низкую», к которой относилась только текстология, и «высокую», куда обычно определяли все остальные дисциплины, но сегодня такое иерархическое деление уже стало редкостью. В каком-то смысле «низкая» критика оказалась намного убедительней «высокой» – может быть, потому, что имеет дело с конкретным рукописным материалом. Кстати, на английском и немецком языках принято говорить о *критике*: текста, источников, редакций и т.д., – однако по-русски это слово слишком тесно связано со значением полного отрицания, поэтому по-русски часто вместо критики говорят об *анализе*.

Библейская текстология (или текстуальная критика) существует до сих пор, она видит свою цель в изучении всех доступных рукописных источников, установлении взаимоотношений между ними и в восстановлении, насколько это возможно, первоначального текста. Текстология со временем выработала основные принципы,

например: рукописи необходимо сопоставлять между собой, чтобы выявить их относительную генеалогию; при этом учитывается не число рукописей, а их «вес», то есть древность и степень независимости от других и т.д.

В ходе своих исследований текстологи создают максимально близкий к оригиналу *критический текст*. Сам по себе он является реконструкцией, т.е. не совпадает полностью ни с одной существующей рукописью, но можно считать, что во всех спорных случаях он выбирает вариант чтения, который с наибольшей долей вероятности совпадает с оригиналом. Для Нового Завета такой текст давно создан – это знаменитое издание Нестле-Аланда. Но что касается Ветхого Завета, у нас есть пока только отдельные издания еврейского и греческого текста, да и те далеки от исчерпывающей полноты. У текстологов в этом отношении еще много работы.

«Высокая критика» ставит своей основной целью восстановление истории текста (например, его приблизительную датировку) и истории фактов, описанных в тексте. Своего рода апогеем такого критицизма сыграла в середине XIX в. книга Д. Штрауса «Жизнь Иисуса, критически переработанная». Штраус постарался исключить из своей реконструкции любые детали евангельского повествования, которые счел недостоверными и неисторичными – например, все повествования о чудесах (кстати, примерно на тех же принципах основана и редакция Евангелия, выполненная Л.Н. Толстым). Разумеется, с традиционной христианской верой такой подход совершенно несовместим. По сути, это была первая ясная попытка поисков «исторического Иисуса», как будет названо это направление в более позднее время.

Ограниченность такого подхода вполне очевидна. Мы знаем, например, что Жанна д'Арк – вполне историческая личность и что она действительно добилась коренного перелома в Столетней войне. Но повествования о ней изобилуют чудесами, и если применить к ним методику Штрауса, скорее всего, получится, что никакой Жанны вообще не существовало. Это очевидная нелепость, и точно так же при анализе библейских текстов ученый-историк вправе делать выводы о внешней канве событий, но не об их духовном значении и уж тем более не о чудесах, которые в принципе находятся вне сферы научного знания.

Поэтому возможность реконструкции исторических событий на основании библейского текста все чаще подвергается серьезным сомнениям. Все большее распространение получает «вероятностная модель», согласно которой та или иная историческая реконструкция может быть принята лишь с определенной долей вероятности. История может даже пониматься не как попытка реконструкции событий, а как исследование коллективной памяти народа об этих событиях. В самом деле, нас скорее интересуют не точные даты жизни Авраама или Моисея, а то место, которое занимали они в сознании израильтян.

Источники, традиции, редакции

Другое направление «высокой критики» – реконструкция истории самого библейского текста. Первым шагом здесь стал т.н. *анализ источников*. В самом деле, у библейских авторов были свои источники, прежде всего, устные предания – например, евангелист Лука ясно указывает, что прежде, чем написать этот текст, он тщательно их исследовал (Лк 1:3). Мы ясно видим и в Ветхом Завете, что авторы исторических книг Царств ссылаются на не дошедшие до нас «книгу Праведного» (Ис Нав 10:13; 2 Цар 1:18) и «летописи царей» (3 Цар 14:19, 29 и др.).

Впрочем, первым материалом для анализа источников стал корпус текстов, который ни на что не ссылается, а именно, Пятикнижие. Этот центральный для Ветхого Завета сборник текстов явно неоднороден, полон повторов и параллельных повествований, так что вывод о его «нелинейном» происхождении напрашивался сам собой. Первым догадку о том, что Пятикнижие не писал целиком один Моисей (хотя бы уже потому, что 34-я глава Второзакония описывает его смерть), высказал еще в XII в.

иудейский экзегет Ибн-Эзра, но вплоть до Нового времени подобное предположение не вели ни к какой научной теории. Лишь в начале XVIII в. Х.Б. Виттер, а затем, в середине века, независимо от него Ж. Астриук предложили выделить в Пятикнижии различные источники в зависимости от того, как называется в тексте Творец.

«Авторы» этих источников получили условные имена (хотя, конечно, тут разумнее говорить о некоторой традиции, чем об индивидуальном авторстве): *Элохист*, называвший Творца Богом (на древнееврейском *Элохим*), и *Яхвист*, который предпочитал более полное именование – Господь Бог (слово, которое у нас переводится как «Господь», на древнееврейском языке могло звучать как *Яхве*). Позднее к этим двум источникам были добавлены еще два: Второзаконие и т.н. Священнический кодекс. В классический вид эту «теорию четырех источников» привел в последней четверти XIX в. Ю. Велльгаузен.

В отношении Нового Завета исследования источников казались особенно многообещающими: ведь Матфей, Марк и Лука (эти три Евангелия называют *синоптическими*) совершенно точно пользовались общими источниками. Поэтому в 1924 г. Б.Х. Стритер предложил такую теорию: первым было написано самое краткое Евангелие, от Марка, а затем Матфей и Лука воспользовались этим материалом для своих произведений. В то же время у них явно был и некоторый дополнительный материал, который вошел в эти два Евангелия, но отсутствует у Марка. Этот материал принято обозначать буквой Q (от нем. *Quelle*, «источник»). Впрочем, существуют и другие взгляды на происхождение синоптических Евангелий.

Однако такие теории выглядят слишком прямолинейно, как будто составитель Пятикнижия работал с документами примерно так, как работает современный редактор. Поэтому в дальнейшем ученые предпочли говорить не об источниках, а о традициях, которые не были зафиксированы в письменном виде, а скорее, представляли собой коллективную память общины о своем прошлом и о значимых для нее идеях. Реконструкция таких преданий стала основной задачей для *анализа традиций*.

Но ведь и эти традиции не были слепо скопированы авторами библейских книг – каждый из них отбирал одно и оставлял в стороне другое. Обратив внимание на выбор составителя книги, мы можем лучше понять его замысел и взгляды – этим и занимается *анализ редакций*. Здесь в центре внимания лежит уже не исторический факт, а сам текст, точнее – история его возникновения и позиция его составителя. Например, мы ясно видим, что Лука, в отличие от Марка, избегает говорить о скором и всем очевидном пришествии Христа во славе, ср. слова Христа, обращенные к первосвященнику: «вы узрите Сына Человеческого, сидящего одесную Силы и грядущего на облаках небесных» (Мк 14:62) и «отныне Сын Человеческий воссядет одесную сил Божией» (Лк 22:69). Вероятно, Лука, который явно писал после Марка, не ожидал, что Второе Пришествие произойдет в самом ближайшем будущем, так, что члены тогдашнего Синадрона будут его непосредственными свидетелями. Это может отражать некоторое изменение в восприятии Второго Пришествия первыми христианами в целом: из события «завтрашнего дня» оно постепенно отодвигалось в менее определенное будущее.

Существуют, конечно, и другие направления библейской критики, которые мы просто не будем здесь перечислять из-за недостатка места.

Критика критики

Естественно, что радикальная библейская критика, столь многое отвергнувшая в традиционном подходе к Писанию, сама стала объектом критики. Своеобразным «отрицанием отрицания» стал *фундаментализм* – течение, зародившееся на рубеже XIX – XX вв. в США. Его сторонники настаивали на некоторых фундаментальных истинах христианской веры: девственном рождении Христа, Его телесном воскресении, достоверности сотворенных Им чудес. В принципе, это нормальная для любого христианина позиция.

Но самым своеобразным элементом в современном фундаментализме, пожалуй, является принцип *буквальной непогрешимости* Писания (мы уже рассуждали о нем во 2-й главе): поскольку оно есть Слово Божие, то каждое его высказывание истинно в прямом и непосредственном смысле. Эта позиция тоже кажется традиционной, но на самом деле она таковой не является, ведь для раннехристианских и средневековых толкователей Библии аллегорический и иные не прямые смыслы Писания имели ценность никак не меньшую, а обычно даже и большую, чем смысл буквальный. Фундаментализм, напротив, настаивает на безусловном первенстве и непогрешимости именно буквы Писания, которую отцы Церкви нередко оставляли в стороне.

Но оспаривать выводы и методы библейской критики можно и с других позиций. Классическая библейская критика сосредотачивается на истории текста, ставит своей целью реконструкцию его изначального состояния. Но допустим, что некий исследователь творчества Пушкина или Шекспира займется изучением источников, которыми пользовался поэт, анализом его ранних черновиков, сравнением редакций – и при этом полностью упустит из виду конечное произведение! Разве не потеряет такой исследователь лес за деревьями?

Один из виднейших специалистов в области ветхозаветной текстологии, Д. Бартелеми, прекрасно знакомый со сложной историей библейского текста ученый и вместе с тем католический монах, написал об этом так: «Одни книги были потеряны, другие основательно переработаны. Однако именно в таком виде дошло до нас слово Божие. И такова воля Святого Духа, чтобы мы получили ее в таком виде; критические исследования помогают нам понять процесс ее изменения, однако цель этих исследований совсем не в том, чтобы заменить нашу Библию ее самой ранней версией. Мы должны принять, что Библия, унаследованная первохристианами, – вполне сложившееся произведение, обладающее внутренним единством, и по вдохновению Святого Духа и под Его водительством она достигла такой зрелости, что составила священную библиотеку народов Нового и Вечного Завета».

В заключение стоит привести цитату из речи православного ученого А.В. Карташева, произнесенной 1944 г. в Париже. Несмотря на свой солидный возраст, она не утратила актуальности: «Для работы нашего научного разума рядом с этим восприятием на веру догматического учения, содержащегося в священных книгах, остается еще огромное поле деятельности, – такое же, как при изучении любых литературных памятников древности. Ибо Библия физически живет, как и другие книги, подвергаясь всем превращениям книжной судьбы особенно за долгие тысячелетия их рукописного существования... Новая библейская наука, работая историко-критическим методом... ставит на очередь пред православными богословами все новые и постоянно меняющиеся задачи сочетания в каждом отдельном случае типологического смысла данного места Писания с заново уясняемой его буквой».

Библейская критика в том виде, в каком она еще существовала, когда произносилась эта речь, давно уже перестала быть современной и актуальной. Но вызов со стороны современной философии и гуманитарной науки по-прежнему существует, и исследователю Писания предстоит так или иначе на него отвечать. Нелепо было бы гоняться за новейшей модой, а равно и слепо отрицать всё, что не принадлежит непосредственно отцам Церкви.

Сложный конгломерат методов и идей, который привычно называется «библейской критикой» и который, при всей своей ограниченности и тенденциозности, предшествовал современной библеистике и во многом определил ее нынешний облик. А какова именно эта библеистика – об этом мы вкратце поговорим в 15-й главе.

14. Существует ли «библейское богословие»?

Как мы видели в прошлой главе, одной из основных целей классической библейской критики была реконструкция религиозной истории древнего Израиля и ранней Церкви. Пусть сегодня эта задача не выглядит такой актуальной, но по-прежнему издаются книги, озаглавленные «Богословие Ветхого/Нового Завета», «Библейское богословие» – в них, по замыслу авторов, в целостности и полноте излагаются верования людей того времени. Собственно, многие из протестантов утверждают, что у них нет никакого собственного богословия, только то, которое они почерпнули из Библии. Так существует ли оно, особое библейское богословие, и можем ли мы его точно определить и отделить от позднейших добавлений?

Библейское или систематическое?

Современная западная библеистика достаточно разнородна. Немалая ее часть стала совершенно светской наукой: ей могут заниматься и верующие ученые, но при написании книг и статей они никак не дают понять, что видят в тексте нечто большее, чем просто древний памятник письменности, вроде египетских текстов пирамид или сказания о Гильгамеше. Такой подход характерен в основном для североевропейских стран.

Однако для других ученых, прежде всего для американских протестантов, характерно именно стремление связать свои исследования со своей верой. Протестантизм привычно говорит, что основывает всякое утверждение и действие на Библии, но огромное разнообразие деноминаций и течений внутри самого протестантизма неизбежно ставит вопрос: каким образом из единого текста получаются неодинаковые богословские построения? Действительно ли можно утверждать, что рядовой верующий открывает Библию, самостоятельно находит ответы на все возникающие у него вопросы и так формирует свое вероучение? Иными словами, если бы племени, живущему на далеком острове и никогда ничего не слышавшему о христианстве, дали Библию на его родном языке, можно ли было бы ожидать, что в племени возникнет община верующих, совпадающая во всех основных моментах с некоторой группой христиан в «большом мире»? И какой именно группой?

Такой эксперимент никто не ставил, но очевидным представляется отрицательный результат. Человек редко читает Библию один. Даже если он сидит в одиночестве в собственной комнате, он так или иначе соотносит ее текст с другими текстами и с людьми, которые тоже читают и толкуют ее – в конце концов, кто-то же предложил ему Библию прочесть, кто-то рассказал, что это за книга. Это могут быть люди, интересующиеся Библией как памятником культуры и истории, но, как правило, это община верующих. У всякой общины есть свое вероучение (а по аналогии можно сказать, что некоторый общий взгляд на мир возникает и в светских сообществах, объединенных общими интересами). Такое вероучение обязательно построено на Библии, установочные тексты (катехизисы, исповедания, литургические песнопения) постоянно цитируют или пересказывают ее. В результате человек, вступая в такую общину, в первую очередь знакомится не столько с самой Библией, которая пока для него слишком велика и сложна, а с упрощенным изложением вероучения, опирающимся на Библию.

Итак, спрашивает себя современный западный библеист из числа христиан, что оказывается здесь первичным, Библия или богословие? Если богословие, то какое именно, ведь сегодня в библиотеках западных семинарий книги по *библейскому* богословию (т.е. изложению идей, высказанных в Библии) стоят на иной полке, чем книги по *систематическому* богословию (для православных привычнее называть его *основным* или *догматическим*).

При этом у библейского и систематического богословия несколько разные задачи: библейское просто описывает то, что встречается в Библии, а систематическое скорее

определяет значение этих находок для жизни Церкви и отдельных верующих, актуализирует их, помещая в современный контекст. При этом, разумеется, богословские схемы не выводятся из библейского текста с той же неизбежностью, с какой физические законы выводятся из экспериментов, или грамматика языка выводится из созданных на нем текстов.

В представлении многих протестантов взаимодействие этих дисциплин выглядит линейно: сначала мы интерпретируем некоторое количество библейских текстов, потом на их основании выстраиваем стройную схему вероучения, изложенного в Библии, а потом уже прилагаем это к вероучению нашей собственной общины. На самом деле, экзегеза (толкование Библии) никогда не совершается в пустоте, и все три элемента этой схемы: экзегеза, библейское богословие, систематическое богословие, – постоянно взаимодействуют и влияют друг на друга.

Можно ли выстроить единую схему?

Поэтому неудивительно, что появляется всё больше трудов, носящих названия «Богословие Ветхого/Нового Завета», но между ними не просто нет полного согласия – едва ли не каждая из них предлагает собственную модель. Во многом причиной тому служит разнообразие библейских текстов, отсутствие неких универсальных схем. Например, Павел подчеркивает, что человек спасается не делами, а верой (Ефес 2:8–9), а Иаков утверждает, что «вера без дел мертва» (Иак 2:14–16) – оба высказывания истинны, они не противоречат друг другу, но они явно подходят к вопросу о роли благих дел в спасении человека с разных сторон, и в самой Библии никакой третий текст не устанавливает определенного соотношения между ними. В то же время любая попытка создать «богословие Нового Завета» обязательно должна будет сосредоточиться на вопросе об отношении веры и добрых дел. И решение будет во многом определяться взглядами самого автора и той традиции, к которой он принадлежит: он будет выбирать именно те отрывки и цитаты, которые созвучны его собственной догматике.

Канон Нового Завета у всех христиан (за исключением Эфиопской Церкви), как мы уже разбирали в 3-й главе, один и тот же, различия в ветхозаветном каноне тоже касаются не самых важных книг. Но у разных христианских сообществ может быть свой «канон внутри канона», то есть собрание наиболее авторитетных текстов, которые кладутся в основу их вероучения. Упрощенно говоря, протестанты будут настаивать на оправдании верой и только верой, католики будут напоминать о значении добрых дел как признака веры – этот спор продолжается еще со времен Реформации, и конца ему не видно.

Один из современных библеистов, протестант Д. Карсон пишет: «Новый Завет полон противоречий, он включает многие богословские точки зрения, которые не могут быть выстроены в единую систему, и разница здесь не только в словах, но и в понятиях, и состоит он из документов, написанных на протяжении такого длительного периода, так что богословские положения более ранних текстов оказались устаревшими в ходе дальнейшего развития». Эта фраза может показаться экстремистской, но, в самом деле, в одном и том же Евангелии мы встречаем Иоанна Крестителя, учеников до Воскресения и учеников после Воскресения – нельзя не признать, что их представление о том, Кто есть Иисус из Назарета, не вполне одинаково. Тем большую разницу мы увидим, если включим в этот ряд Савла по дороге в Дамаск и апостола Павла в конце его миссионерской деятельности.

Вообще, всё живое растет и развивается, оно достаточно неоднозначно и переменчиво. В одном и том же тексте Иоанн Креститель указывает на Иисуса как на Того, Чей приход возвещали пророки (Мф 3:3) – и через некоторое время сам обращает к Нему через учеников вопрос «Ты ли Тот, Который должен прийти?» (Мф 11:3); апостол Петр обещает последовать за Христом до конца (Мф 26:33) – и в ту же ночь отрекается от Него (Мф 26:75).

Мы уже отмечали в 10-й главе, что в одном и том же Евангелии от Иоанна Христос говорит вещи, которые кажутся противоположными: «Я и Отец – одно» (10:30) и «Отец Мой более Меня» (14:28), и, по сути, только Предание – коллективный опыт прочтения этого текста общиной верующих, которая его и породила – может нам здесь подсказать, как согласовать эти два изречения. Если истолковывать Библию исключительно изнутри самой Библии, у нас просто нет никаких критериев, что счесть главным, а что второстепенным.

Вот гораздо более практический пример: почти все христиане, опираясь на Новый Завет, считают, что пищевые ограничения, введенные в Пятикнижии, утратили для них свою силу. Но существуют адвентисты, которые соблюдают их – и приводят в поддержку своей позиции другие цитаты из Нового Завета!

Можно ли тогда сказать, что церковное учение определяет наше понимание библейского текста? До некоторой степени так оно и есть. Как пишет тот же Карсон: «Важно понимать, что практически всякий, кто не является атеистом, придерживается того или иного вида систематического богословия. Это вовсе не значит, что всякое систематическое богословие хорошо, полезно, взвешено, разумно, основано на Библии; это всего лишь значит, что большинство людей придерживаются *какого-то* систематического богословия. Представим, к примеру, человека, который говорит, что не признает в Библии Слова Божьего... Но если он не атеист, он все же верит во *что-то* касательно Бога (или богов, но для удобства мы сочтем его монотеистом). Он принимает в свое сознание верования, которые он считает последовательными».

Вместе с тем, конечно, нельзя сказать, что община верующих получает право толковать Писание, как ей вздумается. Напротив, она должна постоянно сверять свою жизнь со Словом Божиим, чтобы «предания старцев» не затмили ясно выраженного Слова Божьего, о чем не раз предупреждал своих учеников Христос. Только обойтись без совета со старцами – предшественниками и учителями в вере – тоже никак не получится.

«Мои взгляды – библейские!»

Еще один современный библеист-протестант Г. Осборн пишет: «Слишком часто мы полагаем, что наше толкование и есть то, что сказано в Библии, не понимая при этом многих других факторов, которые определяют значение. В результате богословская схема строится на ожерелье цитат, в равнинистической манере нанизанных друг на друга, и они якобы “доказывают” справедливость тех или иных богословских формулировок. Но проблема в том, что оппонент приводит свой набор цитат (часто это совсем другие тексты, говорящие о том же предмете, при этом каждая сторона игнорирует цитаты другой стороны!), и оба спорщика разговаривают сами с собой, а не друг с другом».

Далее он приводит показательный пример: «Один из моих студентов в семинарии несколько лет назад подошел к навещавшему нас ученому-кальвинисту (сам он принадлежал к умеренно арминианскому крылу) и спросил: “В чем основное различие между Вашими взглядами и моими?” Профессор несколько театрально воскликнул: “Мои – библейские!” Но как мы проверим, чьи взгляды больше соответствуют Библии?»

Здесь может потребоваться небольшое пояснение. И классическое кальвинистское, и арминианское богословие (оба, разумеется, относятся к протестантизму) основаны на Библии и вполне согласны, что падший человек в своем нынешнем состоянии не способен принять призыв Святого Духа и обратиться к Богу. Но, говоря упрощенно, для кальвинистов человечество делится на избранных, которые предопределены ко спасению и призваны благодатью Божией, причем человеческая природа уже не может ей воспрепятствовать, и всех остальных. Те, кто избран, призван и уверовал, пребывают в избранном и спасенном состоянии навсегда и уже не могут отпасть. Но с этим не согласны последователи Арминия и Уэсли, которые говорят, что человек сам способен сделать выбор по своей воле и уверовать при содействии Святого Духа. Те, кто единожды уверовал, могут в дальнейшем отпасть (в этом отношении они ближе к православному

вероучению, нежели Кальвин). Разумеется, обе стороны приводят многочисленные цитаты в доказательство своей правоты.

На вопрос о том, кто именно спасен, Библия действительно дает, на первый взгляд, противоречивые ответы. Некоторые цитаты звучат так, что Христос спас всё человечество, ибо такова и была воля Божия. Например: «...это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины. Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус, предавший Себя для искупления всех» (1 Тим 2:3–6). «Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию» (2 Петр 3:9).

Но есть и другие цитаты, из которых можно заключить, что Христос спас лишь некоторых, тех, кого пожелал спасти Бог, а остальных людей ждет вечная гибель. Например: «Язычники, слыша это, радовались и прославляли слово Господне, и уверовали все, которые были предуставлены к вечной жизни». (Деян 13:48) «Итак помилование зависит не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего. Ибо Писание говорит фараону: для того самого Я и поставил тебя, чтобы показать над тобою силу Мою и чтобы проповедано было имя Мое по всей земле. Итак, кого хочет, милует; а кого хочет, ожесточает. Ты скажешь мне: “за что же еще обвиняет? Ибо кто противостанет воле Его?” А ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: “зачем ты меня так сделал?” Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой для низкого?» (Рим 9:16–21)

Это противоречие – а на самом деле, многообразие – создает возможность интерпретации. Глядя на некоторые богословские труды, озаглавленные «Учение такогото апостола или пророка о таком-то предмете», можно подумать, что библейские пророки и апостолы были профессорами богословия, читавшими систематический курс в духовных академиях, и теперь осталось только собрать воедино элементы этого курса и составить единую схему. Но Господь почему-то не пожелал дать нам учебник богословия или катехизис, Он дал нам не голую схему, но живое Слово, по-разному действующее в разных обстоятельствах и неодинаково обращающееся к каждому человеку.

Так мы подошли к еще одному вопросу, который разделяет людей даже внутри одной и той же традиции, одной и той же церковной деноминации – вопросу о богословском методе. Как именно вывести богословскую схему даже из одного и того же набора текстов – тут тоже могут быть разные мнения, ведь эти тексты не содержат догматов и определений в готовом виде. Даже если богослов использует готовую цитату из Библии, он и только он определяет, в каком смысле следует понимать эту цитату и как ее следует связывать с другими положениями его богословской системы.

Но это уже отдельный вопрос, и мы сейчас не будем его разбирать. Что же касается нашего предмета, то можно сказать: сегодня всё больше христиан из разных конфессий приходят к выводу о том, что прочтение Библии в огромной степени определяется коллективным опытом общины верующих, и в этом смысле можно сказать, что они приближаются к православному представлению о Писании как главной части Предания.

15. Чем занимается современная библеистика?

Итак, классическая «библейская критика» кажется сегодня слишком прямолинейной и материалистичной, да и с христианской традицией она практически несовместима. Но библеистика существует и сегодня, ей занимаются в том числе и верующие. Что же они изучают и как они это делают? Существуют ли какие-то области диалога, пусть даже потенциального, между христианской верой и светскими исследованиями?

От позитивизма к постмодернизму

Грубо говоря, именно по такому пути прошла библеистика в XX веке. Если в начале этого века многим исследователям казалось, что не за горами тот день, когда возникнет некое единое понимание библейского текста, выверенное новейшими научными методами, то на его исходе картина оказалась совсем иной. Библию, по сути, читает кто угодно как угодно, сверяя ее прочтение с собственными представлениями об этой книге и об окружающем мире. Можно сказать, что в середине века библеисты отказались от поиска реальности, стоявшей за текстом и обратились к самому тексту и даже к реальности (или виртуальности?), порождаемой этим текстом.

Одним из важнейших шагов в этом направлении стали выступления Р. Бультмана с его программой *демифологизации*. Библейский текст действительно часто излагает события на языке мифа и поэзии, а не современной науки (мы подробнее говорили об этом в 8-й главе). Библейская критика отбрасывала все подобные картины как вымысел, а Бультман предложил переводить их на язык логики и фактов. Выражение «десница Божия» – это на самом деле описание Божиего величия и всемогущества, и точно так же, сказал Бультман, ангелы и бесы – это на самом способ описать силы, действующие в человеческой душе.

Бультман был прав в том отношении, что библейский мифологический язык может и должен быть объектом изучения, при котором учитывалась бы его особая природа. Однако последовательная демифологизация не должна оставить в тексте ничего, что не соответствует современному рационалистическому взгляду – но тогда в нем не останется места ни поэзии, ни даже сколь-нибудь высоким абстрациям. Любое чудо, в том числе и Воскресение, тоже придется тогда понимать иносказательно: якобы Христос не воскресал, а всего лишь Его идеи оказались бессмертными. И от всего Нового Завета тогда останется лишь достаточно расплывчатое представление о том, «что Иисус значит лично для меня».

Идей Бультмана сегодня мало кто придерживается в чистом виде, но они способствовали рождению направления, которое принято называть *новой герменевтикой*. У ее истоков стоит понимание, что сегодня, в новом контексте и для нового читателя древний текст звучит не совсем так, как звучал он во время своего создания. Толкователь не вправе ожидать, что текст подтвердит его собственные идеи или богословие его общины – текст должен заговорить сам по себе. Задача даже не в том, чтобы понять текст правильно, а скорее в том, чтобы понять его глубоко, творчески, индивидуально. Здесь, конечно, кроются и очевидные недостатки такого подхода – субъективизм и порой откровенный произвол толкователя, когда говорит не столько текст, сколько его собственное воображение.

Это направление можно считать частным проявлением *постмодернизма* – направления мысли в гуманитарных науках, а также в искусстве и культуре в целом, стремящегося снять противоречия между традиционным и модернистским, общекультурным и индивидуальным. На смену строгому средневековому традиционализму и такому же строгому рационализму Нового времени приходит нечто значительно более гибкое, индивидуальное, лишенное всякой догматики (сказать точнее действительно трудно). Постмодернист принципиально отказывается от поиска единственно верного, объективного смысла текста, определяемого традицией или

рациональным научным анализом; более того, он обычно отрицает само существование такого смысла.

Более консервативные современные толкователи, видящие в Библии слово Божие, часто не торопятся принимать установки постмодернизма, но настаивают на *посткритическом подходе*. Они не хотят признавать высший авторитет за методами библейской критики, хотя признают их относительную пользу в частных вопросах. Верующий исследователь, с их точки зрения, не должен расчленять текст ради изучения его истории и предыстории, а познавать значение самого текста, в котором Бог говорит с человеком. Иногда такой подход называют еще и *каноническим анализом*, поскольку он имеет дело с канонической формой текста.

Библейская филология

Если библейская критика возникла, прежде всего, на основе истории, то в современной библеистике преобладают методы филологии, науки об анализе текстов, и, в меньшей степени, общественных дисциплин. Собственно, библейская филология по своей методике едва ли отличается от филологии вообще: точно так же она ставит своей целью исследование текстов. Мало кто сомневается, что можно изучать библейские языки с лингвистической точки зрения; исключение составляют разве что те ортодоксальные иудеи, которые видят в древнееврейском тот изначальный язык, на котором Бог общался с Адамом в раю. Однако до тех пор, пока в центре внимания не стоял сам библейский текст, современные лингвистические и филологические методы применялись к Библии крайне редко.

Надо отметить, что в области литературного анализа достаточно высок авторитет работ, написанных на русском языке: от формалистов 1920-х гг., прежде всего М.М. Бахтина, и до структуралистов школы Ю.М. Лотмана. Одно из частных направлений литературного анализа – анализ *нарративный*, который занимается изучением повествовательных частей Писания (нарративов). Например, 38-я глава Бытия (история Иуды и его невестки Фамари) – очень странный эпизод, который не находит никакого соответствия в предшествующей и последующей главах Бытия, где повествуется об Иосифе и его братьях. Традиционная библейская критика обычно объявляла такие эпизоды случайными вставками, но внимательный анализ показывает нам, насколько тесно он связан с историей об Иосифе. Здесь читатель может при желании сам обратиться к тексту этой главы и постараться найти в ней какие-то соответствия с историей Иосифа...

На самом деле, это та же самая история. Иуда, некогда обманувший своего отца Иакова и лишивший его любимого сына (Иосифа), сам лишается двух сыновей и оказывается обманут. А Фамарь, как в дальнейшем Иосиф, избегает опасностей и, переодевшись, добивается от Иуды признания своей правоты – это только несколько звеньев из цепочки эпизодов с обманом и переодеванием в этой части книги Бытия. С другой стороны, вся эта глава останавливает внимание читателя на одном из ключевых моментов в истории Иосифа и подогревает читательские ожидания: чем же закончится эта захватывающая история? Может быть, с Иосифом произойдет нечто подобное тому, что случилось с Фамарью? Именно такие вещи и исследует нарративный анализ.

Отдельно стоит упомянуть, пожалуй, еще одно направление – сравнительный литературный анализ, т.е. сопоставление ветхозаветных текстов со сходными текстами из других древних культур (например, угаритскими и аккадскими), а текстов Нового Завета – с эллинистическими литературными памятниками. Такой анализ позволяет гораздо точнее понять значение отдельных выражений, фигур речи и эпизодов повествования.

Текст, читатель и общество

Но тексты не существуют сами по себе – у каждого текста есть свой автор и свой читатель/слушатель, живущий в определенном обществе. Древний мир нам не всегда

доступен – зато сегодняшние читатели этого текста перед нами, и мы вполне можем проследить за их восприятием этого текста.

Одно из направлений этой герменевтики так и называется – *анализ читательского восприятия*. Как поймут этот текст люди иных культур и традиций? Например, американский миссионер Д. Ричардсон, работавший среди племен Новой Гвинеи, где процветал каннибализм, рассказывал, что напрямую донести до них смысл евангельского повествования оказалось практически невозможно. С их точки зрения, Иисус проиграл и всё потерял, а в выигрыше остался хитроумный Иуда. Чтобы передать смысл евангельского рассказа, Ричардсону пришлось прибегнуть к образу из традиционной культуры. Среди племени *сави* существовал обычай прекращать вражду следующим образом: люди одного поселения отдавали в другое поселение ребенка, которого называли «ребенком мира». Пока ребенок жив, оба поселения живут в мире, но если он умрет (даже от естественных причин) или будет убит, его родичи будут мстить тем, кто не смог сохранить ему жизнь. Ричардсон рассказал своим слушателям, что Бог дал людям Собственного Сына как «ребенка мира», а когда они убили Его, простил их. Такая проповедь действительно обратила многих аборигенов к вере во Христа.

С подобными вещами тесно связан *социологический анализ*. Отношения между отдельными людьми, равно как и религиозные идеи, должны рассматриваться в широком контексте социальной структуры общества, а Библия писалась в обществе, существенно отличающемся от нашего собственного. Одни и те же процессы, события, явления могут пониматься по-разному людьми разных культур (классический пример – язык жестов). Например, сегодня, читая о сестрах Марфе и Марии, одна из которых хлопотала по хозяйству, а другая слушала Иисуса (Лк 10:38–42), мы склонны делать вывод, что Марфа поступила неправильно. Однако в том обществе поведение Марфы было единственно приемлемым для хозяйки дома: прежде всего следует позаботиться о гостях. Мария, сев у ног Христа, скандально нарушила обычай гостеприимства, и потому одобрение Христа было для всех полной неожиданностью. Вообще, нам многое станет яснее в Библии, если мы поймем, что большинство ее героев мало похожи на жителей современных больших городов с их свободным стилем жизни – скорее, они напоминают жителей аула в горах Кавказа: для них почти каждый жест значим, почти каждый шаг строго регламентирован традицией.

Еще один пример значимости культурного контекста – поведение священника и левита из притчи о милосердном самарянине (Лк 10:30–36). То, что они прошли мимо полуживого человека, современный читатель склонен объяснять их духовной черствостью. Однако на самом деле они боялись ритуального осквернения, ведь если бы этот человек оказался мертвым или умер бы у них на руках, они бы нарушили ясно выраженную заповедь, запрещающую им прикосновение к мертвому телу (Лев 21:1–4). Образцом милосердия оказывается нечистый с точки зрения иудеев самарянин, который сам не побоялся осквернения (Числ 19:11 и далее). Учитывая, что Христос рассказал эту притчу в ответ на вопрос человека, старательно соблюдавшего закон, мы видим по-новому смысл самой притчи: следование букве закона может не совпадать с его духом.

Текст и идеология

На рубеже XX – XXI вв. все чаще стали появляться работы, в которых подыскивается библейская опора для определенной идеологии. В особенности популярными сегодня становятся такие толкования Библии, которые позволили бы угнетенным (или некогда угнетенным) слоям общества почувствовать себя его полноправными членами. Так, в 1960-е гг. в США зародилось *феминистское прочтение* Библии. Его цели – показать, что Библия была написана в патриархальном обществе, обращавшем недостаточно внимания на мысли и чувства женщин, отказаться от стереотипов мышления, свойственных такому обществу и вернуть женщине должное место в библейских текстах.

На практике это выражается, например, в создании особого *инклюзивного* языка, т.е. «включающего оба пола», на котором следует говорить о Библии. Так, вместо «сыны Израиля» говорится «дети Израиля», поскольку женщины так же входили в их число, а наиболее радикальные сторонники такого языка предпочитают называть Бога не Отцом, но Родителем, или даже просто Матерью.

Другой подобный пример – *постколониальное прочтение Библии*, которое отказывается от «империалистического» наследия. Например, слова героини Песни Песней (1:5) «черна я, *но* прекрасна» должны прочитываться «черна я *и* прекрасна», чтобы не обижать чернокожих красавиц. На самом деле контекст показывает, что речь идет не о расе, а о загаре: девушка должна была много работать на открытом воздухе, поэтому бледные ровесницы из богатых семей могли смотреть на нее пренебрежительно.

На подобную идеологическую моду, конечно, не стоит обращать особого внимания. Однако другие направления современной библеистики оказываются вполне плодотворными и помогают лучше и полнее понять многие страницы Писания. Более того, серьезные (не идеологизированные) научные исследования оказываются, как правило, вполне совместимы с традиционной христианской верой. Да, сами по себе они не указывают путь к спасению, но от них и не следует этого ждать. Зато исследования Библии становятся пространством диалога верующих и неверующих, если они уважают этот текст и готовы не выискивать в нем подтверждение для собственных теорий, а честно и внимательно разбирать, о чем же он действительно нам говорит.

16. Откуда взялся Синодальный перевод?

«Русская Библия» – мы все знаем, что это такое. Конечно же, это Синодальный перевод, и он, казалось, был всегда... Но на самом деле ему меньше полутора веков. Почему получилось так, что современники Пушкина не могли читать Библию по-русски? По каким принципам выполнен этот перевод, в чем его достоинства и недостатки? Достаточно ли нам только этого перевода?

Допустим ли русский перевод?

Попытки переводить библейский текст на русский язык предпринимались достаточно давно: это были переложения псалмов Симеона Полоцкого (1680 г.), Авраамия Фирсова (1683 г.), Василия Тредиаковского (1753 г.). Есть сведения, что в царствование Петра I Библию переводил на русский пастор Эрнст Глюк, но этот перевод, если он вообще существовал, бесследно пропал после его смерти в 1705 г.

Принципиальное решение подготовить официальный перевод Библии на русский Святейший Синод по предложению императора Александра I принял только в начале 1816-го. Большую роль здесь сыграло учрежденное за несколько лет до того Российское Библейское общество, по образцу некоторых западных стран (первое подобное общество было создано в Великобритании). Цель подобных обществ с самого начала заключалась в том, чтобы обеспечить всех желающих изданием Библии по доступной цене и на родном языке, и вполне естественно, что в России это, прежде всего, был русский язык (хотя Библейское общество занималось и переводами на языки других народов).

Уже в 1819 г. было издано Четвероевангелие, а в 1821 г. – полный Новый Завет. Первые издания были параллельными, с русским и славянским текстом. Началась работа и над Ветхим Заветом, при этом изначально перевод делался с еврейского текста, а при редактировании добавлялись в квадратных скобках варианты из греческого перевода (Септуагинты). В 1822 г. впервые вышла Псалтирь, причем за два года ее тираж составил более ста тысяч экземпляров.

Главными сторонниками перевода были на тот момент обер-прокурор и министр просвещения князь А. Н. Голицын, а также ректор Санкт-Петербургской Духовной Академии архимандрит Филарет, будущий Московский святитель. Отставка Голицына в 1824-м году во многом определила и судьбу всего проекта: Библейское общество было закрыто, переводческая работа прекращена, и в конце 1825 г. тираж первых восьми книг Ветхого Завета был сожжен на кирпичном заводе. Критики, первыми из которых были митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Серафим (Глаголевский) и новый министр просвещения адмирал А. С. Шишков, не столько были недовольны качеством перевода, сколько отрицали саму возможность и необходимость какой-либо Библии для русских читателей, кроме церковнославянской. Разумеется, сыграла свою роль и настороженность по поводу мистических исканий и религиозных экспериментов тогдашнего петербургского общества.

Более чем на три десятилетия всякая официальная работа над переводом стала невозможной. Однако насущная потребность в нем никуда не делась, церковнославянский текст все же не мог удовлетворить всех: достаточно сказать, что А.С. Пушкин читал Библию по-французски. Поэтому продолжалась и неофициальная работа над переводами.

Здесь следует упомянуть прежде всего двух человек. Первый – это протоиерей Герасим Павский, ставший еще в 1819-м г. основным редактором первого официального перевода. Затем он преподавал древнееврейский язык в С-Петербургской Духовной Академии. На занятиях широко использовались подготовленные им учебные переводы некоторых пророческих и поэтических книг Ветхого Завета, где, помимо всего прочего, отрывки из пророческих книг располагались не в каноническом, а в «хронологическом» порядке, в соответствии с представлениями некоторых ученых того времени. Переводы

показались студентам настолько интересными, что их литографические копии стали расходиться за пределами Академии и даже Санкт-Петербурга.

В результате в 1841-м г. по доносу на переводчика было проведено синодальное расследование. О. Герасим остался в Академии, но о всякой переводческой деятельности должен был на долгое время забыть. Впоследствии в журнале «Дух христианина» в 1862 – 1863 гг., уже в ходе подготовки Синодального издания, вышли его переводы некоторых исторических книг Ветхого Завета и Притчей. О. Герасим был последовательным сторонником перевода только с еврейского Масоретского текста, который в те времена ученые обычно отождествляли с оригиналом Библии.

Другой переводчик того времени – преподобный Макарий (Глухарев), просветитель Алтая. Живя в основанной им миссии в алтайских предгорьях, он не только переводил Писание на язык местных кочевников (потомки которых сегодня сохраняют о нем самую теплую память), но и думал о необходимости русского перевода Ветхого Завета. Перевод Нового Завета и Псалтири к тому моменту уже существовал, хотя более не печатался и не распространялся, поэтому не случайно вся переводческая деятельность в ту пору была направлена на восполнение пробела в ветхозаветной части Писания. Для начала о. Макарий написал о своих предложениях митрополиту Филарету, но поскольку ответа не было, он с 1837 г. приступил к самостоятельной работе, отчасти пользуясь литографиями Павского. Результаты своих трудов он сначала отсылал в Комиссию духовных училищ, а затем и непосредственно в Синод, с приложением своего письма.

Тон его послания к Синоду – под статью книге Исаяи, которую оно сопровождало. О. Макарий обличает Синод за нежелание порадовать в деле духовного просвещения России, называет бунт декабристов, наводнение в Петербурге и прочие бедствия прямым следствием этого нерадения. Те же слова повторяет он без стеснения и в письме самому императору Николаю I! Ответом была не слишком тяжелая епитимья... и сданные в архив черновики переводов. Впрочем, митрополит Филарет после этой истории обратил внимание на о. Макария и написал ему подробный ответ, суть которого сводилась к одному тезису: еще не настало время для этого перевода.

Однако о. Макарий продолжил работу и перевел полностью Ветхий Завет, кроме уже давно изданной Псалтири; его переводы уже после его смерти были напечатаны в «Православном обозрении» за 1860 – 1867 гг. и использовались при подготовке Синодального издания. Эти переводы полностью следуют древнееврейскому тексту.

С какого языка переводить?

Во времена царствования Николая I, когда практическая работа по переводу могла носить только частный характер, митрополит Филарет разрабатывал теоретические основания для будущего перевода. Особую роль сыграла его записка к Священному Синоду «О догматическом достоинстве и охранительном употреблении греческого семидесяти толковников и славянского переводов Священного Писания» (1845 г.) – по сути, методологическая основа будущего Синодального перевода.

Как мы видим, для большинства переводчиков того времени вопрос о текстологической основе для перевода Ветхого Завета просто не стоял – они брали дошедший до нас древнееврейский текст. В то же время всем было ясно, что традиционным текстом Православной Церкви всегда был «перевод семидесяти толковников» (Септуагинта), с которой в свое время был сделан и церковнославянский перевод. Нельзя сказать, чтобы другие варианты текста всегда отвергались: так, при подготовке первого полного издания Библии на Руси, т.н. «Геннадиевской Библии» 1499 г. использовался и латинский перевод, и отчасти даже еврейский Масоретский текст. Но все же Масоретский текст традиционно принадлежал скорее синагоге, чем Церкви.

Митрополит Филарет предложил своего рода компромисс: переводить еврейский текст, но дополнять и даже править перевод (в догматически значимых местах) в соответствии с Септуагинтой и церковнославянским текстом. Именно так и было решено

поступить, когда на заседании Синода по поводу коронации Александра II (1856 г.) с подачи митрополита Филарета было принято решение возобновить перевод Библии на русский язык. Впрочем, это решение не означало начала работы, ведь у проекта было немало противников. К их числу относился, к примеру, Киевский митрополит Филарет (Амфитеатров).

Аргументация противников перевода практически не менялась со времен адмирала Шишкова: церковнославянский и русский суть разные стили одного языка, к тому же первый объединяет разные православные народы. «Если переводить на русское наречие, то почему же не перевести потом на малороссийское, на белорусское и проч.!» – восклицал митрополит Филарет Киевский. Кроме того, широкое знакомство с библейским текстом могло, по его мнению, способствовать развитию ересей, как это и произошло на родине библейских обществ, в Англии. Вместо перевода предлагалось исправлять отдельные слова славянского текста и обучать народ церковнославянскому языку. Кстати, такое же решение предлагалось и для «инородцев», в отношении которых оно выглядело совершенно утопично. Разделял эту позицию и оберпрокурор граф А.П. Толстой.

Спор двух митрополитов Филаретов, Московского и Киевского, стал предметом подробного обсуждения в Синоде, и в 1858 г. он подтвердил решение двухлетней давности: начать перевод. Император утвердил это решение. В результате в четырех Духовных Академиях (Петербургской, Московской, Киевской и Казанской), которым и было поручено это начинание, были созданы свои переводческие комитеты. Их труды утверждались епархиальными архиереями и затем Синодом, который полностью посвящал этому делу один из трех своих присутственных дней. Затем свою редактуру вносил Святитель Филарет Московский, который фактически был главным редактором этого перевода и посвятил работе над ним последние годы своей жизни (он скончался в 1867 г.). Наконец, текст окончательно утверждался Синодом.

Таким образом, в 1860 г. было издано Четвероевангелие, а в 1862 г. Новый Завет. Разумеется, это был новый перевод, ощутимо отличавшийся от изданий начала XIX в. При подготовке Ветхого Завета использовались как уже существующие переводы о. Макария, которые были серьезно отредактированы, так и заново подготовленные тексты. С 1868 г. по 1875 г. публиковались отдельные сборники ветхозаветных книг.

Работа над ними велась в соответствии с принципами «Записки» митрополита Филарета: за основу брался еврейский текст, но к нему давались дополнения и делались исправления на основе текстов греческого и славянского. Наиболее очевидные из таких дополнений ставились в простые скобки, что создавало путаницу: скобки использовались и как обычный знак препинания. В результате возник свой, особенный тип текста, эклектически сочетавший элементы еврейского и греческого текста. Что касается Нового Завета, тут всё было значительно проще: за основу был взят традиционный византийский вариант текста, который, с небольшими отличиями, был известен и на Западе (т.н. *Textus receptus*, т.е. «общепринятый текст»), и на Востоке христианского мира. За основу были взяты западные издания, а слова, присутствовавшие в церковнославянском, но отсутствовавшие в этих изданиях, также давались в скобках. Добавленные «для ясности и связи речи» слова были выделены курсивом.

Итак, в 1876 г. была, наконец, издана полная Библия, получившая отныне название Синодальной. Однако на этом ее история не завершилась. Во-первых, в 1882 г. была выпущена протестантская редакция перевода «с разрешением Святейшего Правительствующего Синода для Английского Библейского Общества». В ее ветхозаветной части были удалены все слова, помещенные в скобки. Это не привело и не могло привести к полному тождеству такого текста с еврейской Библией, поскольку многие исправления были сделаны на уровне отдельных слов или выбора той или иной интерпретации. Зато были уничтожены и те скобки, которые использовались просто как знак пунктуации. В дальнейшем этот вариант текста многократно перепечатывался протестантами.

В результате получилось, что существуют два варианта Синодального текста: православный и протестантский, не включающий те ветхозаветные книги, которые не входят в протестантский канон. Как правило, такие издания содержат подзаголовок «канонические книги». В последние полтора десятилетия Российское библейское общество стало издавать исправленный вариант такого текста, куда, по крайней мере, были возвращены несправедливо удаленные в издании 1882 г. скобки.

В 1926 г. Библия была впервые напечатана в новой орфографии. Начиная с издания Московской патриархии 1956 г., подверглись незначительной правке устаревшие грамматические формы (например, «увидевши» заменялось на «увидев», а «лицем» на «лицом»).

Не только Синодальный

Характерно, что еще до революции 1917-го г. Синодальный перевод далеко не воспринимался как единственный возможный русский текст Библии. Во-первых, в Лондоне в 1866 – 1875 гг., т.е. практически параллельно с Синодальным, был издан перевод В. А. Левинсона и Д. А. Хвольсона, который предназначался «для употребления евреям». По стилю, впрочем, он весьма близок к Синодальному. Существовали и другие переводы, предназначенные для евреев. Такие издания, как правило, выходили с параллельным древнееврейским текстом, иногда перевод сопровождался комментариями. Прежде всего, тут стоит упомянуть издания, подготовленные Л. И. Мандельштамом (выходили в Берлине в 1860-е и 70-е гг.) и О. Н. Штейнбергом (Вильна, 1870-е гг.). Не прервалась эта традиция и по сей день, хотя современные переводы «для евреев» куда меньше походят на Синодальный, чем сто лет назад.

Но и с христианской стороны переводческая деятельность продолжалась. Многим известен перевод Нового Завета, выполненный обер-прокурором Синода К.П. Победоносцевым (С-Петербург, 1905), цель которого состояла в том, чтобы приблизить русский текст к церковнославянскому.

Кроме того, предпринимались переводы Ветхого Завета с Септуагинты. В 1870-е гг. выходили отдельные книги в переводах епископа Порфирия (Успенского), а затем и П.А. Юнгерова (Казань, 1882 – 1911 гг.). Из всех этих переводов наибольшую известность получил юнгеровский перевод Псалтири, переизданный в 1996 г. Он довольно академичен и предназначен, прежде всего, для самостоятельного разбора трудных мест славянского или греческого текста. Для келейной молитвы такой текст плохо подходит.

Выходили вплоть до 1920-х гг. также переводы отдельных книг, выполненные самыми разными авторами, которые стремились передать красоту и глубину поразившего их библейского текста. Это, к примеру, Послания к галатам и ефесянам в переводе А.С. Хомякова; Притчи Соломоновы в переводе епископа Антонина (Грановского); Песнь песней и Руфь в переводе А. Эфроса.

Раздавались и голоса в пользу ревизии Синодальной Библии. Славист и библеист И.Е. Евсеев написал даже отдельную работу «Собор и Библия» к Поместному Собору 1917-18 гг. Основные претензии к Синодальному переводу были связаны с его стилем. Действительно, история перевода такова, что основные его черновики писались в ту пору, когда язык классической русской прозы только еще складывался. Но приговор Евсева кажется нам все же слишком суровым: «Язык этого перевода тяжелый, устарелый, искусственно сближенный со славянским, отстал от общелитературного языка на целый век».

Собор действительно высказал ясное намерение приступить к подготовке новой версии перевода Писания, но, как нетрудно понять, скоро перед Церковью встали совершенно другие задачи. Речь уже не шла о том, насколько хорош Синодальный текст и в каких отношениях его можно было бы исправить – скорее, о том, будет ли Библия вообще в каком бы то ни было переводе доступна русскому читателю. При коммунистической власти Синодальный перевод стал переводом исповедническим:

именно его рвали и топтали на допросах (как рассказывал о своем собственном допросе адвентист М.П. Кулаков), его провозили нелегально из-за границы, его получали в читальных залах библиотек по специальному разрешению, его переиздавали крайне редко и очень ограниченными тиражами, нередко переписывали от руки. В результате именно через него приходили ко Христу поколения наших соотечественников, и сегодня многим из них трудно представить себе, что возможна какая-то другая русская Библия.

Синодальный перевод сегодня

Как сегодня мы можем оценить этот перевод? Вполне очевидно, что он надолго останется главной русской Библией, и не только для православных людей. Вместе с тем, никто и никогда не объявлял его безошибочным или единственно возможным. Поэтому, отмечая его несомненные достоинства, можно говорить и о недостатках.

Прежде всего, как уже и отмечалось, это стиль, причем не только его тяжеловесность и архаичность. Можно сказать, что Синодальный перевод практически не отражает стилистическую разницу между разными жанрами и авторами, передавая послания или псалмы примерно так же, как и повествование либо законоположения. Главное, что стиль порой оказывается чрезмерно тяжелым, те же Послания без дополнительной справочной литературы просто невозможно бывает понять.

Встречаются в переводе и непоследовательности. Так, упомянутые в исторических книгах Екрон и Аккарон – на самом деле один город. Одно из еврейских имен встречается в Ветхом Завете всего одиннадцать раз в трех книгах, и оно переведено четырьмя разными способами: Елиав, Елигу, Елия, Илий. Непоследовательность касается, конечно же, не только имен собственных. В новозаветных посланиях нередко оказывается так, что одно и то же слово, имеющее ключевое значение, переводится по-разному даже в пределах одной главы, например, пресловутое *дикайосюнэ* (см. 12-ю главу) – как «правда» и тут же как «праведность», что разрушает логику текста.

Порой у нас есть сегодня основания думать, что переводчики допустили ошибку. Наиболее яркий пример уже разобран в 10-й главе – это 2 Царств 12:31, где говорится, что царь Давид якобы истребил всех аммонитян, хотя он, скорее всего, лишь заставил их работать.

Есть у Синодального перевода и еще одна особенность, которую трудно назвать недостатком, но которая заставляет задуматься о возможности иных переводов. Как уже было сказано, его ветхозаветная часть в основном следует древнееврейскому тексту. Сложилось так, что Септуагинта уже переведена на основные европейские языки, кроме русского, и этот пробел, безусловно, стоит восполнить.

В настоящее время выходят новые переводы Библии, основанные на разных принципах и ориентированные на разные аудитории, мы поговорим о них в следующей главе. Вполне можно представить себе и появление обновленной редакции Синодального перевода, с учетом новейших научных достижений и изменений в русской стилистике, а можно представить себе и новые переводы для церковного читателя.

17. Нужны ли разные переводы Библии на один язык?

«В нашем переводе это место Библии трактуется так...» – можно услышать на улице или в интернете от проповедников того или иного экзотического вероучения. «Нет, в каноническом переводе все звучит совершенно иначе», – строго отвечают им другие проповедники. Но как рядовому читателю разобраться с этими переводами? Одни утверждают, что правилен только их текст, другие – что право на существование имеет чуть ли не бесконечное множество прочтений библейского текста. Кто же прав?

«Христианство обречено на перевод»

Начнем с того, что разнообразие русских, или английских, или французских переводов Библии – это уже данность. Нравится нам это или нет, но мы живем в мире, где ни одна инстанция не может разрешить или запретить переводить или издавать Библию, или читать напечатанные (а то и просто вывешенные в интернете) переводы. Но это означает, что решение принимает каждый читатель: какому переводу доверять, к какому отнестись с осторожностью и интересом, а какой просто отбросить как недостоверный.

Самый простой выход, как всегда – воспользоваться старыми и проверенными текстами. Для русского читателя это, конечно, Синодальный перевод, и он, несмотря на все недостатки (некоторые из них были упомянуты в прошлой главе), остается нашим главным и единственным нормативным текстом – но для многих читателей его все-таки недостаточно, и они обращаются к тем переводам, которые только могут найти. Хорошо ли это?

Но сначала следует разобраться, зачем вообще нужен перевод Священного Писания. Некоторые религии прекрасно обходятся и без этого – у них есть свой священный язык. Чтобы изучать ислам, нужно выучить арабский, поскольку все переложения Корана на современные языки – не более, чем подпорки для немощных. У них нет и не может быть того же статуса, что и у оригинального священного текста. В прошлой главе мы говорили о том, что в свое время именно такой статус хотели придать в России церковнославянской Библии, но, по счастью, не придали.

Почему же в христианстве все иначе? Ветхий Завет был написан в основном на древнееврейском языке, а отдельные его части – на близкородственном ему арамейском. Именно на арамейском, скорее всего, говорили в быту Сам Иисус и Его первые ученики. Но Новый Завет, как ни странно, от начала до конца написан на древнегреческом языке. Дело в том, что в I в. н. э. в восточной части Римской империи греческий язык был языком межнационального общения, как русский в бывшем СССР.

Итак, на родном языке Иисуса до нас не дошло ни строчки, а Его последователи с самого начала предпочли не создавать особого священного языка и писали так, чтобы было понятно как можно большему числу читателей. Удивительно смелый шаг! Ради своих читателей они отказались от точной передачи слов Самого Учителя. Но уж если Сын Божий, воплотившись, пошел на риск быть неправильно понятым (да что там риск – на крест Он пошел!), то вполне естественно, что и Его ученики постарались убрать с дороги своих слушателей все возможные лингвистические барьеры. И потому с самого начала христианство оказалось, по выражению российского филолога и переводчика С.С. Аверинцева, «обречено на перевод». Как в исламе невозможно обойтись без единого священного языка, так в христианстве невозможно не возвещать Благою весть на языке, понятном слушателям.

Так что проповедь христианства в том или ином народе обычно начиналась с перевода избранных библейских книг на его язык. Не стали исключением и славяне, для которых Библию начали переводить святые Кирилл и Мефодий. Впрочем, языки не стоят на месте, и потому постоянно возникает потребность в новых редакциях или совершенно новых переводах. Вплоть до XVIII в. славянский перевод постоянно уточнялся и

исправлялся: вышедшие из обихода и ставшие непонятными слова заменялись новыми, существующие версии сравнивались с более авторитетными греческими рукописями. Славянская Библия, которую сегодня читают за богослужением в церкви, называется иногда Елизаветинской, т.к. свою окончательную форму она приобрела в царствование Елизаветы Петровны в середине XVIII в. Ее текст, конечно, заметно отличается от кирилло-мефодиевских переводов.

Вместе с тем, называть церковнославянский или Синодальный текст «каноническим» неверно. Да, они стали сегодня не просто самыми распространенными, но общепринятыми, стандартными – но при этом наша Церковь никогда не канонизировала их, как это сделали католики на I Ватиканском Соборе (1869–1870 гг.) с латинским переводом, Вульгатой. В России после этого собора были желающие канонизировать славянскую (а вовсе не Синодальную) Библию, но идея эта не была воплощена в жизнь, и, пожалуй, это правильно – ни один перевод не может считаться полным и исчерпывающим.

Кстати, сегодня в России абсолютным авторитетом Синодальная Библия пользуется не столько среди православных, которые читают еще и славянский перевод, сколько среди протестантов, которые зачастую просто не знают никакой другой Библии. И все-таки на нем история переводов Священного Писания на русский язык не завершилась. В XX веке, и особенно в последние два-три десятилетия, было создано немало новых переводов отдельных книг и даже всего Нового Завета на русский язык, и об этом мы подробнее поговорим в 19-й главе.

Вечно новая книга

Но почему появляются все новые и новые переводы на те языки, на которые Библия давно переведена? Английских Библий существует уже несколько сотен, счет русским вариантам Нового Завета тоже идет уже на десятки... Зачем? Отчасти в силу тяжеловесности и архаичности старых переводов, в нашем случае – Синодального. И в самом деле, чего стоят такие устаревшие слова, как *седалище* (сиденье, престол) и *влагалище* (ножны)! Не стоит на месте и наука, постоянно появляются какие-то новые, уточненные данные, которые позволяют исправить возможные погрешности старых переводов.

Есть и более серьезная причина: ни один перевод не может выразить всех возможных тонкостей оригинала. Перевод можно сравнить с фотографией пейзажа или предмета: мастерски выполненный снимок даст нам достаточно хорошее представление о натуре... но все-таки это представление будет неполным. Можно снять тот же предмет при другой освещенности, другой оптикой, с другой точки – и новый снимок окажется другим, хотя не обязательно он будет хуже или лучше первого. И если мы хотим получить как можно более полное представление о предмете, нам стоит посмотреть на несколько фотографий (если недоступен оригинал), причем хороших и разных фотографий. Плохие дадут нам искаженное представление, а хорошие, но одинаковые – одностороннее и неполное. То же самое касается и переводов.

Кроме того, постоянно меняется наш мир, меняется читатель. Многие выражения древних и просто старых переводов, даже если они в целом понятны, не трогают сердца новых поколений так, как трогали когда-то первых читателей. Слова ведь, бывает, ветшают настолько, что мы перестаем воспринимать их суть. В русском языке слово *фарисей* давно уже приобрело исключительно отрицательное значение, поэтому все евангельские обличения фарисеев выглядят банальными. Чтобы достичь желанного эффекта и показать всю остроту евангельских обличений, современные проповедники или даже переводчики иногда передают это слово как «духовный наставник, набожный человек».

И новые переводы нередко ставят своей целью «освежить восприятие» библейского текста (об этом подробнее в 19-й главе). Насколько это полезно и оправдано

– ответ на этот вопрос зависит от конкретной ситуации. Конечно, для человека, укорененного в традиции и приученного распознавать за давно знакомыми словами вечную новую суть, такой перевод выглядит шокирующим, да он ему и не нужен. Но, возможно, кто-то открывает его и впервые понимает, что Библия – не запыленная поповская книга на полупонятном языке, а Благая весть для всех времен и народов.

Дословность или понятность?

Достаточно часто можно услышать, что самый точный перевод – это дословный. Дескать, уточнять глубинный смысл тех или иных выражений можно до бесконечности, так что основная задача переводчика – точно передать форму оригинала. Что ж, Синодальный на первый взгляд соответствует этому требованию, но как раз это и делает его непонятным и местами даже смешным. Вот, например, как рассказывает о своем сне вавилонский царь: «Видения же головы моей на ложе моем были такие» (Дан 4:7). Почему бы не сказать проще: «Вот что увидел я ныне во сне»? Порой такой перевод совершенно непонятен: «От прещения Твоего, Боже Иакова, вздремали и колесница, и конь» – так звучит в Синодальном переводе 7-й стих 75-го Псалма. Не сразу догадаешься, что речь идет вовсе не о дремлющих конях, а о переходе Израиля через море, когда по воле Божьей на его дне уснули вечным сном египтяне вместе со своими боевыми конями.

Но и Синодальный во многих случаях вынужден отступать от дословности. Вот, например, как звучит в дословном переводе стих из книги Притчей (12:9): «Хорош пренебрегаемый и слуга для него от славящегося и недостаток хлеба». Ничего не понятно... Синодальный перевод куда яснее: «Лучше простой, но работающий на себя, нежели выдающий себя за знатного, но нуждающийся в хлебе» – но это уже, разумеется, интерпретация этого сложного места, причем не единственная возможная для данного места. Собственно, единственно полноценный дословный перевод – это подстрочник; на русском языке уже давно издан подстрочник Нового Завета, но читать его просто невозможно. Это не связный текст, а набор слов, в которых с трудом угадывается смысл, и то не всегда.

Раз уж последовательно дословный перевод невозможен, решили некоторые переводчики, не стоит и пытаться его создать. Лучше всего сразу передавать смысл, не обращая внимания на форму. Но и тут, разумеется, не обойтись без пробелов и недостатков – подобный перевод нередко грешит субъективностью: вот этот переводчик понял смысл так, тот иначе – а кто их рассудит? Перевод, близкий к дословному, по крайней мере, оставляет читателю возможность разных интерпретаций (о них мы говорили в 10-й главе). А смысловой перевод зачастую навязывает одно единственное прочтение, причем не всегда то, с которым читатель готов согласиться. К тому же такие переводы обычно означают достаточно резкий разрыв с традицией: выбираются новые слова и выражения, чтобы освежить восприятие читателя, а значит, те, к которым привыкла консервативная аудитория, исчезают из текста.

Надо сказать, что переводы такого рода стали появляться во всем мире только во второй половине XX века. Огромную роль здесь сыграло то обстоятельство, что Библию стали активно переводить на многочисленные языки народов Африки, Азии, Океании. До этого, вплоть до XIX века, переводы, за редким исключением, делались на языки Европы и Ближнего Востока, достаточно схожие меж собой. Это хорошо видно на примере славянского перевода, который делался с греческого. В обоих языках была сходная система склонения и спряжения, даже новые славянские слова можно было образовывать по той же самой схеме, что и греческие. Например, наше слово *воспитание* – точная копия греческого слова *анатрофэ*: приставка с основным значением «вверх», корень с основным значением «питать» и окончание (в славянском добавился еще и суффикс). Поэтому дословный перевод с греческого на славянский был принципиально возможен и относительно понятен. Еще важнее языковой общности была общность культурная.

Конечно, греки и славяне или, скажем, грузины – далеко не одно и то же, но эти народы веками жили рядом, общались и имели очень много общих понятий и представлений.

А теперь представим себе племя, живущее в джунглях Амазонии или на острове в Тихом Океане. Язык этого племени кардинально отличается от всех европейских и ближневосточных, а в его быту и культуре нет не только ничего созвучного библейским понятиям, но и таких привычных нам реалий, как каменные здания, тканная одежда и даже печеный хлеб. Как, к примеру, перевести на этот язык выражение вроде «Господь – пастырь мой», если в этом племени отродясь не было никаких пастухов? Или как передать понятие «Агнец Божий», если никто из читателей никогда не видел овец, да и слова для обозначения Единого Бога в его лексиконе нет? А как могут представить себе благотворные «потоки воды живой» люди, знакомые только с тропическим лесом, где не бывает засухи, зато проливные дожди идут по нескольку месяцев кряду? Естественно, в этом случае дословный перевод просто невозможен, нужно передавать смысл этих образов и выражений, до некоторой степени приравливаясь к быту и представлениям аудитории.

Так возник новый подход к библейскому переводу, который называют «смысловым» или «динамическим». И нет ничего удивительно в том, что постепенно подобная методика стала применяться и к языкам, на которые Библия была давно переведена. Хотя современный европеец или американец знаком с библейским миром гораздо лучше индейца или папуаса, но для него старый перевод зачастую давно превратился всего лишь в привычную форму, за которой он уже не видит особого содержания. Переводить нужно не букву, а смысл текста, считают сторонники такого подхода.

Перевод или отсебятина?

Видный американский библеист Б. Мецгер однажды сказал: «Перевод – искусство правильно выбирать, что терять». Действительно, перевод – это всегда потеря. Либо мы утрачиваем ясность, либо отказываемся от буквального следования оригиналу – это понятно. Существуют и другие развилки, как в сказке: налево пойдешь – коня потеряешь, а направо – голову. Например, насколько архаичным и торжественным (а следовательно, малопонятным и напыщенным) должен быть язык перевода? Или насколько однозначным (а значит, и произвольным) должен быть перевод многозначных или сложных для понимания мест? Общего решения, пожалуй, нет – всё зависит от конкретной ситуации.

Но бывают ли такие решения, когда потеряно слишком многое и ничего не приобретено? Разумеется, бывают. В принципе, ситуация с переводом Библии ничем не отличается от перевода любого другого текста: можно постараться максимально точно передать смысл оригинала, можно его исказить, а можно даже намеренно затемнить. Поколения переводчиков рассказывают историю про синхрониста, благодаря которому удалось избежать международного скандала: когда Н.С. Хрущев в ООН пообещал «показать империалистам кузькину мать», его слова были переданы дословно... и потому совершенно неверно: «we will show them Kuzma's mother». Англоязычные слушатели, естественно, ничего не поняли, но зато и не обиделись.

Иной «перевод» Библии призван не передать, а скрыть смысл оригинала (конечно, переводом его назвать уже нельзя). Своеобразную известность получило «Соединение и перевод четырех Евангелий» Л.Н. Толстого, вышедшее в Женеве в 1891—1894 гг. и, в сокращенном виде, в России в 1906 г. Это вольный пересказ отдельных страниц Евангелия, проповедующий собственное вероучение писателя. Разумеется, в нем не нашлось места ничему, что противоречило бы его воззрениям, например, чудесам, включая и Воскресение Христово. Христос Толстого – моралист, вроде самого Льва Николаевича, и никак не более того.

Более свежий пример – выполненный свидетелями Иеговы «перевод Нового мира», в который они внесли существенные искажения, чтобы приблизить текст Библии к своему

вероучению. Например, в Кол 1:16 о Христе говорится «Им создано всё», но в этом переводе мы читаем «посредством его сотворено всё остальное» (то есть Христос оказывается тоже сотворенным).

Выражение «еретический перевод» может кому-то показаться грубым, но в том и другом случае оно, по-видимому, будет вполне заслужено. Эти два перевода ставят своей целью не прояснить и не передать смысл оригинала, а... изменить его в желательном направлении и показать тем самым, что историческое христианство ошибалось, а правы именно что создатели нового текста.

Это, конечно, крайности. Очень мало кто идет на такое сознательное изменение текста. Но возможно другое: неточное понимание или даже сознательная подгонка оригинала под представления о нем переводчика. И это, увы, не редкость. Вот почему люди зачастую с недоверием относятся к новым переводам, и в этом их можно понять.

Слово Божие неисчерпаемо, и новый перевод может помочь открыть какие-то новые его грани, но только если этот перевод будет достаточно честным и деликатным. Может быть много переводов, более или менее удачных. Но все они, в лучшем случае, только мост, который позволяет человеку преодолеть языковую и культурную пропасть и выйти навстречу Богу. Состоится ли эта встреча – никакой переводчик поручиться не может.

18. Всё ли в Библии можно точно перевести?

Библейский текст был написан в давние времена, когда многие вещи выглядели иначе и люди воспринимали свой мир совсем по-другому. Сегодня толкователи не согласны относительно точного значения многих мест этого текста... Так можем ли мы быть уверены в адекватности вообще какого бы то ни было перевода? Может быть, есть в нем и принципиально непере译имые вещи? И что тогда делать переводчикам?

Мост к другому берегу

В конце прошлой главы был приведен образ перевода как моста, соединяющего разные берега, теперь мы попробуем немного развернуть его. На том, дальнем берегу – жизнь людей два или три тысячелетия назад. Всем достаточно хорошо понятна культурная дистанция между нами и ними: люди живут сегодня в совершенно ином мире, многое выглядит иначе, и детали древнего быта или обычаи того времени кажутся нам малопонятными.

Но, к сожалению, даже то, что кажется нам понятным, не всегда понятно до конца. Что, например, может быть проще и яснее слова *любовь*? Оно обозначает чувство, которое всем знакомо и выглядит сходно у всех народов во все времена. Это так, но не всякое употребление еврейского или греческого слова, которое мы привычно переводим словом «любить», будет обозначать ровно то, что мы думаем. Да и мы можем сказать: «я люблю свою жену» или «я люблю жареную картошку» – а это, конечно, разные вещи.

В 1 Царств 5:1 говорится, что царь Тира по имени Хирам при жизни израильского царя Давида любил его (Синодальный перевод смягчает эту фразу и говорит «был другом»). Означает ли это, что между Давидом и Хирамом были какие-то особые личные отношения? Но эти два царя, видимо, никогда в своей жизни не встречались, и мы совершенно ничего не знаем об их дружбе. Зато нам известно, что и при Давиде, и при его сыне Соломоне город-государство Тир был активным экономическим партнером Израиля. Если посмотреть и на другие контексты, то можно сделать вывод, что в данном случае еврейский глагол *ахав*, привычно переводимый как «любить», обозначает не личные чувства, а договорные отношения, связывающие два народа: царь Хирам был союзником и торговым партнером царя Давида.

По-видимому, подобные выводы можно сделать и о других отрывках. Например, в Исх 21:2–6 и Втор 15:12–18 излагается такое правило – раб, который мог бы получить личную свободу без жены и детей, вправе заявить: «люблю господина моего, жену мою и детей моих, не пойду на волю». В этом случае он останется в рабстве. Для нас это звучит несколько странно: неужели он может любить своего господина настолько же сильно, как и жену и детей, или даже сильнее, если учесть, что его он ставит на первое место? Но на самом деле речь вряд ли идет о влюбленности: как и в случае с Хирамом, здесь говорится скорее о долговременных договорных отношениях. Раб, по сути, говорит: «я предпочитаю остаться с господином, вместе с женой и детьми».

Но даже там, где библейский текст о любви между двумя людьми, он не всегда делает это именно так, как принято сегодня. Любовь описывается практически всегда как одностороннее действие: мы, например, читаем, что «Иаков полюбил Рахиль» (Быт 29:18), но совершенно ничего не говорится об ответных чувствах Рахили. Для израильтянина «полюбить» означает сделать свой выбор, и поэтому это слово практически всегда указывает на ту сторону, которая выступает инициатором отношений: мужчина может полюбить женщину, мать или отец любят ребенка – а другая сторона просто принимает это отношение. Даже исключения здесь значимы: если в 1 Цар 18:20 говорится, что Давида полюбила дочь царя Саула Мелхола, то мы понимаем, какая в тот момент существовала огромная разница между юным пастушком и царской дочерью. Выбор, по сути, делала царевна. Пройдет время, и все переменится, но пока что именно она

выступает инициатором, и Давид, отказавшись от другого брака, все-таки женится на Мелхоле.

Точно так же и в отношениях между Богом и избранным народом инициатива всецело принадлежит Богу – но если текст говорит, что это Израиль полюбил чужих богов (например, Иер 2:25), так подчеркивается момент сознательного выбора, подобного супружеской измене: вместо того, чтобы отвечать на Божью любовь, Израиль выбирает себе кого-то другого.

Особенно интересно посмотреть на пару слов *любовь – ненависть*. Во 2 Цар 23 рассказывается, как Амнон изнасиловал свою единокровную сестру Фамарь. До изнасилования он ее, оказывается, «любил», а сразу после изнасилования «возненавидел». Такой прямой перевод ставит нас в тупик: насколько груба и неестественна его любовь, настолько же беспричинна ненависть. Но все станет на свои места, если мы поймем, что речь здесь идет о сознательном выборе, а не о чувстве: Амнон пожелал Фамарь, а после изнасилования она для него утратила всякую притягательность.

А что же нам думать, если Господь сообщает, что он возлюбил Иакова и возненавидел Исава (Мал 1:2–3, цитируется в Рим 9:13)? Эти слова вызывают полное недоумение: Исав ничем не провинился, чтобы к нему так относиться. Однако стоит понять, что «ненависть» в данном случае противопоставляется «любви» как избранию, заключению союза. Господь говорит о том, что Завет он заключил с Иаковом и его потомством, а Исав и его потомство не имеют к этому отношения.

Можно ли переводить каждый случай употребления еврейского глагола *ахав* русским глаголом *любить*? Как мы убедились, даже Синодальный перевод так не поступает. Но какое слово выбрать в каждом конкретном случае – далеко не простой вопрос.

Слова, понятия, идеи

Помимо дальнего берега есть еще и наш собственный: язык перевода и культура людей, которые на нем говорят. Этот берег нам, конечно, известен хорошо, но это еще не значит, что на нем не встретятся никакие проблемы.

Например, в тюркских и угро-финских языках обычно нет привычных нам слов *брат* и *сестра*. Можно сказать только «старший брат» или «младший брат», и то же самое с сестрами – а ведь мы не всегда точно знаем, кто из братьев или сестер в библейском тексте родился первым. Сходные проблемы создает и грамматика: в кавказских языках, как правило, нельзя сказать просто *мы*, надо уточнять, относится ли это местоимение к собеседнику тоже, или нет. То есть «я и ты» – совсем другое «мы», нежели «я и он/она/они». А как переводить на такой язык Послания, в которых то и дело говорится о «нас»? Есть и такие языки, в которых глагольная форма показывает, был ли говорящий свидетелем описываемых событий, или только слышал о них от кого-то другого. Словом, процесс перевода заставляет нас постоянно истолковывать текст, и не всегда мы можем быть полностью уверены, что истолковали его правильно.

Но дело не только в грамматике или словаре. Зачастую оказывается трудным делом передать библейские идеи, выразить на другом языке библейскую картину мира. Например, если мы переводим на язык народа с исламской традицией, в нем, конечно же, будут основные религиозные термины: *вера, молитва, грех, покаяние, жертва*, – как правило, это будут заимствования из арабского языка. Только ведь исламские понятия не полностью совпадают с библейскими. Например, «жертва» (*курбан*) – это животное, которое люди забивают и устраивают пир. В то же время в библейском мире жертва – это животное или его часть, которая приносится Богу и сжигается на жертвеннике. Совсем не одно и то же!

В русском, казалось бы, нет таких проблем... но только на первый взгляд. В нашем обиходном языке, например, слово *жертва* вообще уже утратило всякое религиозное значение, так называют пострадавших во время стихийных бедствий или войн. «Жертвы и

разрушения» – привычная пара слов из телерепортажа, а ведь библейская жертва означает никак не бессмысленное разрушение, а скорее созидание отношений между Богом и человеком (об этом мы поговорим подробнее в 21-й главе). Как тогда поймет наш современник выражение «мирные жертвы» (оно встречается в Синодальном переводе)? Скорее всего, как указание на мирных жителей, убитых по чьему-то злодейскому приказу. А на самом деле речь идет о праздничном жертвоприношении, о радостном пире.

А уж как изменились некоторые духовные понятия в нашем повседневном языке... Достаточно посмотреть на слово *искушение*: если в Библии так называется нечто такое, что может сбить человека с верного пути и привести его к серьезному греху, то современная реклама называет так что-то очень приятное и желанное. По сути, вместо отрицательного значения у слова появилось положительное. И происходит это далеко не только в наше время, уже в языке Пушкина такая перемена произошла со словом *прелесть* (особо сильное искушение, которое прельщает человека): им стали называть очень красивую девушку или изящную безделушку. Кстати, в русском переводе книги Дж. Толкина «Властелин колец» обыгрываются оба значения этого слова: когда Горлум называет кольцо «моя прелесть», он употребляет это слово в положительном смысле, но мы понимаем его скорее в отрицательном. Кольцо, которым Горлум так любит и дорожит, полностью поработило его.

Есть разные пути решения этих переводческих проблем: можно использовать традиционные слова в надежде, что читатель разберется сам или с помощью сведущих людей, можно искать новые слова... Ни один путь не идеален, и в этом еще одна причина, по которой существуют разные переводы Библии на один и тот же язык.

Хлеб, вино и вода

Порой проблема таится как раз там, где всё выглядит ясным и понятным. Что может быть проще, чем перевести такие слова, как *хлеб*, *вода*, и *вино*? Они встречаются в Библии очень часто, с тех пор они мало изменились и каждый человек с ними прекрасно знаком. Но на самом деле и тут всё не так просто...

Начнем с того, что хлеб мог быть двух видов: пресный и квасной, обозначались они обычно разными словами. Квасной хлеб отличается от пресного наличием *закваски*, то есть дрожжей... но самих дрожжей, какие использует в наши дни каждая хозяйка, в те времена еще не знали. В качестве закваски выступал небольшой комочек теста от предыдущего замеса, уже вполне сквашенный. При необходимости можно было обойтись и без него: дрожжевые бактерии есть и в воздухе, и если тесто просто оставить в теплом месте, оно вскиснет само, только это займет намного больше времени. Закваска, как мы помним, в Евангелии часто употребляется в метафорическом смысле: это нечто такое, что способно постепенно и необратимо изменить всё вокруг. Метафора может употребляться как в положительном смысле (Царство Небесное подобно закваске), так и в отрицательном (закваска фарисейская и саддукейская), так что в каждом таком случае надо смотреть, хороша или плоха эта «закваска».

Во многих языках России и сопредельных стран эти два вида хлеба обозначаются разными словами, так что каждый раз надо уточнять, какая разновидность имелась в виду. Например, после Пасхи у израильтян наступал Праздник Опресноков, когда квасной хлеб есть было запрещено. А вот какой именно хлеб был на Тайной Вечери? С одной стороны, она была похожа на пасхальную трапезу (значит, пресный), а с другой, Евангелист Иоанн ясно указывает, что Пасха наступала на следующий день, когда Христос был распят (значит, мог быть и квасной). Ученые до сих пор не пришли к единому мнению на этот счет...

С водой, казалось бы, никаких проблем – она-то уж точно во все века остается одинаковой. Да, но не одинакова для разных народов ее доступность, а следовательно – значение, которое ей придается. Всем известно выражение *живая вода*, в Библии оно обычно обозначает Божию благодать, изобильно даруемую людям. Но что конкретно

имеется в виду? Народы Сибири, живущие среди великих рек и обильных снегов, не оценят этого так, как народы Средней Азии, где от наличия воды порой зависит жизнь. Так это было и в библейских землях: воды всегда не хватало, и родники, дающие чистую, вкусную, свежую воду, которую называли «живой», были величайшей ценностью.

А там, где не было родников, приходилось копать глубокие и часто пересыхающие колодцы, или собирать зимой дождевую воду в специальные *резервуары*, высеченные в камне. В русском переводе Библии эти резервуары называются «колодцами» или «водоемами», и то, и другое название не точны, но точного у нас просто нет. Естественно, что вода в таких водоемах была не слишком-то чистой, а концу сухого сезона (дождь идет в Палестине только зимой) и вовсе становилась затхлой. Пить ее было совсем не так приятно, как чистую воду из источника, к тому же малейшая трещина в камне приводила к тому, что вода утекала из резервуара. Пророк Иеремия использует именно этот образ, когда говорит от имени Бога: «Ибо два зла сделал народ Мой: Меня, источник воды живой, оставили, и высекли себе водоемы разбитые, которые не могут держать воды» (2:13). С таким разбитым резервуаром сравниваются здесь языческие божества, а Единый Бог – с чистым источником.

При таком положении дел не удивительно, что питьевую воду часто требовалось обеззараживать, и для этого ее смешивали с вином. Вином в Библии называется сухое виноградное вино, более крепких напитков в те времена изготавливать не умели, да и такое вино пили, как правило, разведенным: три-четыре части воды на часть вина. Народы Средиземноморья всегда включали вино в небольших количествах в свое повседневное меню, и к алкоголизму это обычно не приводило.

Но в языках многих народов нет отдельного слова для сухого вина, есть только общее понятие для спиртных напитков, и люди употребляют его в основном в значении «водка» (еще сто лет назад и в русских трактирах ее называли «хлебным вином»). Если употребить такое слово, получится совершенно неверная картина повального водочного пьянства, к сожалению, слишком хорошо знакомого многим из нас.

Поэтому некоторые протестантские проповедники настаивают, что нельзя говорить тут о вине, надо переводить «виноградный сок». Но это будет фактически неточно: в те времена не было ни холодильников, ни консервантов, а виноградный сок немедленно начинает бродить. Пить его можно было только свежесожатым, так что доступен он мог быть только осенью, во время сбора урожая. И, следовательно, там, где говорится о вине, речь идет именно об алкогольном напитке, тем более что Библия не раз предостерегает об опасности пьянства и призывает к умеренности – значит, всё-таки пили не сок.

Употреблять ли алкоголь, и если да, то в каком виде, в каких дозах, как часто – всё это важные вопросы, но к переводу Библии они не имеют никакого отношения. Мы должны передать то, что сказано в тексте; а как люди соотнесут текст с собственным поведением, как станут применять библейские заповеди на практике – это уже вопрос не к переводчикам.

Ну, а что же можно сделать для решения собственно переводческих проблем? Тут единого рецепта нет. Иногда можно добавлять уточнения: «хлеб без закваски», «свежая вода из источника», «виноградное вино». А там, где эти выражения употреблены метафорически, они могут быть переданы несколько иначе: «дающая жизнь вода», «опьяняющий напиток». Иногда приходится соглашаться с тем, что читатель все же не поймет некоторых тонкостей: так, добавлять в текст подробное описание высеченного в камне резервуара для сбора дождевой воды просто бессмысленно, оно слишком утяжелит перевод и переключит внимание читателя на несущественные технические подробности. Вот и приходится, как в синодальном переводе, говорить «колодец» или «водоем», хотя и то, и другое слово означают не совсем то, что требуется.

Самый интересный случай – это, конечно же, «культурная замена». Например, все мы знаем выражение «хлеб наш насущный». Сейчас не будем вдаваться в разбор слова *насущный*, с ним не всё просто, но вот хлеб в нашем языке обозначает главную, самую

необходимую пищу. А если подставить конкретные названия хлебобулочных изделий? «Батон насущный» или «буханка насущная» звучат уже нелепо – но именно так прозвучит это выражение в языках тех народов, основой питания которых традиционно был вовсе не хлеб. Они знают, что такое хлеб, но не называют хлебом еду вообще. В таком случае, например, в китайском переводе появился «рис наш насущный», а в переводе на язык алеутов, жителей островов на севере Тихого океана – «рыба наша насущная». Это самая основная пища в этих культурах, та, без которой просто нельзя прожить (в отличие от хлеба).

Перевод Библии – это не всегда просто. Но это всегда творческий процесс, это всегда диалог личностей, народов и эпох.

19. Как относиться к новым переводам на русский?

Действительно, как?

Перевод по традиции

В предыдущих главах мы уже говорили о том, что не бывает идеальных переводов, которые были бы хороши для всех и навсегда. Говорили о том, что перевод – это всегда потеря какой-то части оригинального смысла, и потому перед переводчиком всегда встает выбор: что именно сохранять и чем жертвовать. Упоминали мы и неоднородность читательских аудиторий, и разнообразие методик... но всё это теория. А на практике возникает один и тот же вопрос: вот стоят на книжной полке (или лежат в интернете) разные издания – и как же к ним относиться?

Всех вышедших на русском языке переводов Библии или ее частей здесь не перечислить, но краткую характеристику некоторым основным трудам стоит все же дать. Сразу стоит оговориться, что каждый перевод следует оценивать в соответствии с теми принципами, которыми руководствовались переводчики: глупо было бы упрекать создателей смыслового перевода в том, что они отошли от дословности – в том и был основной смысл их труда, их задачей была понятность, а не точное следование словам оригинала. Можно задать другой вопрос: насколько решена эта задача, и что было утрачено по дороге – иными словами, какой оказалась цена ее решения.

Во-первых, новые переводы не всегда бывают новаторскими – порой они, наоборот, ставят своей целью возвращение к давней традиции. Так, перевод Нового Завета, выполненный К.П. Победоносцевым в начале XX века, стремился приблизить русский текст к церковнославянскому. Другой пример традиционного перевода – т.н. «Кассиановский Новый Завет». В XX веке выходили все новые издания так называемого «критического текста» Нового Завета (подробнее мы говорили о нем в 13-й главе). Различия меж критическим и традиционным текстами многочисленны, хотя редко они бывают смысловыми. Именно с критического текста был сделан перевод, работа над которым началась под редакцией еп. Кассиана Безобразова в 1953-м г. Он был издан Британским библейским обществом только в 1970-м г., широко известен он и в наши дни. Стилистически он весьма близок к Синодальному.

Как мы видим на примере Синодального и Кассиановского переводов (а до того – и Победоносцевского проекта), вполне возможно существование нескольких традиционных текстов одновременно. Еще один интересный опыт, к сожалению, так и оставшийся в виде разрозненных материалов – переводы разных новозаветных книг, выполненные свящ. Леонидом Лутковским и публиковавшиеся в журналах на рубеже 1980-х и 90-х гг.

Перевод по смыслу

Вторая группа – переводы *смысловые*, призванные донести библейские смыслы до всех читателей без исключения. Зачастую такое понимание достигается за счет упрощения текста и добавления непосредственно в текст комментариев переводчика. Подобные переводы или даже пересказы, притом невысокого качества, стали появляться в России в начале 90-х, в основном в связи с усилиями западных миссионеров, стремившихся как можно скорее «насытить рынок» доступными для читателями текстами Писания. Так, в 1991 г. в Стокгольме, а в следующем году и в Москве, был напечатан текст под названием «Слово Жизни. Новый Завет в современном переводе». Затем в 1993-м г. в Москве был издан так называемый «Современный перевод» – полная Библия, крайне небрежно переведенная с английского языка (два этих проекта были предприняты разными организациями безо всякой связи между собой). Эти издания довольно быстро сошли со сцены, что неудивительно.

В 1995 и 2001 гг. в американском городе Чаттануга, штат Теннесси, были изданы «Новозаветные Писания», а в последнее время в интернете появились и отдельные ветхозаветные переводы того же автора, Г. Вишенчука-Вишенки. Переводчик не останавливается перед смелыми экспериментами, но явно утратил живое чувство русского языка. Первый псалом в его версии начинается так: «Счастлив, кто не держал совета со злым, не спешил поспевать за грешником, не подсаживался в круг смутьянов».

Все это звучит достаточно анекдотично, но есть и другой перевод, выполненный на более серьезном уровне – это перевод Нового Завета под названием «Радостная весть», издаваемый Российским библейским обществом с 2001 г. Еще в начале 1990-х гг. выходили переводы отдельных книг Нового Завета в исполнении В.Н. Кузнецовой; именно ее переводы были затем отредактированы и изданы под названием «Радостная весть». Этот перевод выполнен, как и практически все новые переводы, с критического текста, и нацелен на простоту и доступность. Но есть у него и еще одна особенность: он сознательно отталкивается от синодальной традиции. Вот как звучит в нем начало 3-й главы от Матфея: «В те дни в Иудейской пустыне появляется Иоанн Креститель. Он возвещает: “Обратитесь к Богу! Ведь Царство Небес уже близко!”... Они признавались в грехах, а он омывал приходивших в реке Иордане» (3:1–6). С точки зрения В.Н. Кузнецовой, в современном русском языке слова *проповедать*, *каяться*, *креститься*, *исповедовать* (мы находим их в Синодальной Библии) обозначают только церковные обряды, поэтому следует найти иные слова, чтобы передать внутренний смысл этих действий: *возвещать*, *обращаться к Богу*, *омываться*, *признаваться в грехах*. Так и во многих других случаях переводчица сознательно старается найти свои, особые слова и выражения и тем самым разорвать связь с традицией.

Кроме того, в переводе появилось немало резких выражений и даже грубых слов (*брюхо*, *проститутка* и т.д.). «Когда познакомишься с подобными текстами, по временам возникает ощущение, будто ты не Священное Писание читаешь, а присутствуешь при перебранке на кухне коммунальной квартиры» – так отозвался о переводах В.Н. Кузнецовой в 1998 г. иеромонах Илларион (Алфеев). Критику вызывает даже название перевода: действительно, по-русски было бы естественнее сказать если не «благая», то хотя бы «добрая весть».

Да, существуют люди, которые не имеют привычки к чтению сложных текстов с длинными фразами и архаичными словами. Многие из них охотно читают «Радостную весть», которая помогает им понять смысл сложных мест, прежде всего, в Павловых Посланиях. Но в целом приходится признать, что такой перевод плохо подходит для читателя, обращенного к традиции, даже не обязательно церковного читателя. В конце концов, существуют и разнообразные переложения Библии для детей: никто не считает их аутентичным текстом Священного Писания, но при этом они всем понятны и содержат самые главные элементы Благой Вести.

Еще одна разновидность смысловых переводов – *миссионерские* переводы для мусульман. В их основе лежит та идея, что читателей-мусульман не надо сразу отпугивать книгой, которая выглядит как христианская. В 2003 г. в «издательстве Стамбул» вышла книга в зеленой обложке с золотыми восточными узорами под названием «Священное Писание. Смысловый перевод Таурата, Книги Пророков, Забура и Инджила»; в 2009 г. вышло ее переиздание с небольшими изменениями. Как нетрудно убедиться, это Библия на русском языке (новозаветная часть похожа на «Слово Жизни»), в которой арабизированы все имена (Иисус Христос, например, там звучит как «Иса Масих») и даны многочисленные дополнения к тексту и примечания миссионерского характера. Этот перевод предназначен прежде всего для протестантской миссии среди мусульман Центральной Азии (для нас привычнее название «Средняя Азия»), читающих на русском языке. Это еще более свободный перевод, чем «Радостная весть», и он достаточно известен, причем не только в исламских регионах.

Литературный перевод

Широкое распространение смысловых переводов свидетельствует, что у нас пока слишком мало переводов третьего типа, которые сочетали бы верность традиции со стилистическим изяществом и относительной ясностью. Отчасти этот пробел восполняется *литературными* переводами, к примеру, С.С. Аверинцева, публиковавшиеся в разных изданиях. К литературным переводам можно отнести и те единичные публикации И.М. Дьяконова и С.К. Апта, которые выходили еще в советские времена в «Библиотеке всемирной литературы» и других сборниках. Появлялись подобные самостоятельные публикации и в последние полтора десятилетия, это переводы С.В. Лезова, Э.Г. Юнца и других.

К сожалению, такие переводы неизбежно несут на себе слишком заметный отпечаток индивидуального стиля переводчика. Когда в 1997-м г. в С-Петербурге был издан сборник из четырех книг Нового Завета (от Марка, от Иоанна, Римлянам, Откровение), подготовленный, помимо С.С. Аверинцева, тремя другими переводчиками (их имена не названы в издании, не станем раскрывать инкогнито и здесь), то оказалось, что они основаны на разных базовых текстах: критическом и традиционном – и следуют разным переводческим принципам. Каждый из переводчиков мог бы создать свой текст полной Библии, или же им следовало бы объединиться в общую команду с заранее оговоренными принципами работы. В дальнейшем этот опыт не имел никакого продолжения.

Зато нечто подобное было сделано в Российском Библейском обществе, где с середины 1990-х гг. идет работа над новым переводом Ветхого Завета. Опубликовано 13 отдельных книг, подготовленных разными переводчиками, вскоре можно ожидать и появления полного Ветхого Завета. Вероятно, он будет напечатан под одной обложкой с «Радостной вестью» как полная Библия, хотя ветхозаветные тексты заметно отличаются от переводов Кузнецовой, прежде всего, стилистически. Впрочем, и они вызывают достаточно разные оценки.

Другой переводческий проект осуществляется сейчас адвентистами в г. Заокский под руководством М.П. Кулакова. В 2000-м г. вышло первое издание «Нового Завета в современном русском переводе», а в 2002 г. – второе, с добавлением Псалтири; в 2009 г. появилось Пятикнижие, а со временем будут опубликованы все книги протестантского канона. Перевод сочетает ясность с традиционностью. Пожалуй, это единственный из современных переводов, который отмечает курсивом слова, «добавленные для связности текста», включая даже местоимения. В отдельных случаях перевод следует специфическому адвентистскому вероучению, но в целом он перевод заслуживает куда большей известности, чем та, которой он пользуется теперь.

Еще один полный перевод Библии, который стремится к литературности, был издан в 2009 году Международным библейским обществом – еще одной организацией, которая занимается переводом и распространением Писания на разных языках. Это отредактированный новозаветный текст «Слово Жизни», к которому добавлен новый перевод Ветхого Завета. В нем есть интересные находки, и он, во всяком случае, избавился от радикализма первых изданий «Слова Жизни».

Отдельно стоит сказать о переводе Псалтири, выполненном иеромонахом Амвросием (Тимротом), напечатанном в Москве в 2002-м г.: он выполнен с греческого текста (Септуагинты) и предназначен для келейной молитвы. Текст звучит красиво, стилистически близок к церковнославянскому, но вполне понятен.

Впрочем, мы не можем перечислить здесь всех изданий: один только список всех вышедших за последние полвека переводов библейских книг занял бы не меньше места, чем вся эта глава. Но если говорить о ситуации в целом, то Синодальный перевод явно еще долго, если не всегда, будет оставаться главным русским текстом Библии, при всех

своих недостатках, которые отмечали и сразу после его создания: он тяжел, местами непонятен, встречаются в нем и некоторые неточности.

Новые переводы обычно бывают свободны от этих недостатков, но это не значит, что они совершенны. Некоторые из них выглядят слишком просторечными, и уж конечно с таким подходом трудно согласиться людям, которые видят в Библии прежде всего Священное Писание. Другие могут быть вполне возвышенными, но в их тексте слишком ярко виден индивидуальный стиль переводчика. А третьи переводы могут быть просто предназначены для особенной аудитории. Вопрос о том, будет ли у нас в обозримом будущем новый перевод Писания, одобренный Церковью, остается пока открытым.

В то же время всякий перевод, который позволяет глубже понять текст или просто показывает его с новой точки зрения (если, конечно, в нем не содержится банальная ошибка), уже полезен. Только пользоваться им надо не *вместо* остальных переводов, а *вместе* с ними.

Пример: Послание к Галатам 3:1–4 в разных переводах

Синодальный:

¹ О, несмысленные Галаты! кто прельстил вас не покоряться истине, *вас*, у которых перед глазами предначертан был Иисус Христос, *как бы* у вас распятый? ² Сие только хочу знать от вас: через дела ли закона вы получили Духа, или через наставление в вере? ³ Так ли вы несмысленны, что, начав духом, теперь оканчиваете плотью? ⁴ Столь многое потерпели вы неужели без пользы? О, если бы только без пользы!

К.П. Победоносцева:

¹ О несмысленные Галаты! кто прельстил вас не слушаться истины, – когда у вас пред очами вашими изображен был Христос, как бы у вас распятый? ² Одно это хочу знать от вас: от дел ли закона прияли вы Духа, или от наставления в вере. ³ Ужели так безумны вы, что, начав Духом, ныне оканчиваете плотью? ⁴ Ужели так много испытали вы понапрасну? Да еще понапрасну ли только?

Под редакцией епископа Кассиана (Безобразова):

¹ О несмысленные Галаты, кто вас заворожил, *вас*, у которых пред глазами Иисус Христос изображен был распятым? ² Одно это хочу узнать у вас: делами ли Закона вы получили Духа или от проповеди веры? ³ Настолько ли вы несмысленны? Начав Духом, вы теперь завершаете плотью? ⁴ Напрасно ли вы столько испытали? Если бы это было действительно напрасное!

Под редакцией М.П. Кулакова:

¹ Неразумные галаты! Вам *так ясно* был представлен Иисус Христос, как если бы Его у *вас* на глазах распяли! Кто же смог заворожить вас? ² Я об одном хочу спросить вас: вы Духа благодаря исполнению Закона получили или *по вашей* вере в ту *весть*, что *от нас* услышали? ³ Неужели вы столь неразумны: начав *жизнь* в Духе *Божьем*, теперь пытаетесь достичь совершенства своими силами?! ⁴ Так много вы перенесли, *и всё это* было напрасно?! Могло ли такое в самом деле оказаться напрасным?

«Радостная весть»:

¹ Галаты, глупцы, кто вас сглазил?! Вы же, казалось, собственными глазами видели распятого Иисуса Христа, когда слушали мою Весть! ² Об одном только хочу у вас спросить: вы получили Дух потому, что исполняли Закон, или потому, что, услышав Радостную Весть, поверили? ³ Неужели вы так глупы, что начали с Духа, а кончаете людскими уставами?! ⁴ Или все то, что вы пережили, пустой звук? Быть не может!

Международного библейского общества:

¹ Глупые галаты! И кто это так заворожил вас, людей, которым ясно был представлен распятый Христос? ² Ответьте мне на один вопрос: вы получили Духа благодаря

соблюдению Закона или же по вере в то, что вы слышали? ³ Неужели вы так глупы? Вы начали Духом, а сейчас вы хотите достичь цели человеческими усилиями? ⁴ Неужели все, через что вы прошли, было напрасно? Не может быть, чтобы все это было напрасно!

«Центральноазиатский»:

¹ Глупые галаты! Кто вас сглазил, вас, которым ясно было представлено значение жертвенной смерти Исы Масиха? ² Ответьте мне на один вопрос: вы получили Духа благодаря соблюдению законов Таурата или же по вере в Радостную Весть, которую вы слышали? ³ Неужели вы так глупы? Вы начали Духом, а сейчас вы хотите достичь цели человеческими усилиями? ⁴ Неужели всё, через что вы прошли, было напрасно? Не может быть, чтобы всё это было напрасно!

20. Говорит ли Ветхий Завет о Христе?

Новый Завет, как известно, говорит прежде всего об Иисусе Христе. При этом новозаветные авторы постоянно утверждают, что во Христе исполнились ветхозаветные пророчества. Но где именно в Ветхом Завете говорится о Христе, да и откуда мы знаем, что это сказано о Нем – ведь имя напрямую не названо?

Расписание или знак?

В Евангелии от Луки есть одно удивительное место (24:13–32). Два ученика Христа, уже после Его смерти и воскресения, возвращаются домой из Иерусалима, беседуя обо всех происшедших событиях. Они уже слышали весть о Воскресении, но не могли поверить ей. Наконец, они встретили Самого Христа – но сначала Его не узнали, и Ему пришлось подробно раскрыть им смысл ветхозаветных пророчеств о страдающем Мессии, то есть о Нем Самом. И только потом, когда они остановились на ночлег и незнакомый Странник преломил с ними хлеб, они узнали в нем Учителя.

А ведь это были те самые люди, которые следовали за Ним во время Его земной жизни, слушали Его проповеди, жаждали установления Его Царства. Они наверняка много раз читали соответствующие места Писания – и тем не менее, они не могли связать одно с другим, распознать в происходивших событиях исполнение пророчеств. Как же так получилось?

Прежде всего, надо признать: в Ветхом Завете мы не находим таких строк, которые выглядели бы математически точными доказательствами правоты Нового Завета. Пророк Исайя или царь Давид никогда не говорили: «В таком-то году в городе Вифлееме родится сын Иисус у девы Мария, Он сотворит много чудес, а потом будет распят у стен Иерусалима и на третий день воскреснет».

Но разве было бы хорошо, если бы они так сказали? Тогда у людей не осталось бы свободы выбора; к примеру, мы можем узнать из календаря, в какой момент сегодня или завтра зайдет солнце – но к вере эти факты не имеют ни малейшего отношения, именно потому, что они факты. Вера предполагает выбор: ты можешь принять слова пророка, а можешь их отвергнуть.

Именно поэтому далеко не все видят в Ветхом Завете пророчества о Христе. Во времена евангелистов именно этот вопрос разделил еврейский народ: одни увидели в Писании, которое они знали (Новый Завет ведь еще не был написан) подтверждение всему тому, чему учили их последователи Иисуса из Назарета, и стали христианами. Другие решили, что Он тут не при чем – именно такое восприятие до сих пор отделяет иудаизм от христианства.

Что же это за пророчества, в которых можно увидеть, а можно и не увидеть Христа? В книге К.С. Льюиса «Серебряное кресло» (из цикла о Нарнии) есть точный образ: лев Аслан, отправляя двоих ребят в опасное путешествие, сообщает им о *знаках*, которые помогут им в пути. Но он не дает им точной карты. Если коротко перефразировать, он говорит так: «На одном из камней в этом разрушенном городе вы увидите надпись. Поступите согласно ее повелениям». И при этом он добавляет: «Знаки, которые ты увидишь в Нарнии, будут не совсем такими, как ты представляешь. Вот почему так важно помнить знаки наизусть, не обращать внимания на их внешнюю оболочку». Действительно, надпись в разрушенном городе оказывается такой огромной, что прочесть ее можно только с высоты, а ребята, утомленные дорогой, забывают о знаках, не пытаются соотнести их с тем, что видят вокруг себя, и потому не могут их распознать вовремя – и путь их становится куда более длинным и опасным.

И еще одна интересная деталь. Та надпись содержала всего два слова: «...подо мной», – это был остаток эпитафии древнего царя. Казалось бы, для путешественников эти слова не имели никакого смысла – но на самом деле под ней был вход в подземелье,

где и находился принц, которого они искали. Тот, кто составлял текст надписи, наверняка не догадывался, что она будет иметь второй, сокровенный смысл – но для Бога нет ничего случайного, и новый смысл, знак для путешественников Аслана, оставался сокрытым до тех пор, пока они сами его не раскрыли.

Итак, находим ли мы в Ветхом Завете подобные знаки?

В ожидании Мессии

Прежде всего, нужно понять, что пророчества о Христе в Ветхом Завете – это не отдельные стихи или главы, а скорее идеи, которыми пропитано Писание. Например, представление об искупительной жертве, кровь которой смывает грех с человека (об этом мы поговорим в следующей главе). Другая центральная идея Ветхого Завета – представление о Боге как о единственном истинном Царе Израиля, Который однажды станет править Своим народом зримым образом, и подчинит Себе при этом весь мир. Торжественный возглас «Господь воцарился» звучит и в псалмах, и в пророческих книгах, и он относится именно к этому времени.

Однако Господь в Ветхом Завете невидим и недоступен для человека – как же Он может взойти на царский престол, поместиться во дворце? Разумеется, израильтяне понимали Его царствование не так материалистически. На физическом престоле, как ожидали они, воссядет избранный Господом царь. Поскольку символически это избрание изображалась как помазание оливковым маслом, то и своего идеального царя израильтяне называли *Помазанником*; на еврейском это слово звучит как *Машиах* (отсюда русское *Мессия*), а на греческом как *Христос*.

«Ты ли Христос?» – спрашивали Иисуса на суде те, кто меньше всего был склонен увидеть в нем Христа (Лк 22:67). Примерно так же спрашивал Христа через своих учеников Иоанн Креститель: «Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого?» (Лк 7:19) Такое ощущение, что Мессию жители Палестины в I веке н.э. ожидали почти с тем же напряжением, с каким мы ждем незнакомого нам лично человека, с которым условились о встрече. Ну что же он запаздывает? Может быть, вот тот? Или этот? Подойти, спросить, что ли...

Откуда же они знали о приходе Мессии? Из Писания, которое сегодня мы называем Ветхим Заветом. Господь говорил Давиду о его потомке: «Я буду ему отцом, и он будет Мне сыном» (2 Цар 7:14). Конечно, в историческом плане это пророчество относится к Соломону, любимому сыну Давида, который и построил храм в Иерусалиме. Но земной царь есть лишь наместник Царя Небесного, и в идеале отношения между ними должны стать отношениями отца и сына. Кстати, именно из-за этих слов Господа израильтяне верили, что Мессия, как и вообще любой законный израильский царь, будет прямым потомком царя Давида. Поэтому и Матфей начинает свое Евангелие с родословия Иисуса, поэтому и те, кто Его принимал, именовали Его «сыном Давидовым»

А Псалтирь, носящая имя царя Давида, говорит о Боге и царе такими словами: «Сказал Господь Господу моему: сиди одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих» (Пс 109:1). Уже в евангельские времена этот стих понимался как описание отношений царя-Мессии (Христа) и Бога. Эту цитату приводил Сам Иисус, спрашивая фарисеев: как может Давид называть Мессию Господом, если Мессия – потомок Давида, его сын? Вопрос смутил их до такой степени, что они не просто не смогли на него ответить, но и впредь не задавали Иисусу каверзных вопросов (Мф 22:4–46).

В самом деле, здесь нам приоткрывается тайна, которая не до конца была ясна даже самым ближайшим ученикам Иисуса: Мессия, с одной стороны, происходит по плоти от Давида, а с другой – неизмеримо больше его. То есть Он – человек, но вместе с тем Он и Бог. Наверное, конкретно-исторический смысл этого псалма, связанный с земными царями, не включал в себя столь сложного богословского элемента, но если бы речь шла

только об историческом царе, к чему было бы включать этот гимн в состав Священного Писания? Нет, наверняка он имеет и более глубокое значение.

Много подобных мест Писания уже ко временам Нового Завета воспринимались евреями как мессианские пророчества, указывающие на грядущего праведного царя. Но каким будет этот царь?

Победа или страдания?

Разумеется, все хотят видеть своих царей победителями. Не сказано ли и в том самом псалме: «положу врагов Твоих в подножие ног Твоих?» (Пс 109:1). Нечто похожее мы встретим и у многих пророков: славный образ торжествующего царя, которому поклоняются и покоряются его бывшие враги.

Но у того же Исаяи мы встречаем и совсем другой образ: страдающего Мессию. «Он взошел пред Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его. Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу: и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих» (Ис 53:2–7).

Как же так? Разве можно быть одновременно победителем и побежденным? Судьей и подсудимым? Прославленным и презренным? Ветхозаветные пророчества не открывают нам этой тайны полностью, они – те самые знаки, что оказываются не совсем такими, какими ты их себе представлял. Но их все же слишком много, и тот, кто ищет добросовестно, наверняка опознает хотя бы некоторые из них.

Евангельское повествование о Христе, по сути, начинается с провозглашения Его Мессией. Архангел Гавриил, возвещая Марии о рождении Иисуса, говорит, что Он «будет царствовать над домом Иакова во веки, и Царству Его не будет конца» (Лк 1:33). Обратим внимание, что здесь с самого начала речь идет о Мессии-победителе, и значит, последующие страдания и даже смерть Христа вовсе не означали ни Его поражения, ни какого-то умаления Его Царства.

А дальше начинается множество деталей и подробностей; особенно много внимания уделяет им евангелист Матфей. Значимой оказывается буквально каждая деталь, причем не только для евангелиста, но вообще для всех. Когда царь Ирод хочет выяснить, где родился новый Царь (причем сам Ирод понимает Его царство исключительно в политических терминах и видит в Нем угрозу собственному правлению), то его советники обращаются ни к чему иному, как к книге пророка Михея: «И ты, Вифлеем-Ефрафа, мал ли ты между тысячами Иудиными? из тебя произойдет Мне Тот, Который должен быть Владыкою в Израиле и Которого происхождение из начала, от дней вечных» (Мих 5:2). А когда Иосиф и Мария бегут в Египет и через несколько лет возвращаются домой, то евангелист приводит слова пророка Осии: «Когда Израиль был юн, Я любил его и из Египта вызвал сына Моего» (Ос 11:1).

Кстати, между этими двумя пророчествами – немалая разница. Михей явно говорит о некоем правителе, его слова относятся к Мессии вполне однозначно. Но слова Осии в контексте его книги проще понять так: речь идет о самом народе Израиля, который был в египетском рабстве, но Господь вывел его оттуда. То есть некоторые из пророчеств, в Евангелии отнесенных ко Христу, изначально могли иметь иной исторический смысл. Это вполне нормально; более того, если Мессия – идеальный царь и идеальный израильтянин,

то понятно, что некоторые события из его жизни будут так или иначе повторять события из жизни других царей и всего израильского народа.

Но особенно много пророчеств связано с Распятием и Воскресением Христа. Чуть ли не каждая деталь крестной смерти находит свое отражение в словах пророков и псалмопевцев. Это казнь, когда Христа прибили ко кресту, а Его одежду делили по жребию (Пс 21:16–19); и уксус, который Ему дали пить на кресте (Пс 68:22); и гробница богатого человека, в которую положили Его мертвое тело (Ис 53:9). Это, наконец, рассказ о тридцати серебряных монетах, которые Иуда получил за свое предательство, а потом в ужасе от совершенного бросил их в Храме на пол, и на них купили землю горшечника (Зах 11:12–13).

Есть в Ветхом Завете и пророчества о Воскресении Христовом и о нашем всеобщем воскресении. Ведь еще задолго до рождения Мессии было написано: «Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тление» (Пс 15:10). Наконец, есть в Ветхом Завете и некое подобие хронологии – таинственная книга Даниила. В ней говорится, что от восстановления Иерусалима до появления Мессии должно пройти «семь седмин и шестьдесят две седмины» (Дан 9:25). Правда, срок этот можно отсчитывать от разных событий, и пророчества Даниила трактуются разными толкователями очень по-разному, но издавна существовало и такое понимание: между восстановлением Храма после вавилонского плена и явлением Христа народу прошло шестьдесят девять седмин, или 483 года.

Впрочем, важнее всего тут не детали, а скорее общий смысл множества мест Ветхого Завета, говорящих о страданиях и конечной победе праведника, и о пасхальной жертве, кровь которой спасает людей – ведь именно накануне Пасхи был распят Иисус. И у любого человека, как у тех самых путников из Евангелия от Луки, остается свобода принять или отвергнуть эту победу, заметить Христа или торопливо пройти мимо.

«Ты – Христос, Сын Бога Живого!»

Обратим внимание и на то, как в Евангелии люди узнают в Иисусе долгожданного Мессию, Христа. «Иисус спрашивал учеников Своих: за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого? Они сказали: одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию, или за одного из пророков. Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня? Симон же Петр, отвечая, сказал: Ты – Христос, Сын Бога Живаго. Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах» (Мф 16:13–17).

Иисус не провозглашает себя Мессией – Он задает открытый вопрос, и только после того, как Петр (другие, видимо, не смогли или не посмели это сформулировать) назвал Его полным мессианским титулом, Христос подтверждает его правоту и добавляет: человек не может сам додуматься до этого, ему эту тайну открывает Бог.

Но никак не умаляется свобода человека принять или отвергнуть эту тайну. Пророчества, как мы уже выяснили, не имеют силы математических доказательств, и каждое из них можно объяснить случайным совпадением, а то и неточным переводом... Именно поэтому многие знатоки Ветхого Завета не видят в нем Христа. Собственно, такова позиция иудаизма: часть пророчеств иудеи относят к приходу Мессии, который, с их точки зрения, еще не состоялся, а часть – к кому-то или чему-то еще. Например, 53-ю главу Исаяи, о страданиях Мессии, они прилагают к народу Израиля в целом. А мусульмане, почитая Иисуса (Ису) как великого пророка, вовсе не считают Его Сыном Божьим, да и вообще мессианские идеи чужды исламу.

Более того, в иудаизме то и дело возникали люди, которые объявляли себя мессиями. Наиболее известен Сабатай (или Шабтай) Цви, живший в XVII веке в Османской империи и в конце концов принявший под угрозой смерти ислам (но даже это не смутило наиболее рьяных его последователей). Назывались и другие имена...

Подобные идеи всегда использовались и в политической борьбе за власть, и в религиозных войнах за умы людей. Но если мы действительно знаем имя Того, Кто воцарился над всем миром, Кто принес нам исцеление от греха и смерти и Кто примиряет нас с Богом, то эти манипуляции нам не особенно важны, ведь самое главное нам уже открыто.

21. Зачем в библейские времена приносили жертвы?

Зачем Библия описывает разнообразные жертвы? В примитивном древнем язычестве, конечно, люди думали, что к божеству или духу, как к начальнику, без подарка-взятки обращаться неприлично. Но почему жертв требовал и Единый Бог, Которому и так принадлежит вся вселенная? Даже смерть Христа на кресте описывается как жертва особого рода – почему жертвам придавалось такое значение?

Жертва как необходимость

Многие, наверное, помнят странный фильм Андрея Тарковского (может быть, самый странный из всех его фильмов) – «Жертвоприношение». Живет себе обычная западная семья, довольно состоятельная, у них отличный дом в красивом месте. Правда, мальчик в этой семье почему-то не говорит – то ли он немой, то ли аутист. Да и все остальные не слишком любят и понимают друг друга. Но это вовсе не мешает им радоваться жизни, что-то праздновать в погожий летний день. И вдруг посуда на столе начинает дрожать от гула пролетающих самолетов, по телевизору граждан призывают сохранять спокойствие, и все понимают, что сбывается страшный сон тех лет: сейчас начнется ядерная война, в которой не будет ни победителей, ни уцелевших. Перед этой угрозой все теряет смысл. Но остается надежда: может быть, еще обойдется? И тогда главный герой бормочет что-то невразумительное, что даже нельзя назвать молитвой. Это просто стон человека, который мечтает, чтобы страшный сон все же остался сном, и наутро жизнь вернулась бы к своему обычному течению. Если бы это было возможно! Он засыпает... и его желание исполняется. На следующее утро мир восстановлен, никто и не вспоминает о произошедшем. И тогда герой поджигает собственный дом. Его увозят в психушку, его родные и близкие продолжают радоваться жизни. Зато его маленький сын обретает дар речи.

В этом фильме не сказано ни слова о Боге или религии. Но в нем показан древнейший смысл жертвы: человек, которому было дано всё, чего он только хотел, может отплатить только одним – отдать всё, целиком и полностью, расстаться с привычным уютом, пожертвовать своим достоинством и достатком, ничего не оставив про запас. А ведь, если задуматься, каждое наше утро подобно утру жертвоприношения из этого фильма, ведь если не ядерная война, то, по крайней мере, наша собственная смерть – недвусмысленная и ежедневная возможность. Мы живы, мы дышим, рядом с нами любимые люди – разве это не повод отблагодарить Бога?

И еще одна вещь удивительно точно показана в этом фильме. Жертва, даже на первый взгляд бессмысленная, парадоксальным образом все же преображает мир: пусть никто из родных не понял поступков главного героя, зато самый дорогой для него человек, его сын, наконец, обрел дар речи.

У ветхозаветных жертвоприношений было несколько сторон. Вот, к примеру, пасхальный агнец – барашек или козленок, которого приносили в жертву на главный в году праздник Пасхи, посвященный Исходу евреев из Египта. С одной стороны, израильтяне резали его, чтобы устроить праздничный семейный пир, на который они символически приглашают и Бога. А с другой стороны, это ведь выкуп за их собственную жизнь. В ночь той самой первой Пасхи, когда израильтяне вышли из Египта, погибли все первенцы в домах их угнетателей-египтян, от старшего сына фараона и до новорожденного ягненка в стойле. Смерть обошла только те дома, дверные косяки которых были смазаны жертвенной кровью пасхального агнца.

Их обитатели, как и герой фильма Тарковского, получили всё, что только хотели – и в ознаменование этого они приносили Богу барашка как знак благодарности за собственную жизнь. Дело, конечно, вовсе не в том, чтобы в некоей «небесной бухгалтерии» барашка засчитали как человека и потребовали от человека такой выкуп.

Дело в том, чтобы сам человек осознал свою безусловную и окончательную зависимость от воли Божьей. А жертва – верный способ ему об этом регулярно напоминать.

Жертва как пир

Религия древнего Израиля была на удивление простой. Другие народы древности, например, вавилоняне или египтяне, знали сложные ритуалы и запутанные обряды, и жрецы хранили таинства от глаз непосвященных. У израильтян же центром поклонения Богу была Скиния, то есть огромный шатер (пока они были кочевниками), или Храм – огромный каменный дом (когда перешли к оседлому образу жизни). И то, и другое было символическим местом обитания Бога среди Его народа. И в благодарность за все, что Он давал им, они отдавали Ему то, чем обладали сами – строили Ему жилище из самых лучших материалов, приносили лучшее мясо, хлеб, вино и масло. Ничего особенного, таинственного или непонятного: в святилище было всё то же, что и в обычном доме, только несравненно больше, роскошнее, обильнее. Два раза в сутки, утром и вечером, на жертвенник отправлялся годовалый барашек, словно израильтяне приглашали Господа к собственной трапезе.

Впрочем, это не совсем так: приглашающей стороной были не люди, а сам Господь. Ведь это Он дал Моисею подробные указания: что, как и когда можно приносить в жертву. В отношениях Бога и человека все определяет Бог, а не человек, которому только кажется, что своими ритуальными действиями он побуждает Его оказать необходимую помощь. На самом деле Бог изначально подает человеку все, что ему действительно нужно, а человек может только выражать свою благодарность, жертвуя Богу первые и лучшие плоды.

Этот принцип строго выдерживается в Ветхом Завете. Богу принадлежат первенцы от всякого чистого скота, Ему же приносятся первые плоды нового урожая. Даже мальчики-первенцы считались принадлежащими Ему, и родители выкупали их, принося в храм определенную плату.

Впрочем, человек мог совершить жертвоприношение и по собственной воле. В благодарность за какое-то особое событие в своей жизни, или просто для того, чтобы выразить свою преданность Богу, он мог принести жертву всесожжения – когда животное сжигалось на жертвеннике полностью, без остатка. Конечно, всякий раз сжигать все, что у тебя есть, как в фильме Тарковского, было бы довольно глупо, но лучший (обязательно лучший!) баран из стада символизировал: человек предает в руки Бога себя самого и все, чем он владеет на земле.

Другой вид добровольной жертвы – мирная жертва (это не совсем удачный термин, в новых переводах встречается другой: пиршественная жертва). По сути дела, это совместный пир, когда некоторая часть жертвенного животного сжигалась как «доля Бога», а остальное мясо шло на угощение всех собравшихся. Ведь из того, что приносилось в скинию или храм, далеко не все уничтожалось на жертвеннике: что-то шло на пропитание священников, у которых не было иного дохода, а часть мяса (в случае пиршественной жертвы) возвращалась жертвователю, но и она считалась священной – ее нельзя было выбрасывать или отдавать «нечистому» человеку (например, язычнику).

Совместная трапеза у всех народов древности означала заключение своего рода союза. Мне довелось слышать историю времен установления советской власти в Средней Азии: однажды русская учительница заблудилась и случайно вышла к лагерю басмачей. Она была за советы, таких басмачи не щадили. И женщина, чтобы спастись, приняла единственно верное решение: просто тихонько подошла и присела к ближайшему костру. Какой-то незнакомый бородач протянул ей кусок лепешки, и с этого момента она стала неприкосновенна – ведь эти люди преломили с ней хлеб.

Точно так же заключался в свое время и договор, Завет, между Богом и людьми – совершалось жертвоприношение, и кровью жертвенных животных окроплялся и алтарь

Господа, и весь стоявший перед ним народ. Они становились как бы сотрапезниками, и забыть об этом – означало совершить предательство.

Жертва за грех

Но был и другой важный аспект ветхозаветных жертвоприношений. И прежде, чем перейти к нему, вспомним еще об одном недоумении, которое часто возникает у современных людей. Ну, хорошо, говорят они, преданность Богу – это всё замечательно, но в чем виновато несчастное животное? Зачем его резать? Не лучше ли, как делают индуисты и буддисты, приносить своим божествам фрукты и цветы? Неужели нужно было обязательно проливать кровь?

Да, было нужно. Как сказано выше, в жертву приносили и первые плоды, и муку, и масло, но главной жертвой всегда оставался непорочный (без малейшего изъяна) барашек, козленок или целый бык. История о Каине и Авеле показывает, что так пожелал сам Господь: он принял кровавую жертву от Авеля, но отверг плодовое приношение Каина.

Дело в том, что всякий человек грешен, и жертва призвана преодолеть пропасть между греховным человеком и святым Богом. Пока Адам и Ева находились в раю, у них не было нужды в жертвоприношениях – они общались с Богом напрямую. Но после изгнания из рая все стало иначе. Даже сама Скиния, сам Храм – материальный символ божественной святости на земле – нуждались в ежегодных очищениях. И весь народ участвовал в ежегодном скорбном торжестве, Дне Умилостивления, когда приносились жертвы за грехи всего народа, и козел отпущения (которого вовсе ни в чем не обвиняли и ни за что не наказывали, а просто прогоняли в пустыню) словно бы уносил прочь эти грехи. Но главным средством очищения от греха становилась кровавая жертва. Иудеи до сих пор отмечают этот день под названием Йом Киппур.

Были и особые случаи, когда от отдельных людей требовалось принести жертву повинности или жертву за грех – если они преступили заповеди или просто оказались ритуально нечистыми, только такая жертва могла вернуть им состояние чистоты. Почему?

Смерть – наказание за грех. Или его естественное следствие – кому как привычнее это называть. Еще в Эдемском саду Адаму и Еве было сказано, что нарушение заповеди станет причиной их смерти (до этого они не должны были умирать). И жертвенное животное становилось своего рода выкупом, заменой. Перед тем, как его закалывали, человек возлагал на него руки и тем самым как бы говорил: «Я достоин смерти за свои грехи и признаю это, я не могу приблизиться к Тебе, но, Господи, вместо своей крови я приношу кровь этого барашка и прошу у Тебя прощения». Вот почему искупительная жертва обязательно должна была быть кровавой.

Израильтяне вообще считали кровь носителем жизни (собственно, так оно и есть) и потому почитали священной. Никакую кровь нельзя было употреблять в пищу, ее следовало обязательно выливать на землю. Что же до страданий невинных животных, то в те времена таким вопросом просто не задавались. Ели мясо, делали из шкур и кожи одежду и предметы быта и не задумывались о философии вегетарианства. Собственно, большинство людей и сейчас живут так.

Жертвоприношение сына

Некоторые страницы Ветхого Завета останутся для нас непонятными, если вырвать их из контекста религиозных представлений других древних народов. Зачем, например, Господь потребовал от Авраама принести в жертву его единственного сына, Исаака (об этом рассказывает 22-я глава Бытия)? Да, конечно, это было всего лишь испытание, Господь остановил занесенную руку Авраама, но все равно – зачем?

Человеческие жертвоприношения были хорошо известны в древности. Чтобы получить от богов что-то особо ценное и нужное, им следовало отдать самое дорогое – а что может быть дороже человеческой жизни? Практически все язычники время от

времени резали на алтарях пленников или рабов, а некоторые (например, инки) посылали на заклание знатных и красивых юношей, которые шли на смерть добровольно, окруженные почетом. Наконец, самая дорогая жертва – это собственные дети, особенно мальчики-первенцы, которые должны унаследовать имя и титул отца. Религия ханаанеев и других народов, населявших Палестину до израильтян, одобряла такие жертвы (это к вопросу о том, за какие именно грехи Бог впоследствии обрек эти народы на полное уничтожение).

Возможно, рассказ об Арвааме и Исааке был призван объяснить, почему израильтяне категорически отказались от такой практики. Дело вовсе не в том, что они были слишком изнежены или недостаточно уважали своего Бога, нет, их праотец Авраам был готов и к такой жертве – Бог Сам отверг ее.

Есть, впрочем, в Библии еще один рассказ – о неосторожном судье (т.е. правителе) Иеффае, который в благодарность за дарованную Богом победу над врагами обещал принести Ему в жертву первое, что только выйдет из ворот его дома. Первой навстречу отцу выбежала радостная дочь... Иеффай исполнил свой обет, хотя мог этого и не делать. Что ж, во все времена были люди, слишком буквально следовавшие собственной религии.

Библия тем самым показывает нам: единственный сын и в самом деле – наивысшая из всех возможных жертв, но от человека она не требуется. Новый Завет рассказывает нам о том, как подобная жертва была принесена ради спасения людей самим Богом, и об этом – следующая глава.

22. Почему смерть Христа – это жертва?

У разных религий много общего. Все они говорят о вечной жизни после смерти, все о на откровениях свыше, везде мы встретим жертвоприношения, которые должны примирить человека с высшими силами и загладить его проступки. Но только христианская вера говорит о принесении в жертву Божьего Сына. И это вызывает множество вопросов: кто принес такую жертву, кому, для чего? Неужели невозможно было без нее обойтись?

Жизнь как жертва

В Гефсиманском саду накануне распятия Христос долго молился Отцу: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты» (Мф 26:39). Нигде больше в Евангелии Он не произносил подобных слов, исполнение воли Отца было для Него радостным и легким. Но здесь... Долгая, болезненная, позорная казнь – самая жуткая из всех, какие только существовали в то время и в том месте. Сын Божий идет на нее добровольно, мы говорим, что это сделано ради спасения нас, людей. Но неизбежно возникает тут вопрос: неужели нельзя было как-то иначе? Сам Христос желал, чтобы это было возможно!

Ветхозаветные пророки пытались вернуть человечество к Богу иначе: они его уговаривали, всё ему объясняли и даже сурово грозили. Иногда это помогало... на некоторое время. Но ничего не менялось радикально, и тогда на землю пришел не просто еще один пророк, но Сын Божий. Он родился в этом мире как абсолютно невинный и праведный Человек и ни разу не воспользовался божественным всемогуществом, чтобы защитить Самого Себя. Чем могла закончиться такая история?

А что будет, если надутый воздухом мяч погрузить в воду? Вода вытолкнет его наружу. Точно так же и мир, переполненный злом, выталкивает из себя совершенное Добро. Уже царь Ирод, услышав, что родился новый Царь, собирается убить всех младенцев в Вифлееме, чтобы гарантированно Его уничтожить. Это настолько важная для него цель, что он не останавливается ни перед чем – и страдают, что характерно, совершенно невинные люди. Тоже своего рода жертвы.

Пришедший в мир Мессия мог пойти двумя путями: взять власть силой, заставить людей подчиниться Ему (это и предлагал Ему сатана во время искушений в пустыне) или сохранить свободную волю людей, явить им путь любви и добра – но и заплатить за это собственным покоем, благополучием, а в конце концов и жизнью. Избежать Голгофы Христос мог, только если бы навсегда отказался от своей миссии, и в Гефсиманском саду Он это понимал.

Всё это заставляет нас говорить о подвиге и о жертве применительно не только к распятию, но и ко всей земной жизни Христа. В православном богословии есть рассуждения не только о кресте как о жертве, но и о том, что Христос стал человеком, чтобы приобщить людей к Богу и, в конце концов, сделать их богами – это называется словом «обожение». До тех пор во всех религиях боги лишь учили людей, как им жить. Если иногда они даже и принимали человеческое обличие, то уж никогда не разделяли с людьми их бед и страданий. Пропасть между миром блаженных небожителей и смертных людей оставалась непреодолимой. А Христос не просто рассказал нам, как следует жить – он прожил жизнь, которой мы можем подражать, если пожелаем. И так открыл для нас дорогу на небо.

В конце концов, любые земные слова и понятия, в том числе и слово «жертва», лишь отчасти выражают ту высшую, предельную реальность, с которой мы встречаемся в Евангелии. Если мы употребляем это слово – «жертва», это вовсе не значит, что Христос был жертвой в том узком и непосредственном смысле, в каком был ей барашек, зарезанный на Пасху. Нет, повтор слова указывает лишь на глубинное родство этих двух

событий, пасхального пира и Голгофы. И в том, и в другом случае речь идет о восстановлении нарушенной связи между Богом и человеком. Но все-таки слово «жертва» используется в Новом Завете постоянно – почему именно оно?

Крест как искупление

Те, кто думают, что самое главное в Новом Завете – учение Христа или его нравственный пример, ошибаются. Вовсе нет! Значительная часть того, чему Он учил, уже так или иначе прозвучала в Ветхом Завете. И хотя в Евангелии все это изложено более ясно и связно, уникальность Благой вести вовсе не в проповедях и притчах. В конце концов, другие духовные учителя человечества тоже оставили множество прекрасных наставлений и изречений. Если бы все соблюдали хотя бы сотую их часть, жить на Земле было бы намного лучше и проще.

Неповторим в Евангелии Сам Христос – воплощенный Сын Божий, и, прежде всего – Его смерть и воскресение. Это понимал и Иоанн Креститель, когда, обращаясь к своим ученикам, сказал о Нем: «Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира». Мог бы сказать: вот великий праведник, пророк и учитель, и был бы совершенно прав, но он с самого начала предупредил о самом главном. Агнец – это жертвенный барашек, который приносился Богу во искупление человеческих грехов, и слова Крестителя просто невозможно понять в каком-то другом смысле.

Смерть Христа на Голгофе описывается Евангелистами как пасхальное жертвоприношение, вплоть до мельчайших деталей, и это не случайно. Что же это была за жертва? Кровь животного проливалась в Ветхом Завете во искупление грехов одного человека, группы людей, пусть даже целого народа, но все равно это было очищение *временное и частичное*. Полностью смыть грехи всего человечества, все, какие только совершались и еще совершатся, могла только совершенная жертва, кровь единственного Безгрешного – Сына Божиего. И тогда уже неважно, велик или мал этот грех, ведь дело уже совсем не в нем, а в совершенной и безгрешной жертве. Когда знаменатель дроби стремится к нулю, ее значение стремится к бесконечности; так и здесь «ноль греха в знаменателе» дает бесконечное, полное прощение.

Христиане говорят: Он принес Себя в жертву за грехи всех людей. И это сразу вызывает множество вопросов. Во-первых, кому принес? Отцу? Но разве Отцу приятна мучительная гибель Сына? Конечно же, нет. Еще Аврааму Он объяснил, что человеческие жертвы Ему не нужны. Так может быть, говорят некоторые, это выкуп сатане за наши души? Но Бог не должен платить выкуп сатане.

А есть ли вообще ответ на этот вопрос? Представим себе солдата, который остался прикрывать отход своего отряда и погиб – так и Христос принял на себя предназначенный для всех нас удар зла. Или представим врача, работавшего в эпидемию в самой гуще больных, зная, что и сам заразится – ведь и Христос принял на себя смертельные последствия эпидемии греха, поразившей человечество. Солдат и врач пожертвовали собой ради спасения других людей – но будет ли осмыслен вопрос, кому именно они принесли эту жертву? По-видимому, нет. Жертва бывает нужна, чтобы радикально изменить положение дел, но совершенно не обязательно понимать ее как некий «выкуп», который дается кому-то конкретно. Солдат сражался, врач лечил – они до конца боролись со злом, а не отдавали себя ему в руки.

Но нужна ли была такая жертва? Разве Бог не мог простить каждого человека просто так? Разумеется, мог, ведь Он всеблаг и всемогущ. Но что это было бы за прощение? Попустительство, амнистия всем подряд – и тем, кто раскаялся, и тем, кто задумывает новые преступления. Грех – это действительно серьезно. Это как горная лавина, вызванная неосторожно брошенным камнем. Христос принял эту лавину на Себя, закрыл от нее человека. Он не пожелал просто взять и отменить лавину, сделать недействительной причинно-следственную связь. Ведь Христос ничего не предпринимал специально, чтобы взойти на крест – но мир, поработенный греху, сам привел Его ко

кресту. Подлинное, настоящее добро в падшем мире не может привести никуда, кроме Голгофы, но отныне всякий всходящий на нее видит, что он там не один – Христос пришел туда первым и взял все самое тяжелое и страшное на Себя.

Мы по опыту воспитания детей знаем, что если закрывать глаза на любые их проступки, они вырастут бесконечно избалованными. Им нужно ставить некоторые пределы, объяснять, что на свете есть понятия «надо» и «нельзя». Прощать за проступки нужно и можно, но только тогда, когда ребенок сам понимает, что поступил плохо. А что можно сказать о взрослых? Если Бог просто будет списывать каждому из нас любые грехи, нам останется только наслаждаться жизнью и ни о чем не думать... Впрочем, и наслаждаться особенно не получится – жизнь, в которой не будет никакой сдерживающей силы для греха, довольно быстро превратится в настоящий ад. Есть в русском языке такое слово «беспредел», оно как раз об этом.

Такой сдерживающей силой, пределом для греха в Ветхом Завете был прежде всего Закон, важная часть которого как раз регулировала разнообразные жертвоприношения. С их помощью человек просил об искуплении грехов, чтобы восстановить общение с Богом. Естественно, все эти жертвы были временными и относительными – своего рода тень, прообраз будущего искупления, которое Христос совершил на Голгофе, пролив свою кровь за грехи каждого из нас.

При этом надо понимать, что слова «жертва» и «искупление» тут не технические термины, которые с безукоризненной точностью описывают суть произошедшего, но скорее самые близкие к этой сути слова нашего языка, с помощью которых мы приближаемся к пониманию этой Тайны. Только приближаемся! Впрочем, отбросить их тоже никак не получится, потому что они не раз повторяются в самом Новом Завете, и не случайно суть произошедшего на Голгофе описывается именно этими словами. Но слова и суть событий – все же не одно и то же.

И поэтому богословские споры о характере этой жертвы: кто принес, кому принес, зачем принес – отдают некоторой схоластикой, искусственным манипулированием словесными формулировками. Трудно представить себе, что ученики, стоявшие у подножья креста, или, тем более, сам Спаситель, отвечали бы на эти вопросы... Тут важнее благоговейное соучастие в таинстве, чем его словесное определение. Впрочем, если нужны формулировки, можно предложить такой ответ: Бог и человек Иисус Христос принес Самого Себя в жертву Отцу за каждого человека, в том числе и за нас с вами. От нас теперь зависит – принять или отвергнуть спасительные плоды этой Жертвы.

Жертва как Новый Завет

Не случайно с крестной смертью связано главное таинство христианства – Евхаристия. Накануне распятия Христос собрал учеников на Тайную вечерю и за трапезой заключил с ними, а через них и со всем человечеством, Новый Завет. Так соединились два главных смысла жертвоприношения: совместное пиршество Бога с людьми и искупление человеческих грехов. Сегодня всякий раз, когда христиане совершают Евхаристию, они приносят бескровную жертву, присоединяясь к тому, что происходило две тысячи лет назад за пасхальным столом в Палестине.

«Кровь Его на нас и на детях наших», – кричала обезумевшая толпа во дворе Понтия Пилата. Эти слова обычно понимают как свидетельство об ответственности, но можно увидеть в них кое-что другое, чего не имели в виду сами крикуны: народ окропила кровь Нового Завета! Точно так же, как Моисей при заключении Ветхого Завета кропил народ кровью жертвенного агнца (барашка), так и теперь кровь Агнца, берущего на себя грехи всего мира – Христа – окропила всех, кто стоял на этой площади, и вообще всех людей в этом мире.

Ветхозаветные жертвы, временные и частичные, постепенно готовили израильский народ, а через него и все человечество к этой удивительной тайне, заранее раскрывая ее смысл, предвещая неизбежность Креста и непобедимую силу Воскресения. И уже одно

это придает им больше смысла, чем всем другим обрядам и таинствам всех религий и духовных традиций, какими бы прекрасными они нам ни казались.

И вот, наконец, эти события состоялись: воплощение, служение, распятие и воскресение Христа. Они показали нам, насколько серьезен и отвратителен человеческий грех, но не это главное. Они явили нам, до какой степени мы дороги Богу и до какой степени Он готов смириться и разделить нашу земную участь, чтобы вернуть нас к Себе. Наконец, они восстановили разорванную связь и открыли для каждого из нас возможность войти в новое соглашение человечества с Богом, называемое простыми словами «Новый Завет». Отныне принадлежность к народу Божию определяется не происхождением, а только готовностью принять на себя это звание, увидеть во Христе своего Спасителя, начать жить по Его заповедям, стать частью Его Церкви, где постоянно совершается Евхаристия – символическое повторение Тайной Вечери накануне распятия. И не случайно она тоже называется «бескровной жертвой» – ведь теперь множество жертвенных животных заменены воспоминанием о том, что раз и навсегда свершилось на Голгофе.

Слово «жертва», как и любое слово, недостаточно полно и точно выражает суть всего этого – но оно, пожалуй, выражает ее лучше, чем какое бы то ни было другое слово.

23. Почему в Библии такое значение придается именам?

«И дали ему такое-то имя, ибо...»; «недаром имя его таково...» – в Библии мы то и дело встречаемся с подобными выражениями. Но неужели имя действительно определяет судьбу человека? А что означают переименования, которые тоже встречаются в библейских рассказах?

Мир, полный имен

Когда у нас родилась вторая дочь, мы долго думали, как ее назвать. Некоторые имена явно не подходили к ее сморщенному младенческому личику, некоторые не нравились нам. Наконец, мы остановились на имени Дарья. «Ура! – закричала ее четырехлетняя сестра, – ей можно будет подарки дарить!» Такой подход к наречению имени может показаться нам смешным и наивным, но когда-то люди считали его самым правильным. Именно так относились к именам библейские авторы.

С древности и до наших дней люди спорят, что такое имена вещей: случайно наклеенные ярлыки или отражение их таинственной сущности. Сегодня чаще дают первый ответ, но в древности более естественно звучит второй. Вот как начинается аккадская поэма о сотворении мира «Энума Элиш» (конец II тысячелетия до н.э.):

Когда вверху не названо небо,
А суша внизу была безымянна,
Апсу первородный всесотворитель,
праматерь Тиамат, что все породила,
Воды свои воедино мешали.
Тростниковых загонов тогда еще не было,
Тростниковых зарослей видно не было.
Когда из богов никого еще не было,
Ничто не названо, судьбой не отмечено,
Тогда в недрах зародились боги,
Явились Лахму и Лахаму и именем названы были.

Иными словами, пока элементы мира не названы, мир еще и не сотворен. Вызвать из небытия – только половина дела, вторая половина – «дать имя». Примерно так и описывает это Библия: «И сказал Бог: Да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью» (Быт 1:3–5).

В библейском рассказе о сотворении мира наречение имени служит последним штрихом, которым Творец завершает Свое творение. С момента сотворения человека он тоже включается в этот процесс: «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей» (Быт 2:19). Творец в определенном смысле слова уступает здесь человеку Свое право нарекать имя, приобщая его тем самым Своему творчеству и Своей власти над сотворенным миром.

Кстати, в последующие века люди немало спорили над толкованием этого места: по своему ли выбору Адам давал каждому животному имя, или же он угадывал то имя, которое изначально было ему присуще? По сути, это вопрос о природе языка, об употреблении имен и слов: они произвольны или же отражают некие объективные качества называемых предметов? Сегодня мы более склоняемся к первой точке зрения, но в древние времена популярнее была вторая. И в любом случае в книге Бытия мы видим, что наречение имени вовсе не случайный акт – оно, по сути, завершает творение, устанавливая или подтверждая свою власть над сотворенным миром.

Не случайно и Христос дает в один из самых важных моментов Своему апостолу новое имя: «Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф 16:18). Природное имя этого человека было Симон, но Христос

отныне называет его «камнем» (по-гречески таково значение имени *Петр*), и под этим именем он известен и нам. Это уже не простой рыбак с именем Симон, а великий апостол... Примерно по тем же причинам новое имя дается и сегодня при монашеском постриге: тот же самый человек начинает новую жизнь, поставляется на особое служение.

Что означает имя?

Но что означают имена? Многие из них обладают ясным и недвусмысленным значением. Например, *Тамара* (в русском переводе – *Фамарь*) – это финиковая пальма, замечательное растение, которое давало людям и изысканную пищу, и строительный материал. Но далеко не всегда смысл имени раскрывается так просто, причем это касается не только Библии, но и многих других древних текстов. Например, главного героя шумеро-аккадского эпоса аккадцы называли *Гильгамеш* (так вошло и в русский язык), но шумеры произносили его имя как *Бильгамес*. Истолковать его, казалось бы нетрудно: *бильга* означает «предок» или «старик», а *мес* – «герой» или «юноша». Может быть, это «предок-герой»? Вполне вероятно. Или «старик-юноша»? Тоже возможно, ведь покровителем Гильгамеша выступало солнечное божество Уту, а о солнце можно сказать, что оно каждый день рождается и умирает. А к этому можно добавить, что вообще-то слово *мес* означало определенную породу деревьев, а слово *бильга* – можно перевести как «ветвь, побег». Тогда у нас получится «ветвь дерева мес».

Кстати, и имя самого первого человека, Адама получает в книге Бытия своеобразное двойственное объяснение. Собственно, *адам* и значит «человек», и это слово связывается со словом *адама*, «почва, земля». Книга Бытия говорит: «...всякий полевой кустарник, которого еще не было на земле, и всякую полевую траву, которая еще не росла, ибо Господь Бог не посылал дождя на землю, и не было человека (*адам*) для возделывания земли (*адама*), но пар поднимался с земли и орошал все лицо земли. И создал Господь Бог человека (*адам*) из праха земного (*афар-хаадама*)...» (2:5–7). Таким образом, почва, земля оказывается не только материалом, из которого создается человек, но и, напротив, точкой приложения его творческих усилий. Землю можно считать здесь образом нашего материального мира: с одной стороны, человек создан Богом из его элементов, а с другой – без человека созданный Богом мир не сможет полноценно плодоносить.

Часто имя состояло не из одного слова, а из целой фразы. Если разделить на слоги имя *Ми-ха-ил*, у нас получится древнееврейский вопрос «кто как Бог?». Все семитские народы, кстати, любили имена, оканчивающиеся на *-ил* или *-эль*, что означает «Бог». Например, *Гавриил* – это «мощь Божья». Могли слова идти и в другом порядке: *Елиезер* (он же по-гречески *Лазарь*) – «Бог помог»; именно так, кстати, звали безвестного нищего из притчи о нищем и богаче (Лк 16:19–31), а еще друга Иисуса, которого Он воскресил накануне Собственной смерти (Ин 11). Очень значимое имя!

А есть ли имя у Самого Бога? В книге Исход Моисей спрашивает Его об этом и получает такой ответ: «Я есмь Сущий. И сказал: так скажи сынам Израилевым: Сущий послал меня к вам» (Исх 3:14). Слово «Сущий» появилось еще в древнегреческом переводе (Септуагинте), но еврейский текст можно понять скорее так: «Я есть Тот, Кто Я есть». Бог не называет никакого имени, Он лишь утверждает Свое существование, более того – свое присутствие в жизни Моисея. Я есть и Я с тобой, – говорит Он, – и этого достаточно. Действительно, имя нужно нам, чтобы выделить одного человека из толпы других, но Единый Бог не нуждается в таком выделении.

Тем не менее, древние евреи обращались к Богу в том числе и по имени, уже хотя бы потому, что другие народы давали своим божествам имена, и говорить о «боге вообще» было невозможно. Это имя, берущее свое начало как раз от процитированного отрывка из Исхода, звучало очень похоже на выражение «Я Есть», хотя мы сегодня точно не знаем, как именно его произносили; самая распространенная реконструкция звучит как *Яхве* или *Ягве*. Дело в том, что имя Божие все же было слишком священным, чтобы употреблять его в повседневной жизни, и его стали заменять словом *адонай*, т.е. «мой

Господин, Господь» – из еврейского эта традиция перешла и во многие языки мира, включая русский.

Иногда это имя произносят как *Иегова*, но это, на самом деле, полное недоразумение. В этом слове соединились согласные *ЙГВ* от имени *Яхве* и гласные *ЭОА* от слова *адонай* (только первая из них читается иначе). Это связано с тем, что изначально древнееврейский текст Библии записывался почти одними согласными. Значки для гласных были добавлены только в раннем Средневековье, и евреи, не желая произносить подлинное имя Божие и заменяя его словом *адонай*, добавили к этим согласным и соответствующие значки для гласных. То, что получилось в результате, можно было бы прочитать как *йегова*, хотя, конечно, никто никогда так это слово не читал. Поэтому можно сказать, что вероучение свидетелей Иеговы начинается с неверного прочтения того самого имени, которое они так почитают.

Имя как пророчество

Если имя понималось как отражение сущности человека, то одновременно оно могло быть и пророчеством о его будущем. Вот как, например, получил свое имя один из патриархов, Иаков. Он был одним из двоих близнецов, причем из чрева матери он вышел, держась за пятку своего брата. Имя *Иаков* (на древнееврейском *Йааков*) созвучно слову *йеакав* – «заставил споткнуться», буквально «упяточил». Казалось бы, это совершенно внешняя, не имеющая значения деталь... Но дальше в Библии описывается, как Иаков стал первенцем вместо своего брата, Исава. И тогда «сказал Исав: «Не потому ли дано ему имя: Иаков, что он запнул меня (дословно “упяточил”) уже два раза?» (Быт 27:36).

В дальнейшем этот человек получил новое имя, *Израиль*, и это имя стало названием произошедшего от него народа. Его лингвистическая этимология до сих пор неясна, однако в библейском тексте мы находим то, что современный ученый назовет наивной «народной этимологией». В той же книге Бытия рассказывается о борьбе Иакова с таинственным незнакомцем, который под конец поединка дает Иакову новое имя: «Отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль, ибо ты боролся с Богом» (32:28). Автор недвусмысленно связывают здесь имя Израиль (*Йисраэль*) с глаголом *сара* «бороться» (современные лингвисты с этой этимологией не согласны) и с существительным *эль*, «Бог» (а вот эта связь как раз совершенно бесспорна). Однако на самом деле говорить здесь об этимологии в современном смысле слова невозможно, потому что древние евреи и не подозревали о грядущем зарождении этимологической науки. Но для древних авторов само это случайное, казалось бы, звуковое сходство становится фактом исключительной важности.

Как первое имя описывает историю отношений Иакова с братом, так во втором в каком-то смысле сокрыта история его отношений с Богом, замысел Которого Иаков постоянно стремился «подправить». Он, присвоив себе первородство и отцовское благословение, бежал далеко от дома, и в результате добился-таки того, чего хотел... Позднее пророк Осия скажет об Иакове-Израиле, имея в виду оба его имени: «Еще во чреве матери запинал он брата своего, а возмужав, боролся с Богом» (12:3).

Но само по себе совпадение звуков еще ни о чем не говорит, должна совпасть и внутренняя суть событий. В Ветхом Завете мы читаем пророчество Исаяи о грядущем рождении чудесного младенца: «Дева... родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил» (7:14). Но в Новом Завете евангелист Матфей так передает весть, которую ангел возвести Иосифу: «...родит Сына, и наречешь Ему имя Иисус, ибо Он спасет людей Своих от грехов их» (1:21) – и тут же он цитирует Исаяю, где названо совсем другое имя! Евангелист не находил ничего странного в том, что не совпадает звучание имен, ведь совпадает их смысл: *Еммануил* (по-древнееврейски *имману-эль*) переводится как «с нами Бог», а Иисус (*Йехошуа* или просто *Йешуа*) означает «Господь спасает». Эти имена гармонично дополняют друг друга и рассказывают людям о том, что за Младенец приходит под этими именами в мир.

Имя как насмешка?

Итак, имя, с точки зрения Библии, говорит нечто важное о будущем человека, но о точном смысле пророчества он и сам порой не догадывается. В книге Судей мы читаем историю тучного моавитского властителя по имени *Еглон*, которое происходит от слова *эгель*, «телец». Моавитский язык был очень близок к еврейскому (собственно, их можно считать двумя диалектами одного языка), так что значение этого имени понималось одинаково и моавитянами, и евреями, но очень по-разному могло выглядеть его конкретное наполнение. Телец – символ мощи и величия, и царю такое имя подходит как нельзя лучше. Но, с другой стороны, раскормленный телец может быть заколот, что на самом деле и происходит, когда к Еглону приходит израильтянин Аод.

Не случайно текст так подробно описывает «технологию» заклания: «Аод вошел к нему: он сидел в прохладной горнице, которая была у него отдельно. И сказал Аод: У меня есть до тебя слово Божие. Он встал со стула, Аод простер левую руку свою и взял меч с правого бедра своего и вонзил его в чрево его, так что вошла за острием и рукоять, и тук закрыл острие, ибо Аод не вынул меча из чрева его, и он прошел в задние части» (3:20–22). Действительно, «слово Божие» в данном случае и состояло в том, что имя *Телец* получило теперь совершенно новое толкование!

Переименование может выражать и насмешку. Во многих местах Ветхого Завета мы читаем о языческом божестве по имени *Веельзевул* (на древнееврейском *Баал-зевув*, то есть «властелин мух»). По-видимому, это – презрительное прозвище, данное библейским автором предмету поклонения язычников. Сами язычники, вероятно, вместо слова *зевув* («муха») употребляли близкое по звучанию слово *зевул*, означающее «высокое жилище». Действительно, божество куда приличнее называть «владельцем небесного дворца», чем «повелителем мух»! Но для евреев было важно развенчать это божество, и перемена имени оказывалась тут действенным способом.

Слова не бывают случайными – подсказывает нам Библия, – и в особенности это касается имен. У них, конечно же, нет какой-то магической силы, которая могла бы определять судьбу их носителей. Но они могут служить своего рода знаками, помогающими нам разобраться в самой сути вещей.

24. Зачем в Библии столько родословий?

В самом начале Евангелия от Матфея приведены длинные и для многих непонятные, «скучные» списки земных предков Иисуса Христа. Причем об одних почему-то сказано подробно, а другие только названы по имени. Тот же список с небольшими отличиями повторяется у евангелиста Луки... Но могут ли эти перечни имен давно умерших людей быть интересны современному читателю Евангелия? Имеет ли родословие Христа какое-то значение в наши дни, и если да, то какое?

Земные корни

Однажды мне довелось говорить с одной женщиной, которая решила почитать Новый Завет. Естественно, она открыла его на первой странице первой книги – Евангелия от Матфея. И начала читать: «Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова. Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его; Иуда родил Фареса и Зару от Фамари...» Углубившись в этот перечень, она... закрыла Новый Завет и больше не хотела его открывать. Прежде всего, она обиделась на то, что, по ее мнению, в этом тексте мужчины рожали друг друга – совершенная сказка, к тому же обидная для женщин, ведь в этом родословии среди мужских имен нам встречаются всего четыре женских.

Конечно, «виновата» тут некоторая двусмысленность Синодального перевода: можно было бы сказать точнее: «Авраам стал отцом Исаака». Но и с таким уточнением родословие кажется ненужным, скучным списком, который хочется скорее пролистать, чтобы перейти к более существенным вещам. Тем более что это родословие... Иосифа, который вовсе не был отцом Иисуса Христа! Зачем вообще оно тогда нужно?

Мы живем в совершенно ином обществе, чем Палестина I века н.э. Но даже и по сей день, и в больших современных городах можно найти людей, для которых такие списки значимы. Помню, как взял я однажды в руки башкирско-русский словарь. В качестве приложения к нему были даны списки башкирских родов и племен, совсем как в Ветхом Завете. Оказывается, для создателей словаря – интеллигентов с высшим образованием, живущих в Уфе, где давно перемешались все роды и племена, а на улицах говорят в основном по-русски, – было исключительно важно помнить, кто из них к какому роду принадлежит (это определяется по фамилии) и с какими другими родами его предки находились в близком родстве, а с какими – в дальнем.

Сегодня, конечно, в Евангелии нас интересуют прежде всего жизнь, смерть и воскресение Иисуса Христа, Его учение, проповеди и притчи. Но для еврея I века первым вопросом, который он задал бы о Христе, был бы вопрос о Его происхождении, о Его месте в социальной структуре общества. Именно поэтому апостол Матфей, писавший в основном для евреев, и начинает с самого для них существенного – с родословия. Впрочем, и евангелист Лука тоже приводит список предков Иисуса Христа, но несколько позднее, как вставку, в конце третьей главы, где описывается выход Иисуса на общественное служение. Он ведь ориентировался не на евреев в первую очередь, для его аудитории это было уже не так важно.

Род велся по отцу, а Иосиф, хоть и не был биологическим отцом Иисуса, был Его отцом по Закону или, как мы сказали бы сегодня, *социальным*, то есть воспринимался как отец всеми окружающими. Биологическое отцовство вообще тогда было не безусловным критерием принадлежности определенному роду и семье. В Библии мы читаем об обычае *левиратного брака*: по смерти старшего брата младший должен был жениться на его вдове, причем сын, родившийся от этого брака, считался потомком умершего, хотя все помнили, кто его биологический отец. В родословии Христа тоже есть такой пример: от левиратного брака Вооза и Руфи – после смерти ее первого мужа – родился Овид. Но в Ветхом Завете о Воозе сказано подробно, а вот первый муж Руфи ничем не известен,

поэтому в евангельском родословии и упомянут Вооз. Возможно, такими же левиратными браками объясняются и небольшие расхождения между двумя родословиями, у Матфея и Луки: один упоминает биологического, а другой – социального отца.

Впрочем, могут быть и другие объяснения (подробнее о таких вещах говорится в 7-й главе). В любом случае, все главные моменты полностью совпадают. А вот женщин, вообще говоря, в списке предков упоминать было не обязательно, так что появление женских имен в родословии (а их в списке всего четыре – Фамарь, Раав или Рахава, Руфь и Вирсавия) не случайно. Автор наверняка хотел привлечь наше внимание на библейскую историю, связанную с каждым. Об этих женщинах подробно написано в Ветхом Завете, и вовсе не потому, что были какими-то особо благочестивыми. Наоборот, с каждой из них связана своя скандальная история.

Фамарь все подстроила так, чтобы забеременеть от своего свекра Иуды, когда он отказался исполнить обычай левиратного брака и выдать за нее своего сына. Раав была иерихонской блудницей, которая укрывала у себя израильских соглядатаев. Руфь была моавитянка, представительницей враждебного народа, которая, тем не менее, неукоснительно исполнила тот самый обычай левиратного брака и так устроила свой новый брак. А Вирсавия была женой Урии, верного воина царя Давида, которую Давид взял себе, отправив воина на верную гибель, и потом ему пришлось каяться в этом грехе.

Объединяет ли что-то этих женщин? Да. Их истории непротиворечивы (это еще мягко говоря), но каждая из них сохраняла жизнь своему роду, как могла – и однажды в этом роду появился Спаситель. Он не отверг ничью семейную историю, никого не считал недостойным Своего воплощения.

«...по роду своему»

Люди древнего Ближнего Востока вообще обожали списки. Самая древняя ближневосточная письменность – шумерская, и от шумеров до нас дошли в основном именно списки буквально всего на свете: от инвентаризации храмового имущества до перечня профессий, или полезных свойств того или иного предмета, или просто «сущностей» (так в некотором приближении переводится шумерское слово *me*). Каждый такой список свидетельствует о стремлении человека к упорядочению окружающего мира.

То же мы видим и в Ветхом Завете, где постоянно подчеркивается, что всё совершалось размеренно, по порядку, системно. Это касается и сотворения мира, когда солнце и луна призваны были отмерять времена и сроки, а каждое дерево приносило плод не абы какой, а именно «по роду своему». Нам все эти уточнения неинтересны, но для древнего еврея они были чрезвычайно важны. Чтобы выжить в мире, нужно его структурировать – распределить все явления по классам и обращаться с каждым, учитывая его родовые свойства. А те, что не вписываются в свой класс – например, рыба без плавников и чешуи – подозрительны, их стоит избегать. Видимо, именно на этом основываются многие пищевые ограничения Ветхого Завета, а многие случаи ритуальной нечистоты связаны с переходом человека из одного класса в другой (например, роды или смерть).

Так был сотворен и избранный народ – Израиль. Он выходил из Египта не толпой, а организованным войском, упорядоченно, в соответствии с родовой структурой общества. И на обетованной земле: люди селились на ней не хаотично, в духе Дикого Запада, а только на наделах, отведенных каждому колону (то есть племени), каждому роду внутри своего колена, каждой семье внутри своего рода.

Разумеется, это касалось и богослужения: Ветхий Завет долго, размеренно, подробно перечисляет все тонкости жертвоприношений, все сосуды и предметы, находившиеся в скинии, а затем в храме. Иногда эта подробность даже раздражает современного читателя (об этом мы поговорим и в следующей главе). Так, в книге Исход сначала Господь подробно объясняет Моисею, как обустроить скинию: «Сделай пятьдесят крючков медных, и вложи крючки в петли, и соедини покров, чтобы он составлял одно...

и сделай покрывку для покрыва из кож бараньих красных и еще покров верхний из кож синих» (Исх 26:11–14). А потом, вместо того, чтобы кратко сообщить, что всё и было выполнено в точности, автор перечисляет каждую деталь заново: «...и сделал пятьдесят медных крючков для соединения покрыва... и сделал для скинии покров из красных бараньих кож и покрывку сверху из кож синих» (Исх 36:18–19).

И уж тем более важны такие перечисления, когда речь идет об избранном народе, стоящем перед своим Богом. Вот бросают жребий священники, чтобы узнать, когда кому совершать служение... «И вышел первый жребий Асафу, для Иосифа; второй Гедалии с братьями его и сыновьями его; их было двенадцать; третий Заккуру с сыновьями его и братьями его; их – двенадцать; четвертый Ицрию с сыновьями его и братьями его; их – двенадцать; пятый Нефании...» (1 Пар 25:9–12) Всего 24 смены, и каждая введена одной и той же формулой – нет чтобы дать простой список из 24 имен, и общую характеристику для каждого из них! Но, хотя тогда у автора не было, как у меня сейчас, компьютера, на котором можно копировать один и тот же текст до бесконечности, он аккуратно переписывал важные слова. Ни одна из священнических семей не должна пропасть, их перечень нельзя сокращать, превращая живых людей в статистические единицы.

Так звучат за православным богослужением списки имен – утомительных, неизвестных нам, но для кого-то дорогих и любимых, несводимых к статистике. Может быть, не случайно в концлагерях XX века человека лишали имени прежде, чем жизни, делали его статистической единицей, чтобы убить?

«...доколе не придет Примиритель»

Некоторые из перечисленных имен мы сегодня с трудом можем вспомнить – например, «Салафииль родил Зоровавеля». Но другие имена говорят читателю о многом. По сути, здесь перед нами проходит вкратце вся история спасения до Христа, история избранного народа. Не случайно родословие у Матфея начинается не с Адама и не с Ноя (Лука позднее возведет список предков именно к ним), а с Авраама – первого человека, которого Господь избрал, чтобы заключить с ним завет, то есть союз. Этот союз возобновлялся с его сыном Исааком и внуком Иаковом – Господь отбирал кого-то одного в каждом поколении, чтобы передать ему особые благословения.

Начиная с сыновей Иакова, отбор сменился приумножением: избран был каждый из них, каждого отец благословил по-своему. И об одном из своих сыновей, Иуде он сказал загадочные слова, которые многие толкователи относят именно ко Христу, происходившему из племени Иуды: «Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет Примиритель, и Ему покорность народов» (Быт 49:10). Это пророчество всегда понималось евреями как указание на то, что Мессия придет из колена Иудина – и Евангелия подтверждают исполнение пророчества: в списке предков Христа Иуда находится на своем законном месте.

Еще одно очень значимое имя – Давид. Это не просто второй царь Израиля и основатель династии, это тот человек, про потомка которого Господь сказал: «Я буду ему отцом, и он будет Мне сыном» (2 Цар 7:14). В ближайшей исторической перспективе это было сказано о Соломоне, которому предстояло построить Иерусалимский храм. Но с древнейших времен это пророчество понималось и как указание на дальнего потомка из рода царя Давида, которому предстояло стать самым подлинным Царем Израиля, Мессией, Христом, который спасет свой народ и установит Царство Божие. Именно поэтому те, кто признавал в Иисусе Мессию, называли его «сыном Давидовым». Пророчество о том, что Христос будет прямым потомком царя-псалмопевца, было всегда очень важно для евреев, и поэтому в Евангелиях особо отмечено, что оно исполнилось.

Не случайны даже числа: четырнадцать поколений, как отмечает евангелист, прошло от Авраама до Давида, то есть от первого избранника до избранного Богом царя, и столько же еще – до вавилонского плена. Царствование Давида и плен – словно зенит и надир, высшая и низшая точка всей израильской истории. Наконец, еще четырнадцать

поколений – до самого Христа. Число это не случайно, семерка означает полный срок (число дней в неделе), а четырнадцать – удвоенная семерка. Не случайно и пророк Даниил, отсчитывая срок пришествия Мессии, считал седминами (об этом мы говорили в 20-й главе). Словом, история избранного народа исполнилась, настала «полнота времен» – именно тогда и следовало родиться Мессии.

Так что родословия приведены в Евангелии как свидетельство того, что, во-первых, Христос несомненно был исторической личностью, настоящим Человеком, а во-вторых, что все пророчества о Его происхождении исполнились буквально. Евангелисты словно бы показывают в немногих именах предков Спасителя историю страдающего, мятущегося человечества, которое все же не одиноко. Бог не оставляет его и направляет к заранее намеченной цели, к той великой Встрече, которую мы переживаем в Евангелии. Именно поэтому Православная Церковь посвящает две последних недели Рождественского поста воспоминанию земных предков Спасителя – не только знаменитых Авраама или Давида, но и всех, кто жил, страдал, надеялся и верил, что всё это не зря. Так оно и вышло, ведь история Христа – это и их история тоже.

25. Отчего так мелочен Ветхий Завет?

Открывая Библию, человек ищет в ней прежде всего великих откровений. Но если он читает Ветхий Завет, его обычно поражает обилие совершенно мелочных предписаний: ешь мясо только тех животных, у которых есть раздвоенные копыта и которые жуют при этом жвачку. К чему всё это? Неужели Богу есть дело до того, какое мясо едят люди? А к чему эти бесконечные ритуальные подробности: как Ему приносить разные жертвы? Разве это главное в религии?

Еще до Закона

Безусловно, главное в религии Ветхого Завета вовсе не это, и в самом Ветхом Завете подобные предписания тоже стоят на достаточно скромном месте. Сначала он повествует о сотворении мира, о грехопадении человека, о всемирном потопе, о праотцах израильского народа. Повеления, которые Господь давал этим людям, были предельно краткими. Например, в девятой главе рассказано, как Господь заключал Завет с Ноем после потопа (еще прежде Авраама и Моисея). Он долго и подробно говорил о Своих благословениях Ною и его потомкам, а что касается запретов, то их дано только два: на убийство человека и на вкушение мяса с кровью. И это всё! Что нельзя убивать – с этим мы все, пожалуй, согласимся, а что касается запрета на употребление крови в пищу, то он совсем не тяжел для нас, если это единственное налагаемое на человека ограничение. У него есть и объяснение: в крови как носитель жизни принадлежит только Богу.

Кстати, запрет есть кровь был подтвержден – единственный из всех ритуальных ограничений Ветхого Завета – и на Иерусалимском соборе апостолов (Деян 15:23–29), именно потому, что восходит он еще к временам до Закона. Сегодня с этим запретов возникают проблемы у христиан из числа народов Крайнего Севера, для которых свежая оленья кровь служит одним из основных продуктов питания, а порой и единственным источником витаминов в условиях зимней тундры. А вот христианам из краев с более умеренным климатом нетрудно будет воздержаться и от крови.

Далее Ветхий Завет рассказывает историю праотцев – Авраама, Исаака, Иакова. Жизнь каждого из них – это история их отношений с Богом, подчас непростых. Но в этой истории мы не видим детального Закона: абсолютная преданность Авраама Господу не требовала от него ни отдельных пищевых ограничений, ни особых ритуалов, кроме одного: ему и его потомкам Господь велел совершать обрезание. В остальном Авраам поступал так, как считал нужным (и не всегда безусловно – например, выдавал свою жену за сестру, так что ее чуть не взяли в гарем египетского царя), и Господь не ставил ему особых формальных рамок. Не видим мы детальных предписаний и в истории его потомков Исаака и Иакова.

И даже Исход израильтян из Египта совершился еще прежде дарования Закона: Господь установил только правила празднования Пасхи, которая, собственно, и была Исходом. Всё это ясно показывает относительность Закона: он вовсе не является обязательной формой отношений человека с Богом, и даже великие праведники вполне могли, оказываясь, жить без него (впоследствии об этом будет подробно рассуждать апостол Павел).

Но когда толпа беглых рабов избавилась от своих преследователей, когда она должна была стать единым народом, более того – народом Господним, когда она направилась в Землю Обетованную, Господь даровал ей Закон. В нем были Десять Заповедей и множество важнейших предписаний из области нравственности и духовной жизни, и в нем же были перечни запретной пищи, запретных поступков, множество подробностей ритуала... Зачем?

Система запретов

Одно из кратких определений понятия «культура» – система запретов. Конечно, это слишком упрощенно, но на самом деле наше воспитание начиналось с запретов: не тяни этого в рот, не лезь туда, не трогай это. Эти запреты порой казались нам непонятными и обидными: почему нельзя вместо обеда есть одни конфеты? Они же намного вкуснее супа! Почему нельзя идти вместо школы в кино? И уж совсем непонятно, почему это взрослые запрещают делить на ноль или писать букву Ы после Ж и Ш... Что им, жалко, что ли?

Конечно, наше воспитание состояло не из одних запретов, в нем было много предписаний, зачастую совершенно ритуального характера: мой руки перед едой, всегда говори «здравствуйте» и «спасибо», спрашивай разрешения, уступай место старшим. Многие из этих повседневных ритуалов совершенно формальны: говоря «извините», например, в вагоне метро, мы обычно не чувствуем за собой никакой вины. Но с помощью формальных действий мы показываем, что считаемся с окружающими. Человек, игнорирующий эти простые правила, прослышет грубияном, ему будет куда сложнее добиться расположения окружающих.

То же самое мы видим и в жизни общества. Возьмем правила дорожного движения: их польза очевидна всем, их грубое нарушение нередко приводит к смертям и увечьям. Но если рассуждать отвлеченно, то почему это проезжать можно на зеленый свет, а не на красный – что такого особенного в зеленом? Почему на пересечении равнозначных дорог надо пропускать помеху справа? Почему вообще мы ездим по правой стороне дороги, если англичане или японцы с таким же успехом ездят по левой?

Некоторые из этих правил можно отчасти объяснить. Так, красный цвет заметен лучше зеленого, поэтому он запрещающий. Большинство людей правши, так что руль в машинах лучше располагать слева, чтобы передачи переключать приходилось правой рукой. Но всё равно эти правила зависят в основном от условностей, и большинству из них невозможно найти рациональное объяснение. Если дать наши Правила человеку, который не бывал в современных городах, он только головой покачает: вот напридумывали всякой ерунды, зачем это нужно... У нас в деревне как: едешь на своей телеге, не забудь поздороваться с соседом, да смотри, чтобы кур не передавить. И никаких тебе светофоров и приоритетов.

Точно так же и с предписаниями Ветхого Завета. Запрет есть свинину можно объяснить тем, что именно свиное мясо в жарком климате быстро портится, а свиньи куда чаще овец или коров служат разносчиками опасных для человека инфекций и паразитов. Из всего, что плавает в море и реках, разрешалось есть только рыбу с плавниками и чешуей, а из всех насекомых можно есть только саранчу – она вполне безопасна, ее включают в свое меню многие народы. А среди прочих морепродуктов и насекомых есть немало ядовитых, и если люди в них не очень разбираются, проще запретить все сразу. Но все равно остается множество непонятных для нас, да и для древних людей, запретов. Почему, например, нельзя смешивать в одной ткани шерсть и лён?

Древние люди жили в ином мире, нежели наш мир, не только в том смысле, что у них не было современной техники или общественных организаций. Вместо нынешней научной картины мира у них была своя, не менее сложная, но организованная по-иному. В этом мире действовало множество своих правил, лишь отчасти объяснимых рационально. И сегодня, когда христианские проповедники приходят к племенам, живущих первобытным строем, один из первых вопросов, которые им задают, звучит так: мы приняли вашу религию, так что нам теперь можно есть, что носить, когда спать с женами, и вообще какие ограничения необходимо соблюдать? Мир – это сложная система, и чтобы выжить в нем, нужно знать все предписания запретов. Нам их дают наука (мойте руки), культура (пишите И после Ж и Ш), право (переходите на зеленый свет) или этикет (говорите «спасибо»); человек древности искал их в основном у своей религии.

Точно так же мы, впервые садясь за руль автомобиля, первым делом должны удостовериться, что рядом сидит инструктор, у которого есть своя педаль тормоза. Кто водит машину, помнит это трепетное чувство, когда впервые едешь по городу сам и опасаясь буквально всего – привычка и автоматизм приходят позже. А пока приходится напоминать себе самому о каждом мелком правиле, и как жаль, что на соседнем сиденье уже нет инструктора с его занудными замечаниями!

Что за этим стоит?

Но в чем же смысл этих правил? Просто в том, чтобы успокоить первобытного дикаря: если не будешь есть свинину и носить одежду, сотканную из шерсти и льна, и вовремя принесешь все положенные жертвы, то всё у тебя будет в порядке? Ветхозаветные пророки, кстати, нередко обличали такое магическое отношение к ритуалу: «благочестие ваше, как утренний туман и как роса, скоро исчезающая... Ибо Я милости хочу, а не жертвы, и Боговедения более, нежели всесожжений» (Ос 6:4–6).

Конечно же, во всех предписаниях Закона есть определенный смысл. Самые главные из них определяют отношения людей с Богом и друг с другом. К первой группе относятся все эти бесчисленные ритуальные правила, например: «Если же все общество Израилево согрешит по ошибке и скрыто будет дело от глаз собрания, и сделает что-нибудь против заповедей Господних, чего не надлежало делать, и будет виновно, то, когда узнан будет грех, которым они согрешили, пусть от всего общества представят они из крупного скота тельца в жертву за грех и приведут его пред скинию собрания; и возложат старейшины общества руки свои на голову тельца пред Господом и заколют тельца пред Господом...» (Лев 4:13–15, далее следуют детальные указания, как поступить с кровью и с тушей тельца).

Мы узнаем отсюда, что грех, оказывается, может совершить не только отдельный человек, но и целый народ, и что этот грех точно так же требует покаяния и прощения. Но народ должен, прежде всего, понять, в чем этот грех состоит, и пусть его старейшины, возлагая руки на голову жертвенного животного, тем самым ясно признают, что на самом деле достойны смерти они, а не телец – именно в этом состоял смысл подобного жеста. Далее описываются такие же символические детали: кровь животного приносится Господу в знак признания, что грех совершен именно против Него, а туша тельца, как бы оскверненная этим грехом, сжигается за пределами стана, в котором живут израильтяне.

Какая глубокая и насыщенная смыслами символика! Следы подобных обрядов видны и в нашей современности, когда, скажем, новоизбранный Президент возлагает руку на Конституцию и клянется «пред всем обществом» соблюдать ее положения. В древности ритуалов было меньше, но они были более насыщенными, их регламентация была более детальной. Можно ли было без этих деталей обойтись? В эпоху, когда не было средств массовой информации, разносящих любую деталь по всему свету – едва ли. Мы постоянно читаем в Ветхом Завете, как «размывалось» почитание Единого Бога, как привносились в него чуждые элементы. Единство ритуала напоминало о единстве веры, о недопустимости ситуации, когда каждый чтит Бога по-своему... или, точнее, каждый чтит собственного бога. 23-я глава 2-й книги Царств описывает, как была прочитана перед всем народом книга Закона, найденная незадолго до этого при ремонте Храме (значит, о ней просто на время забыли?) – и само это чтение привело к всенародному покаянию. Народ понял, чего ждет от него Господь, и как далека его жизнь от этого идеала.

Вторая группа правил – об отношениях людей между собой. В том обществе не было ни прокуратуры, ни милиции/полиции, ни уголовного кодекса, ни тюрем. Правосудие вершили либо община, либо царь, а мы знаем, как бывает скоро на расправу людская толпа и как легко правитель становится тираном. Наказанием за убийство была смерть, причем осуществляли приговор родственники убитого. А как быть, если смерть произошла вследствие несчастного случая или по неосторожности? 35-я глава книги Чисел детально регламентирует такие случаи: человек, невольно ставший причиной

смерти другого человека, должен отправиться в один из специально назначенных для этой цели «городов убежища», чтобы изложить тамошнему сообществу свое дело. Если будет найдено, что он «не был врагом его и не желал зла» погибшему, а всё произошло случайно, ему будет предоставлено право жить в этом городе, где мстители не могут его убить. Оговаривается даже срок такого изгнания: до смерти первосвященника, потом наступает амнистия.

И тут же мы видим дополнение, как быть в остальных случаях: «Если кто убьет человека, то убийцу должно убить по словам свидетелей; но одного свидетеля недостаточно, чтобы осудить на смерть» (Числа 35:30). Мелочны ли эти правила, если по ним решались уголовные дела об убийстве? Думаю, что нет. Здесь предписана процедура, здесь устанавливается и четкая система ценностей: убийство карается не штрафом и не заключением, а только казнью, как самое тяжкое преступление против личности, но в то же время смерть, причиненная по неосторожности, не должна рассматриваться как убийство.

Третья группа правил – те самые мелочные законы, вроде «поля твоего не засевай двумя родами семян; в одежду из разнородных нитей, из шерсти и льна, не одевайся» (Лев 19:19). Наши ткани часто содержат разнородные нити, и что же в том дурного? Но это правило, как и некоторые другие, задает некий глобальный принцип: не стоит смешивать понятия. В мироздании есть определенная структура, и она должна оставаться неприкосновенной: не только добро нельзя смешивать со злом, но и шерсть со льном, а пшеницу с ячменем. Это, разумеется, мелочь, но она напоминает о вполне определенных принципах.

Следуя правилу «сделай себе кисточки на четырех углах покрывала твоего» (Втор 22:12), ортодоксальные иудеи и сегодня носят одежду с кисточками, в которых общим счетом 613 нитей – по числу заповедей Писания. Нити ежедневно напоминают им об этих заповедях и о стоящих за ними принципах. Кстати, много ли это – 613 правил? Мы с вами, все без исключения, живем по Конституции, Гражданскому кодексу, Уголовному кодексу, Налоговому кодексу, по тем же Правилам дорожного движения, в них содержатся многие тысячи статей, параграфов и разделов – а сколько в нашей жизни бывает разных законов, наставлений и инструкций, и попробуй что-нибудь нарушить! Можно, по-моему, позавидовать древним израильтянам: всего 613 заповедей на все случаи жизни.

Христиане не носят этих самых кисточек, они вообще не считают для себя исполнение всех требований Закона обязательным, следуя решению того самого апостольского Собора, о котором мы говорили в самом начале этой главы. Вопрос об отношении к Закону не был для апостолов простым, но в целом было принято такое решение: жертвенная смерть Иисуса Христа освободила нас от необходимости соблюдать все ритуальные предписания. Нет более необходимости в кровавых жертвах, а если лишается смысла центральная часть Закона, то и второстепенные, вроде запрета на свинину или ткань из разных волокон, уже не имеют силы.

Но общие принципы, стоящие за положениями Закона, никак не утратили своей силы и для христиан. Отчасти они нашли свое выражение в разных обрядах и правилах Церкви (без них не обходится ни одна ветвь христианства), хотя эти внешние формы сегодня не имеют уже такого абсолютного значения, как во времена Ветхого Завета. Но наша вера, как и наша любовь или наша надежда, всегда нуждается в каких-то внешних формах. Мы дарим любимым людям цветы и поздравляем их с днем рождения потому, что так принято выражать свою любовь в нашей культуре – и то же самое можно сказать о ветхозаветных правилах как о способах выразить свою любовь к Богу и к людям. Можно выражать ее и без цветов или правил, разумеется.

Но с ними все-таки проще.

26. Жесток ли ветхозаветный закон?

Казни, штрафы, соблюдение суровых законов – разве может этого требовать от человека Бог Любви? А ведь именно таким представляется многим нашим современникам Ветхий Завет, который требует жестокой расплаты: «око за око, и зуб за зуб».

Наследники Маркиона

«Я лично прошел все стадии колебаний и сомнений и в одну ночь (в 7-м классе), буквально в одну ночь, пришел к окончательному и бесповоротному решению: ...отметаю звериную психологию Ветхого Завета, но всецело приемлю христианство и Православие. Словно гора свалилась с плеч! С этим жил, с этим и кончаю лета живота своего». Так писал о своем религиозном выборе человек, которого трудно заподозрить в мягкотелости и пацифизме – генерал А.И. Деникин. Он прошел несколько войн, включая гражданскую, был диктатором на огромной территории, не останавливался перед жесткими мерами по наведению порядка – и считал Ветхий Завет чрезмерно жестоким. Почему?

Вопрос о жестокости Ветхого Завета не нов, как и почти все в этом мире. В 6-й главе мы говорили о древнем богослове Маркионе, который отверг Ветхий Завет, поскольку считал, что в нем идет речь о жестоком Боге, ином, нежели в Новом Завете. Но Церковь осудила его учение как ересь. Вслед за Христом и апостолами она утверждает, что Ветхий Завет – неотъемлемая часть Священного Писания, и что Бог патриархов и пророков – Тот же Самый, что и Бог апостолов и евангелистов, и что не только Новый Завет, но «всё Писание богодухновенно и полезно для научения» (2 Тим 3:16).

Но и современного читателя многое отталкивает от Ветхого Завета, и прежде всего, его «жестокость». Ну что же, Библия – правдивая книга, и если люди всегда убивали и ненавидели друг друга, если даже самые великие праведники бывали безупречны, она повествует об этом честно и открыто. Она – не сборник слащавых рассказов, и именно поэтому ей можно доверять.

С этим, казалось бы, все ясно. Но сомневающиеся не успокаиваются: Ветхий Завет говорит не просто о жестокости отдельных людей, он приписывает эту жестокость самому Богу. И главное обвинение, которое тут можно услышать – суровый Закон, требующий отдавать глаз за глаз и карать смертью за нарушение супружеской верности. Попробуем разобраться с этим подробнее.

Только сначала договоримся: мы не можем судить о людях, живших три тысячелетия назад, как о наших современниках. Они отличались от нас не только тем, что не имели электричества и не догадывались о существовании Америки. У них были несколько иные представления о мире, и судить о них можно только исходя из реалий того времени. Не станем же мы упрекать Колумба за то, что он, перед тем как плыть в Америку, не отыскал ее на школьном глобусе, или фельдмаршала Кутузова за то, что не бросил против Наполеона авиацию и танковые дивизии? Несправедливо упрекать древних за то, что они не обладали тем, что доступно и привычно нам сегодня. Более того, стоит задуматься: не от них ли нам все это досталось?

Закон: источник и смысл

Любая юридическая система строится на некотором основании. Чтобы закон имел силу, он должен быть освящен чьим-то авторитетом. Сегодня, как правило, конституции ссылаются на «волю народа», которая, как мы знаем, зачастую есть не что иное, как умело примененные политехнологии. Но в древности закон всегда понимали как дар свыше, и Ветхий Завет не был исключением.

Но в Ветхом Завете была и одна особенность. Окрестные народы считали, что боги даровали им законы просто для того, чтобы упорядочить их жизнь и обеспечить справедливость. Но на горе Синай Моисею был дан не просто правовой кодекс, там был

заключен Завет, то есть договор всего израильского народа с Богом: «буду вашим Богом, а вы будете Моим народом» (Лев 26:12). Собственно, вне этого Завета израильтяне были всего лишь беглыми египетскими рабами, но, заключив его, они становились подлинным народом со своим государством, своей территорией, своей религией и культурой. Завет и выглядел как договор между правителем великого государства и подвластным ему племенем: он обещает им защиту и покровительство и требует в ответ только одного – полной верности и покорности.

Поэтому самыми страшными преступлениями в Ветхом Завете считались те, которые означали измену Богу: идолопоклонство и колдовство. Наказанием за них была немедленная смерть, точно так же, как убивают в современных государствах террористов, с оружием в руках выступивших против законной власти.

Собственно, и отношения внутри израильской общины регулировались, исходя из того же принципа: «Будьте святы, потому что Я свят» (Лев 11:45) – этого требует от израильтян Господь, а раз так, то невозможными, недопустимыми становятся несправедливость, угнетение, разбой. Поэтому нормы уголовного права получают в Ветхом Завете такой же священный статус, как и нормы богослужения: они, по сути, становятся неразделимыми.

Правосудие общины

Итак, в ветхозаветном законе мы встречаем много наказаний за преступления против ближнего, которые кажутся нам чрезмерно жестокими. Зачем карать смертью за супружескую измену? Зачем выбивать глаз тому, кто сам кому-то выбил глаз – может быть, он нечаянно? Однако и в нашем законодательстве многое показалось бы древнему человеку жестоким – например, тюремное заключение, которого ветхозаветный Закон не знал. Как можно отрывать человека от родного дома на долгие годы? Если он виноват в краже, пусть заплатит в двойном размере, а если он убийца, то мы убьем его самого. Причем сделает это не палач-профессионал, а сама община закидает его камнями... Помните, как Иисус избавил от казни женщину, пойманную в прелюбодеянии? Он не оправдал ее, но воззвал к совести судей: «кто из вас без греха, первый брось на нее камень» (Ин 8:7) – и они разошлись, не желая исполнять очевидное требование Закона. Да, по справедливости следовало бы ее казнить, думал каждый, но лично я не могу взять на себя такую ответственность.

Ведь правосудие было тогда не безличной машиной, оно осуществлялось самим обществом. Одно дело – подать заявление в суд и выслушать вынесенный кому-то приговор, и совсем другое – взять в руку увесистый камень и бросить его в живого человека. Тут, действительно, трижды подумаешь, прежде чем выдвинуть обвинение. А в прошлой главе мы говорили о специальных «городах убежища», где мог укрыться человек, непреднамеренно вызвавший чужую смерть. Единственное ограничение – такой человек не должен был покидать «город убежища». Но все равно это не сравнить с тюремным или лагерным заключением.

Еще одна наша норма, которая показалась бы древним израильтянам жестокой – призывная армия. Забирать мужчин в войско можно было только во время войны, и то от призыва освобождались те, кто... недавно женился, построил дом или насадил виноградник. Война войной, а человек имеет право жить своей частной жизнью, и нельзя его уводить от молодой жены, нового дома и первых плодов.

Да и вообще, на фоне тех законов, которые еще совсем недавно существовали во многих христианских странах, Ветхий Завет покажется очень мягким. Он, например, предписывает в некоторых случаях телесные наказания – но строго ограничивает их сорока ударами, «чтобы от многих ударов брат твой не был обезображен» (Втор 25:3). Вслушаемся: осужденный преступник – это твой брат, достоинство которого ты должен беречь даже при наказании. Сравним это со знаменитым прогоном «сквозь строй», практиковавшимся в России еще в XIX веке... Ветхий Завет вообще не знает наказаний,

которые бы увечили человека (вырывание ноздрей, отрезание языка и т.д.), хотя еще несколько столетий назад они были совершенно обычными в «цивилизованных странах».

Что значит «зуб за зуб»?

Если мы сравним Ветхий Завет с другими законодательными текстами древнего Ближнего Востока, то увидим еще больше отличий. Да, все они строились на пресловутом принципе *талиона*: «глаз за глаз, зуб за зуб», то есть преступник должен потерпеть такой же ущерб, какой он нанес потерпевшему. На самом деле это совсем не плохой принцип, он ограничивает право мести: если тебе выбили глаз, то ты имеешь право сделать то же самое, но *никак не более того*. Вот бы и нам придерживаться этого принципа хотя бы в личных отношениях...

Но, конечно, применять его тоже можно по-разному. Вавилонский кодекс Хаммурапи предписывает: если кто-то взял в залог сына своего должника и так дурно обращался с ним, что он умер, то он... должен отдать на смерть собственного сына. А если строитель так плохо построил дом, что тот рухнул и похоронил под обломками семью заказчика, то убить следует... нет, не строителя, а его семью. Сам строитель свободен от наказания, если заказчик не пострадал. В противоположность этим законам, Ветхий Завет провозглашает принцип *личной ответственности*. За все преступления несет наказание только сам преступник, он не может быть никем заменен.

Но особенно велики различия в том, что касалось преступлений против чужого имущества. Вавилонское законодательство (как, кстати, и недавнее советское) карало за определенные виды кражи смертью: например, преступник, проломавший стену чужого дома, должен был быть повешен у этой самой стены. Ветхозаветное законодательство предписывает наказать вора штрафом в двойном размере; правда, хозяин дома имеет право убить грабителя на месте в порядке самообороны, но только в ночное время, когда трудно оценить степень угрозы. И никакое имущественное преступление не наказывается смертью – только штрафом.

Преступления же против личности (то есть против Бога и против ближнего) по Закону Моисея, наоборот, караются очень сурово. Практически все древние своды законов, в том числе Коран, устанавливают право выкупа, но Ветхий Завет однозначно заявляет: «не берите выкупа за душу убийцы, но его должно предать смерти... ибо кровь оскверняет землю» (Числ 35:31—33). И вот почему: «кто прольет кровь человеческую, того кровь прольется рукою человека: ибо человек создан по образу Божию» (Быт 9:6). В то же для других правителей древнего Ближнего Востока, равно как впоследствии и для многих христианских стран, да и для Советского Союза, человек был скорее народнохозяйственной единицей, поэтому ему нетрудно было назначить цену: брать штраф за его убийство и, наоборот, отбирать его жизнь в уплату за причиненный ущерб. Вообще, человеческая жизнь рассматривается в том же кодексе Хаммурапи как некая денежная сумма, причем не такая уж и большая.

Например, кодекс Хаммурапи настаивает: «Если грабитель не был схвачен, то ограбленный человек может показать перед богом все свое пропавшее, а община и староста, на земле и территории которых было совершено ограбление, должны ему возместить все его пропавшее. Если при этом была загублена жизнь, то община и староста должны отвесить одну мину серебра его родичам». То есть платят заведомо невиновные люди, лишь бы сохранить «баланс». А Ветхий Завет предписывает местной общине в случае нераскрытого убийства просто совершить очистительное жертвоприношение – и уж конечно он не оценивает жизнь в мину серебра.

Или другое правило Хаммурапи: «Если человек украл либо вола, либо овцу, либо осла, либо свинью, либо же лодку, то, если это принадлежит богу или дворцу, он должен заплатить в тридцатикратном размере, а если это принадлежит крестьянину, он должен возместить в десятикратном размере. Если вор не имеет чем платить, он должен быть убит». Чего требует в подобном случае Ветхий Завет? «Укравший должен заплатить; а

если нечем, то пусть продадут его для уплаты за украденное им; если он пойман будет и украденное найдется у него в руках живым, вол ли то, или осел, или овца, пусть заплатит за них вдвое» (Исх 22:3–4). Разница, как видим, огромна.

Библейские принципы современного права

Впрочем, дело даже не в том, что Ветхий Завет оказывается во многих случаях принципиально мягче, чем кодекс Хаммурапи и другие своды законов того времени. Важнее всего то, что он выдвигает некоторые общие принципы правового общества, которые сегодня кажутся нам самоочевидными, но для того времени они были революционными. И хотя мы привыкли смотреть на Ветхий Завет свысока, считая, что христианское правосознание намного его превосходит, но если взглядеться повнимательнее, мы увидим, что только сейчас становятся общепринятой нормой идеи правового государства, *уже заложенные* в Ветхом Завете.

Во-первых, Ветхий Завет провозглашает *равенство людей перед законом*, делая исключение только для иноплеменных рабов. А средневековые кодексы христианских государств содержат всевозможные градации: за убийство дворянина одно наказание, за убийство крестьянина – другое. Даже статус преступника влиял на тяжесть наказания: за что простого человека казнили, за то знатному назначали денежный штраф. Такого Моисеев Закон не знает.

К каким последствиям это приводило, можно увидеть на одном описанном в Библии примере. Израильскому царю Ахаву понравился виноградник его подданного, Навуфея, но тот отказался продавать «наследство отцов своих». Заметим, не отдавать даром, а продать по хорошей цене! Ахав так и не смог заставить Навуфея добровольно пойти на сделку. Против строптивца было сфабриковано обвинение, и он был казнен, но это преступление Ахава настолько прогневило Господа, что пророк Илия передал царю: «так говорит Господь: на том месте, где псы лизали кровь Навуфея, псы будут лизать и твою кровь» (1 Цар 21:19). Для сравнения, Иван Грозный был уверен, что он «волен в животе» своих подданных; что же до их имущества, то и по сей день государство в принудительном порядке выкупает земельные участки у своих граждан, чтобы построить на них новую дорогу, или сносит старый дом, чтобы построить новый, более дорогой – и никому и в голову не приходит спрашивать согласия владельцев.

Другой важнейший принцип, о котором мы уже говорили – *личная ответственность* человека за свои поступки: «отцы не должны быть наказываемы смертью за детей, и дети не должны быть наказываемы смертью за отцов; каждый должен быть наказываем смертью за свое преступление» (Втор 24:16). Бывший семинарист Иосиф Сталин даже цитировал эти слова, хотя он как раз был очень далек от того, чтобы их исполнять.

Третий столп правового общества, выведенный еще в Ветхом Завете – *неприкосновенность человеческой личности*. Эту норму как раз и утверждало строгое, практически не знающее исключения разделение преступлений против личности, которые карались смертью, и преступлений против имущества, которые карались штрафом с компенсацией ущерба. И если сегодня для нас это различие стало нормой, то не следует забывать, что впервые это было сказано именно в Ветхом Завете.

Конечно, всё это не означает, что ветхозаветный Закон совершенен и самодостаточен. Если бы это было так, не было бы никакой нужды в Новом Завете. Но сегодня мы можем сказать, что Ветхий Завет устанавливает некий стабильный фундамент общественного устройства, некоторый минимум, без соблюдения которого общество в любой момент может соскользнуть в болото вседозволенности и произвола. А Новый Завет обращен уже к личности, ибо простить своего должника или подставить другую щеку – решение, принимаемое каждым человеком индивидуально, общество же не может возвести это в юридическую норму, иначе оно просто позволит сильным издеваться над слабыми.

Новозаветная благодать – взлет ввысь, к небесному идеалу. А ветхозаветный Закон – твердое, земное основание, причем для своего времени – революционное. Сегодняшние гуманистические нормы и декларации прав человека стали возможны именно потому, что некогда пророки объяснили людям: Всемогущему Богу совсем не безразлично, как они обращаются друг с другом, потому что каждый из них носит в себе образ Божий.

27. Призывает ли Библия к геноциду?

В прошлой главе мы обсуждали вопрос о том, жесток ли Ветхозаветный Закон. Но Закон – это еще не самое шокирующее место Священного Писания... Гораздо труднее современному человеку принять и понять повествования о том, как израильтяне истребляли мирное население, причем Библия утверждает, что делали они это по прямому приказу Бога. Неужели это правда? И как это можно объяснить?

Иисус Навин, Илия, Ииуй...

Стоит для начала посмотреть – а где именно в Ветхом Завете мы читаем о таких событиях? Прежде всего, разумеется, в книге Иисуса Навина. Наверное, если бы среди современных христиан провели голосование: какую книгу убрать из Библии – подавляющее большинство голосов набрала бы именно она. «В тот же день взял Иисус Макед, и поразил его мечом... никого не оставил, кто бы уцелел и избежал; и поступил с царем Македским так же, как поступил с царем Иерихонским. И пошел Иисус и все Израильтяне с ним из Македа к Ливне и воевал против Ливны; и предал Господь и ее в руки Израиля, и взяли ее и царя ее, и истребил ее Иисус мечом и все дышащее, что находилось в ней: никого не оставил в ней» (10:28–30).

На современном языке это называется геноцидом. Но тогда, оказывается, Иисус Навин действовал в полном соответствии с Божьей волей: «А в городах сих народов, которых Господь Бог твой дает тебе во владение, не оставляй в живых ни одной души» (Втор 20:16).

Нечто подобное мы встречаем и на страницах других книг Ветхого Завета... Пророк Илия состязается со жрецами языческого божества Ваала и после победы над ними убивает их всех (3 Цар 18). Впрочем, не приходится сомневаться, что и они поступили бы с ним точно так же, если бы оказались победителями – религиозная терпимость тогда просто отсутствовала. А царь Ииуй вообще собрал всех пророков Ваала и перебил их безо всяких состязаний (4 Цар 10).

Хорошо, допустим, язычники проливали реки крови – но почему то же самое делали пророки Единого Бога?

Зачем столько крови?

С одной стороны, не стоит забывать, что для язычника самым истинным будет не тот бог, который говорит о милосердии, а тот, который окажется сильнее. Вот характерный рассказ о соперничестве язычества и христианства на Алтае, переданный немецким этнографом XIX в. В.В. Радловом: «Мой хозяин рассказал мне, что однажды он ночевал в юрте, где шаман проделывал свои фокусы. Обведя вокруг юрты магический круг, он вошел в нее, но тотчас же выскочил обратно, как бы влекомый невидимой силой; на улице он тотчас впал в исступление, непрерывно крича: “В юрте лежит чужой человек, а на груди его – раскаленный уголь, он обжег меня”. А рассказчик носил на груди образок, подаренный ему отцом Макарием» (речь идет о преп. Макарии Глухареве, просветителе Алтая).

Нечто очень похожее звучит и в рассказе о том, как филистимляне взяли в плен главную святыню израильтян, Ковчег Завета, и отнесли его в храм своего главного божества, Дагона. На следующее утро они обнаружили, что его статуя лежит поверженной перед Ковчегом (1 Цар 5).

Нравственное превосходство христианства над шаманизмом, богословские тонкости, литургические красоты, – все это не представляется язычнику сколь-нибудь важным и существенным до тех пор, пока он не убедится, что маленький образок способен лишить силы шамана, который до сих пор казался ему самым могущественным человеком на свете. Преподобный Макарий, разумеется, не убивал шаманов, но во

времена Илии всем было ясно, что этот богословский спор может решиться только со смертью одной из сторон.

«Они понимают только силу», – говорили колонизаторы о «дикарях». Конечно же, это неверно. Но верно другое: бессилия они действительно не понимают. Миссионерам в Новой Гвинее, например, приходилось сталкиваться с тем, что история о распятом Христе не вызывала у местных племен совершенно никакого сочувствия и уважения. Он был убит, значит, Он проиграл, не смог постоять даже за Себя Самого – ну и чем тогда Он может помочь нам?

И для того, чтобы быть услышанными, проповедникам Единого Бога нередко приходится убеждать людей прежде всего в Его силе, Его безусловной способности одержать верх над языческими божествами. Но... не за счет же мирного населения, как Иисус Навин – хочется тут возразить. И поэтому нам придется разбираться дальше.

Как воевали в те времена

В описываемое в книге Иисуса Навина время истребление побежденного врага было нормой, а не исключением. Полководцы древности рассмеялись бы, читая Женевскую конвенцию, требующую гуманного обращения с военнопленными. Вот, например, как описывал свои славные подвиги ассирийский царь Ашшурназирпал II: «Множеством моих войск город я осадил и покорил, шестьсот бойцов сразил оружием, три тысячи пленных сжег в огне, не оставив ни одного из них в заложники. Их тела я сложил башнями, их юношей и девушек сжег на кострах. Их начальника поселения я ободрал, кожей его одел стену города. Другое поселение в окрестностях я покорил, пятьдесят их воинов сразил оружием, двести пленных сжег в огне...» И так до бесконечности; обратите внимание, что он этим *хвастается*.

Может, он был маньяком? Отнюдь нет. Рельефы и рисунки практически всех древних народов показывают нам царей, которые заносят орудие убийства над поверженными врагами: связанными, безоружными, обнаженными. В таком убийстве победители видели проявление своего величия и могущества.

Глядя на эти изображения, читая эти хроники, начинаешь понимать, как много нового принесла в мир книга, в самом начале которой человек назван образом и подобием Бога (иконой, говоря современным языком), а его убийство объявлено преступлением. Да, это не значит, что люди сразу перестали убивать друг друга – но библейская проповедь (не она одна, конечно) постепенно меняла этот мир. И если Гитлер и Сталин творили зверства, сравнимые по жестокости с ассирийскими, они никогда не подумали бы этим хвастаться.

Более того, сегодня мы видим, что современные случаи массового убийства мирных жителей (Освенцим, ГУЛАГ, Хиросима) становятся «болевым точкой» лишь в тех странах, которые выросли на библейской традиции. Кто в Турции вспоминает про геноцид армян в 1915 году? В Японии – про зверские убийства китайцев в 1930-е и 40-е годы? Единицы. Видимо, не потому, что турки или японцы черствее немцев или русских, а потому, что их традиционная культура не основана на Библии, на видении человека как образа Бога, которое принес в мир именно Ветхий Завет.

И все-таки это не снимает проблемы... Допустим, отвратительный обычай расправляться с пленными и мирным населением был настолько привычен, что Господь на тот момент не считал нужным его отменять. Но почему Он призывал ему следовать?

Что такое «мирное население»?

Давайте на время отвлечемся и обратимся к недавнему опыту Второй мировой войны. Мирные жители гибли тогда не только в фашистских концлагерях, но и под бомбами союзников. До сих пор идет спор, насколько оправданы были атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки: да, они привели к страшным жертвам, но если бы

их не было, говорят американские военные историки, Япония бы не капитулировала, США и СССР пришлось бы высаживать десант на Японские острова, и жертв было бы еще больше.

Впрочем, и обычные бомбы, сброшенные на военный завод, вокзал или склад – разве не убивали они мирных жителей? Даже снайперская пуля в окопах Сталинграда обрывала жизнь человека, который лично, может, и не был повинен в злодеяниях нацистов и у которого остались дома жена и дети. Но мы готовы оправдать эти жертвы, потому что понимаем: нацистская военная машина должна была быть сломана любой ценой. Жалость к одному конкретному немцу означала бы гибель и рабство для тысяч людей.

В войне с коренными народами Палестины израильтяне, конечно, не применяли оружия массового поражения. Но ведь и сражались они не столько с армией, сколько с целой цивилизацией, которая должна была быть уничтожена, как Третий Рейх. И здесь военная победа легко могла привести к религиозному и культурному поражению, как не раз случалось в истории: победители постепенно и как-то незаметно для себя перенимали культуру, традиции, обряды, даже язык побежденных...

Так что же это были за обряды? И Библия, и археологические находки, и древние историки свидетельствуют, что традиции хананеев включали принесение в жертву собственных детей, не говоря уже о сексуальных оргиях, связанных с культами плодородия. Древние римляне вовсе не были сентиментальным народом, но детские жертвоприношения карфагенян (народа, близко родственного хананеям) вызывали у них омерзение; и именно они стали одним из главных аргументов, почему «Карфаген должен быть разрушен». Не просто завоеван и подчинен, как прочие города, а уничтожен – и когда город был взят, с ним так и поступили. Даже территорию его распахали плугом, чтобы показать: такого города больше не должно быть на свете.

Точно так же относились древние израильтяне к местному населению Палестины. Еще Аврааму было сказано, что его потомки овладеют этой землей, но не сразу, поскольку «мера беззаконий аморреев доселе еще не наполнилась» (Быт 15:16). То есть Бог ждал перемен к лучшему долгие столетия, Он назначил некую невидимую черту, «меру беззакония», за которой всю эту цивилизацию ждало уничтожение. И вряд ли это можно назвать слишком жестоким: дурная бесконечность греха была бы намного хуже.

По отношению к хананеям израильтяне в данном случае выступили как «бич Божий» – позднее, другие народы (ассирийцы, вавилоняне) сыграют ту же роль по отношению к самому Израилю. Но дело не только в наказании: Израиль должен был оградить себя от всех мерзостей местной религии. Кочевые скотоводы-израильтяне просто растворились бы в изысканной городской цивилизации Палестины, намного превосходившей их по своему культурному уровню. В результате учение о Едином Боге было бы утрачено человечеством. Словом, если бы эти народы не были истреблены, то еще долгие века, возможно, и по сей день, люди приносили бы в жертву идолам своих детей и считали бы это высшей формой религиозности. Было бы это гуманнее?

Херем, он же анафема

Итак, когда израильтяне истребляли хананейские города, речь шла не просто о проявлении «молодецкой удали» и даже не о наказании, а о чем-то гораздо более важном и серьезном. Чтобы понять это, взглянем на рассказанную в 7-й главе книги Иисуса Навина историю человека по имени Ахан: он польстился на часть иерихонской добычи (красивую одежду, золото и серебро) и приберег их для себя. Но Господь наслал на израильтян военное поражение и объявил: «заклятое среди тебя, Израиль; посему ты не можешь устоять пред врагами твоими, доколе не отдалишь от себя заклятого».

Слово «заклятое» на древнееврейском языке звучало как *херем* (его арабский эквивалент вошел в русский язык как *гарем*, то есть нечто запретное для всех, кроме

одного человека). А в древнегреческом переводе появилось такое знакомое нам сегодня слово *анафема*... Что же это такое?

Это слово означает не что иное, как жертвоприношение: нечто целиком, полностью и навсегда отданное Богу. Оно изымается из повседневного обихода, и человек больше не имеет права этим пользоваться. Это могли быть участок земли или животное, которое в таком случае приносилось в жертву. Но в данном случае речь шла о целых городах. Израильтянам было сказано: вам не принадлежит ничего из завоеванного, всё это отдается Господу. Ни одна живая душа, ни один предмет из этих городов не могли остаться у израильтян, как при чуме или радиоактивном заражении. В те суровые времена это означало одно – тотальное истребление.

Конечно, в наши дни, когда кого-то предают церковной анафеме, его не убивают, но говорят примерно то же самое: этот человек не имеет к нам никакого отношения, пусть Господь поступает с ним, как сочтет нужным (примерно так использовал это слово и апостол Павел, например, в 1 Кор 16:22).

Это разительно отличается от того, что делали и чем хвастались ассирийские цари.

Чему учит книга Иисуса Навина?

Конечно, это далеко не единственное возможное толкование этой непростой книги. К сожалению, на протяжении истории люди не раз с легкостью цитировали ее в оправдание своих собственных завоеваний. Например, североамериканские колонисты часто видели себя израильтянами, отвоёвывающими у нечестивых туземцев свою «землю обетованную». Этим и объяснялась отчасти их жестокость по отношению к индейцам.

Да и в современном государстве Израиль нередко вспоминают Ешуа Бен-Нуна (так звучит имя Иисуса Навина на древнееврейском) в связи с вопросом о государственных границах: раз он эту землю отвоёвал, значит, она навеки наша, а кто с этим не согласен, пусть убирается подальше.

Разумеется, такое прочтение очень далеко от изначального смысла книги. Да, в ней проводятся границы – но только для своего времени; да, в ней предписывается истребление народов – но только этих конкретных народов, давно исчезнувших с лица земли. Да и не про то, в сущности, книга... Чему же учит она в первую очередь?

«Будь тверд и мужествен; ибо ты народу сему передашь во владение землю, которую Я клялся отцам их дать им; только будь тверд и очень мужествен, и тщательно храни и исполняй весь закон, который завещал тебе Моисей, раб Мой; не уклоняйся от него ни направо, ни налево» – так Господь говорит Иисусу (1:6–7). С этого призыва начинается эта книга, а вовсе не с призыва уничтожить всё живое, хотя сегодня чаще всего вспоминают именно о нем. Современные христиане часто забывают этот призыв к мужеству. Но во все времена бывают моменты, когда верующему нужно быть не созерцателем, а воином. Этому и учит книга Иисуса Навина.

Израильтяне – пожалуй, впервые в мировой истории – отказались истреблять врагов по собственному почину, передав решение в руки своего Бога. Да, они вели кровавые войны, но это были «войны Господа», войны с теми, кто выступал как Его враг. Если они вторгались в чужую землю, то не потому, что земля эта им очень понравилась, или ее обитатели чем-то их обидели, а потому, что зло должно было быть истреблено.

И совершенно неправы те, кто приводит эту книгу в оправдание собственных военных кампаний: то, что было сказано Иисусу Навину в конкретной исторической ситуации, распространять на другие времена и другие народы ни у кого права нет.

От Иисуса Навина до Иисуса Христа, давшего нам заповедь «подставь другую щеку», предстоял еще очень долгий путь, но очень важный шаг на этом пути был сделан.

28. Почему псалмы говорят о мести?

От Библии мы привыкли ждать чего-то возвышенного и поучительного. Но, открывая самую знаменитую книгу Ветхого Завета, Псалтирь, мы то и дело натываемся на выражения, которые сильно смущают нас. Псалмопевец откровенно желает зла своим врагам, радуется их несчастьям... Разве может так говорить Слово Божие? И разве может сегодня молиться такими словами христианин?

Хотя бы честно

В самом деле, подобное в псалмах встречается, причем не раз и не два. «Я преследую врагов моих и настигаю их, и не возвращаюсь, доколе не истреблю их» (17:38) – сообщает нам псалмопевец. «Да найдет на них смерть; да сойдут они живыми в ад» (54:16) – искренне желает он, и Бог его слышит: «Ты поражаешь в ланиту всех врагов моих; сокрушаешь зубы нечестивых» (3:8). В заключение своей молитвы псалмопевец добавляет, как бы в примечании: «И по милости Твоей истреби врагов моих и погуби всех, угнетающих душу мою, ибо я Твой раб» (142:12). В общем, «полною ненавистью ненавижу их: враги они мне» (138:22).

Кто только не писал на эту тему прежде! Убедительнее всего для современного человека, пожалуй, рассуждал К.С. Льюис в своих «Размышлениях о псалмах». Но и эта его замечательная книга не снимает всех вопросов, как наверняка не снимет их и это мое размышление. И это правильно: есть такие вещи, с которыми человек в принципе не может согласиться, они вновь и вновь вызывают у него сомнения и возражения. И поэтому вновь и вновь приходится о них говорить, хотя, казалось бы, все самое главное уже сказано.

Во-первых, такие слова – это просто честность и открытость перед Богом. Мы все злимся на кого-нибудь, но знаем, что так вести себя неприлично, поэтому у нас злоба принимает внешне самые вежливые, а порой и благочестивые формы. Есть даже шутка про двух церковных бабушек, которые ругаются, не поделив место в храме: «нет, это вас спаси Господи!» Мол, на самом деле права именно я, она моя обидчица, но я молюсь за нее, видите!

Не так у псалмопевца (мы будем называть этим именем автора псалмов – не все их написал царь Давид, и автор многих нам не известен). Он говорит Богу ровно то, что переживает, не пряча ничего за мишурой внешне благополучных слов. Льюис говорил об этом чувстве: «Это – досада, выраженная так свободно, бесстыдно, непристойно, как в наши дни ее выражают только дети». И можно, пожалуй, поучиться этой откровенности: если уж мы действительно испытываем обиду, злобу, да просто неприязнь – лучше сказать об этом Богу напрямую. Если мы действительно преследуем и поражаем наших врагов, давайте скажем Ему и об этом, а не будем прятать это свое чувство и действие за мишурой благочестивых выражений.

Митрополит Сурожский Антоний вспоминал, как еще в отрочестве он не мог простить какого-то другого мальчика за некий его поступок. Знакомый всем юношеский максимализм. Но он был еще и очень честным подростком и поэтому рассказал об этом своему духовнику. Тогда тот посоветовал ему, когда он будет читать молитву «Отче наш», не произносить слов о прощении, поскольку сам он не простил своего обидчика. Такое показалось ему совершенно невозможным, и прощение все-таки состоялось, ему пришлось оставить чужие долги, чтобы иметь возможность попросить о прощении собственных.

Может быть, и нам, если мы не готовы к прощению, лучше в подобном настроении было бы честно прочитать какой-нибудь подобный псалом, чем твердить по заученному «якоже и мы оставляем должником нашим»? И то, и это есть в Библии, она ведь тоже бывает разной, она представляет нам не идеальных, а настоящих людей, со всей их

страстностью и подчас злопамятностью. Да и псалмы – это не слова Бога к нам, а, скорее, наше обращение к Нему.

«Мне отмщение»

Тут кроется еще один очень важный урок. «Мне отмщение, и Аз воздам», сказал еще в Ветхом Завете Господь, и эти слова Л.Н. Толстой даже вынес в качестве эпитафии к своему роману «Анна Каренина». Что это значит? Бог обращает эти слова к верующему человеку, чтобы тот отказался от самостоятельной мести своим врагам и поручил ее Богу. В этих библейских словах Бог говорит человеку: не торопись. Ты не знаешь всех обстоятельств, не знаешь побуждений чужой души, не хочешь выслушать свидетельства в ее пользу и не можешь судить ее поступки. Но Я, говорит Бог, могу это сделать. Мой суд праведен, и если Я сочту, что нанесенное тебе оскорбление должно быть отомщено, то воздам обидчику за его грехи.

И псалмопевец, по большей части, именно это и делает: приносит свои страстные молитвы к Богу, чтобы Тот разобрал его дело и наказал виновных. Да, псалмопевец уверен в собственной праведности (как и мы, когда нас сильно и несправедливо обидели), но, как правило, сам он не мстит, а только молит об отмщении. Есть, впрочем, и некоторые исключения, но их немного, они – для совсем уж страстных натур, которым невозможно удержаться от «преследования врагов своих», но и это пусть происходит перед очами Божиими. Надо сказать, что такой подход – уже огромный прогресс для тех времен, когда считалось правильным не просто самому покарать любого обидчика, а сделать это на глазах у всех и так сурово, чтобы больше никому не захотелось тебя обижать. Собственно, во многих закрытых мужских сообществах вроде армии или тюрьмы это считается нормой и по сю пору.

И тут мы подходим к следующему открытию: псалмопевец вообще говорит не столько о собственных врагах, сколько о врагах Бога. Это их он «ненавидит полной ненавистью», хотя вообще-то перевод тут не совсем точен, употребленное в оригинале слово означает не столько эмоцию, сколько окончательное и безусловное неприятие этих людей, отказ от какого бы то ни было общения с ними (об этом шла речь в 18-й главе). Нет, конечно, эти люди и для самого псалмопевца – враги. Но дело, прежде всего, не в том, что они лично ему чем-то не угодили, а в том, что они нарушают Божии заповеди. И псалмопевец защищает в данном случае Божию справедливость.

Конечно, тут есть очень большая опасность: мы всегда стоим за справедливость, когда она нарушена в отношении нас самих, а когда мы бываем несправедливы, то часто даже не замечаем этого. И об этом тоже есть в псалмах: «Господи, Боже мой! если я что сделал, если есть неправда в руках моих, если я платил злом тому, кто был со мною в мире... то пусть враг преследует душу мою и настигнет, пусть втопчет в землю жизнь мою» (7:4–6). То есть никаких двойных стандартов: призывая громы и молнии на чужие головы, псалмопевец готов будет подставить и свою, если будет, за что. Готовы ли мы к такой ответственности?

Да, конечно, в наше время не принято говорить о собственной правоте. Более того, христиане привыкли повторять, что все они великие грешники, заслуживающие наказания (хотя, если честно, не все говорят это искренне). Но в Ветхом Завете этого еще нет. Надо понимать, что Библия была написана не в один день. В ней мы видим ступени, по которым постепенно восходило все человечество: прежде всего избранный народ, Израиль, а затем и остальные, т.н. «язычники». На самой нижней ступени – Каин, который просто из зависти убивает родного брата Авеля, а на высшей – Христос, отдающий Свою жизнь для спасения всех людей. И псалмопевец, который с нетерпением ожидает Божией кары для грешников, восходит от одного к другому. Он уже знает, что отмщение и наказание свершаются только по Божией воле и только за грехи – и это уже очень и очень много. На самом деле, в сегодняшнем мире мало кто готов поставить себя хотя бы в такие рамки, мстить люди любят, и сами определяют, кому и за что.

Но во многих местах Псалтири еще не видно того предельного смирения, которое будет явлено на Голгофе. Впрочем, и оно в Псалтири тоже есть, просто в других псалмах: «скопище злых обступило меня, пронзили руки мои и ноги мои. Можно было бы перечесть все кости мои; а они смотрят и делают из меня зрелище; делят ризы мои между собою и об одежде моей бросают жребий. Но Ты, Господи, не удаляйся от меня; сила моя! поспеши на помощь мне» (21:17–20). Не случайно слова именно этого псалма вспоминают евангелисты, рассказывая о Распятии. И, заметим, никаких призывов к мести здесь нет: страдалец только просит о помощи. Наверное, дело в том, что когда тебе действительно очень больно и страшно, то уже не думаешь о мести, а лишь о спасении... Но и не только в этом дело. Псалтирь – это голос верующей души, разговаривающей с Богом, и в этом разговоре мы слышим разные настроения, видим разные ступени того самого духовного роста, о котором только что говорили. Именно это и делает Псалтирь универсальным сборником молитв на все времена: кто бы и когда бы ни взял ее в руки, обязательно найдет в ней нечто очень созвучное своему нынешнему состоянию.

И как же нам быть?

Но как же нам сегодня читать псалмы, которые нас так смущают? Вот, к примеру, известный псалом 136, начинающийся словами «при реках Вавилона, там сидели мы и плакали». Кстати, в моем отрочестве именно этот псалом в исполнении популярнейшей группы «Бони-М» крутили на всяких школьных и пионерских дискотеках – никто и не догадывался, что это из Библии. Так вот, эта прекрасная и очень печальная песнь изгнанников, вспоминающих далекую и недоступную родину посреди чужой земли, заканчивается прямо-таки жуткими словами, обращенными к Вавилону: «Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень». Даже если представить себе, что подобные слова говорит узник нацистских концлагерей в адрес гитлеровского Берлина, их все равно невозможно будет повторить с чистой совестью: уж младенцы точно ни в чем не виноваты, разбивать их о камень – в любом случае преступление. Впрочем, заметим: сам псалмопевец не собирается этого делать, он лишь мечтает, что на этих завоевателей найдутся другие, которые и отплатят вавилонянам за всё, сделанное ими. Но все равно порадоваться такому зверству нам никак нельзя.

Христиане задумывались об этом уже очень давно, и нашли ответ. Этот псалом в историческом плане говорит о городе Вавилоне, но Вавилон давно был разрушен, к нам он не имеет никакого отношения. Значит, нам он говорит о поработивших нас врагах. А кто наши главные враги? Конечно, в истории у христиан часто бывали вполне конкретные враги и гонители, от императора Нерона до генсека Хрущева. Но главное зло, знали они – не то, которое нападает на тебя извне, а то, которое подтачивает изнутри. Настоящий Вавилон, пленяющий человеческую душу – это сатана, связывающий ее намертво цепями страстей и пороков. А потом он приказывает ей радоваться, как приказывали когда-то израильтянам настоящие вавилонские поработители... Так вот, блажен, кто сумеет уничтожить в зародыше «вавилонских младенцев», то есть дурные помыслы, толкающие нас ко греху, пока они слабы и беспомощны. Когда они победят и пленят нас, сделать это будет невероятно труднее.

Такой прием называется «аллегоризацией»: конкретный материальный образ становится символом некоей духовной реальности, в данном случае, вавилонские младенцы – это дурные помыслы. Конечно, те израильтяне, которые пели этот печальный псалом на настоящих вавилонских реках, так его не толковали. Но мы, сознавая всю условность этой трактовки, вполне можем понимать псалом именно так. И тогда, читая этот псалом, мы будем видеть, как на протяжении библейской истории уточнялось понимание зла и методов борьбы с ним. А если нас все равно смущают эти слова – что ж, можно просто пропустить их. Группа «Бони-М», кстати, так и сделала.

Но не будем торопиться с выводами о собственной высокой духовности. Испытываем ли мы порой чувство ярости и злобы, душит ли нас обида на кого-то? Если

да, то мы знаем, что можно сделать. Можно раскрыть Псалтирь и обратиться к Богу словами псалмопевца, призывая Его на помощь, доверяя Ему суд и честно признавая, какой мутный поток страстей бурлит в нашей собственной душе.

И тогда, может быть, мы поднимемся вместе с библейскими авторами по ступеням духовного роста и до понимания других слов, тоже сказанных в Библии: «А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф 5:39). Их тоже ведь очень трудно понять и принять... но по совсем другим причинам.

29. Кто такие пророки?

Библия много говорит о пророках. В наше время тоже популярны разного рода предсказатели будущего – от гадалок до футурологов. Были ли библейские пророки были кем-то вроде них? Или они передавали людям то, что открывал им Бог? И как они вообще становились пророками – этому где-то учили, как ремеслу, или каждому Господь указывал особый путь? И почему в Евангелии Христос говорит, что пророков и Его последователей в этом мире ждут гонения?

Иона, неправильный пророк

Начнем с примера «неправильного» пророка. Есть в Библии книга, которая совершенно четко показывает, чего настоящий пророк делать *не должен* – это книга пророка Ионы. Но вместе с тем она позволяет нам понять, в чем, собственно, смысл пророческого служения.

Итак, Иона. Господь отправляет его проповедовать в Ниневию, столицу Ассирийской империи (для израильтян этот город был примерно тем же, чем для нас – гитлеровский Берлин). Иона, действительно, отправляется в путь... но ровно в противоположном направлении! У него нет ни малейшего желания связываться с ассирийцами, и он пытается бежать на корабле за море, но Господь насылает бурю, и Иона оказывается в морской пучине, где его целиком проглатывает огромная рыба. Попав в ее желудок, Иона чудом остается жив, но у него просто не остается иного выбора, кроме как призвать на помощь Господа и принять Его волю. Молитва пророка была услышана – и через три дня, выброшенный на сушу, он отправляется в Ниневию. «Еще сорок дней и Ниневия будет разрушена!» – так проповедовал Иона на улицах города. Ниневитяне поверили его словам, объявили всенародный пост, перестали творить зло. И Господь их простил, а Ионе так преподал урок милосердия к раскаявшемуся врагу.

Не будем сейчас рассуждать о том, буквально ли понимать все эти события, как настаивают одни толкователи, или в них мы видим скорее развернутую притчу, как предлагают другие. Важно другое: пророк – не просто глашатай или секретарь Бога, который передает другим или сохраняет для потомков Его слова. Он – полноценная личность. Он по собственной воле, пусть и не сразу, принимает свою миссию (а иначе он просто не становится пророком), и у него с Богом свои отношения, которые не менее важны для Господа, чем та весть, которую Он поручает пророку.

Далее, слова Бога – это не предсказание будущего, это, скорее, оценка настоящего и призыв к переменам. И, наконец, пророчество всегда имеет конкретный исторический контекст, оно кому-то адресовано, но оно всегда шире этого контекста: оно сообщает нечто вечное, не меняющее смысла с течением веков (мы поговорим об этих его свойствах подробнее в следующей главе).

Пророки бывают разные

Кем же они были, библейские пророки? Очень разными людьми. Среди них, как всегда в духовной сфере, были истинные и ложные: всегда существует соблазн копировать внешние формы и действия, подстраивая их под ожидания аудитории. Собственно, в этом один из главных признаков лжепророка: он работает на заказ и говорит то, чего от него ждут. Однажды четыреста пророков предвещали двум царям, Ахаву и Иосафату, блистательную военную победу, но тут им напомнили про еще одного, «неудобного» пророка Михея, и он сообщил: «Я вижу всех израильтян, рассеянных по горам, как овец, у которых нет пастыря». Цари могли послушаться пророка, но пошли за большинством и были разбиты, причем Ахав погиб от ран (3 Цар 22). Михей ожидал окончания военного похода в тюрьме, куда его бросили по приказу Ахава; зато четыреста придворных пророков наверняка не испытали никаких затруднений.

Нечто похожее мы видим во многих книгах Ветхого и Нового Заветов. Возьмем, к примеру, Иоанна Крестителя – царь Ирод почитал его и не хотел причинять ему вреда, но лишь до тех пор, пока Иоанн не стал обличать его в незаконном браке. Так что говорить о духовном можно сколько угодно, это даже почетно – только нельзя при этом становиться на пути у сильных мира сего. Кстати, Ирод не сразу казнит Иоанна, он сначала бросает его в тюрьму (как и Ахав – Михея), видимо, оставляя возможность договориться, уладить дело миром. И только потом, неосторожно пообещав исполнить любое желание дочери Иродиады, он неохотно (!) отдает приказ о казни пророка. Жаль, конечно, что так и не удалось столкнуться, но государственные интересы требуют жертв.

Пророки могли состоять при храме, могли – при царском дворе, а могли быть независимыми. Когда Амос появился при царском святилище в Вефиле, местный священник приказал ему: «провидец! пойд и удались в землю Иудину; там ешь хлеб, и там пророчествуй, а в Вефиле больше не пророчествуй, ибо он святыня царя». Иными словами, это наша территория, и тебе мы тут выступать не позволим. Но Амос отвечает очень просто: «я не пророк и не сын пророка; я был пастух и собирал сикоморы. Но Господь взял меня от овец, и сказал мне Господь: иди, пророчествуй к народу Моему» (Ам 7:14–15).

Так мы подходим к еще одному важному различию: некоторые пророки, как Амос, были внезапно вырваны из своей повседневной жизни и отправлены в самую гущу событий. Но были и такие, которые начинали как «сыновья пророка» (то есть подмастерья, ученики). Так, Елисей долгое время оставался с Илией, притом был не единственным его учеником и последователем, там была целая пророческая школа. И лишь после ухода Илии из этого мира Елисей выступил на самостоятельное служение.

Пророки воспринимали Божью весть по-разному – одним она открывалась как слово, а другим – как видение. Сегодня психологи говорят о том, что люди бывают «аудиалами» и «визуалами» – то же самое мы находим в Библии. Видения труднее истолковать, в них множество самых разных и не всегда понятных образов. Удивительное сочетание слов и образов мы находим в сцене призвания пророка Исайи: «Видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и края риз Его наполняли весь храм. Вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал. И зывали они друг ко другу и говорили: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф! вся земля полна славы Его!... И сказал я: горе мне! погиб я! ибо я человек с нечистыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами, – и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа. Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих и сказал: вот, это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалено от тебя, и грех твой очищен. И услышал я голос Господа, говорящего: кого Мне послать? и кто пойдет для Нас? И я сказал: вот я, пошли меня» (Ис 6:1–8).

В арсенале пророков были далеко не только слова – нередко они совершали и символические действия. Так, Иезекииль, предсказывая осаду и падение Иерусалима, устроил своеобразный макет этой осады, в центре которого находился кирпич с изображением Иерусалима. А себе пророк отмерял пищу и воду, как придется делать жителям города во время осады (Иез 4). Перед глазами иерусалимлян разворачивалось их собственное будущее...

Пророки действовали по-разному, потому что были очень разными людьми, и их личность, разум и воля полностью сохранялись, даже когда они говорили от имени Бога. Меньше всего они походили на шаманов, которые, впадая в транс, перестают владеть собой и становятся вместилищем духов. Истинный Бог не принижает человека, напротив, он возвышает его и дополняет его слабость Своей силой.

Диалог Бога и пророка

Итак, пророчество – это общение Бога с верующими в Него, и пророк здесь играет особую роль. С одной стороны, он – часть народа, с другой – находится в трагическом противостоянии с ним, поскольку сообщает волю Бога, которую не все готовы принять.

Иногда даже трудно отделить речь пророка от речи Бога. Так Захария говорит: «И возьму жезл Мой – благоволения и переломлю его, чтобы уничтожить завет, который заключил Я со всеми народами... И скажу им: если угодно вам, то дайте Мне плату Мою; если же нет, – не давайте; и они отвесят в уплату Мне тридцать сребренников. И сказал мне Господь: брось их в церковное хранилище, – высокая цена, в какую они оценили Меня! И взял Я тридцать сребренников и бросил их в дом Господень для горшечника» (11:10–13). В Синодальном переводе слова «Я» и «Мой» (с большой буквы) везде относят их к Богу. Но ведь это именно пророк Захария совершает символические действия: разламывает жезл, требует платы и кидает ее потом в храмовую казну. Или все-таки Сам Бог совершает некие действия, которые поведение пророка только иллюстрирует? Возможно. А еще... Когда Христос будет продан Иудой за те же тридцать сребренников, Его ученики вспомнят эти слова пророка. То есть поступки Захарии были, с одной стороны, свидетельством о воле Божией о его народе в его время, а с другой – они предвещали то, что еще только должно было произойти.

Вот только для самого пророка этот процесс далеко не всегда оказывается приятным и безболезненным, как для Ионы – слова и поступки Захарии напоминают нам об этом. Пророков не желали слушать, им затыкали рот, порой обрекали на мученическую смерть. Но, может быть, самым горьким для пророков было непонимание собственного народа. Им же ничего не нужно было для себя, они просто сообщали единоплеменникам самое главное, что им нужно было знать. По сути, они первыми кричали «пожар!» – и что вместо благодарности?

Когда к стенам Иерусалима подступило вражеское войско, Иеремию, обличителя грехов народа, как «пораженца» бросили в тюрьму, а потом – и в жидкую грязь опустошенного водосборника, и держали там «до исправления». Иеремия страдал, молился, просил вынуть его из грязи, в общем, вел себя далеко не героически – но замолчать он уже не мог. А к Богу Иеремия обратил такие слова: «Ты влек меня, Господи, – и я увлечен; Ты сильнее меня – и превозмог, и я каждый день в посмеянии, всякий издевается надо мною. Ибо лишь только начну говорить я, – кричу о насилии, вопию о разорении, потому что слово Господне обратилось в поношение мне и в повседневное посмеяние. И подумал я: не буду я напоминать о Нем и не буду более говорить во имя Его; но было в сердце моем, как бы горящий огонь, заключенный в костях моих, и я истомился, удерживая его, и не мог» (20:7–9).

Так ветхозаветные праведники смотрели на свое служение. Они не просто пересказывали или записывали откровения свыше. Нет, они были живыми эмоциональными людьми и могли не соглашаться с Богом и даже возражать Ему. Но, в отличие от большинства современников, они не могли обходить Его слова безразличным молчанием.

Самый яркий эпизод такого «неумения молчать» связан с первой в Библии пророческой книгой. До Иеремии пророки проповедовали устно, он стал первым пророком-писателем, продиктовав пророчества своему помощнику Варуху. Иеремию было запрещено приходить в Храм, поэтому от его имени там должен выступить Варух. Когда он прочел грозные слова народу, все были удивлены и напуганы. Варуха с его свитком вызывали в царский дворец к самому царю Иоакиму. Стояла зима, царь сидел перед жаровней с раскаленными углями, писец стал читать свиток, а царь постепенно отрезал от него прочитанное и бросал прямо на угли, пока не сжег всё.

Но Иеремия получил от Господа повеление восстановить прежний текст, что он и сделал (Иер 36). Рукописи, вопреки сказанному в знаменитом романе М.А. Булгакова,

может быть, и горят, но вот пророчества не остаются не услышанными, их слова не падают в пустоту.

Пророческий народ

Уже упомянутая вначале книга пророка Ионы учит нас, что израильский народ – в каком-то смысле особый, пророческий народ, призванный донести волю Божию до всего человечества. Это вовсе не значит, что пророками были только израильтяне. Один из первых упомянутых в Библии пророков – мадианитянин Валаам. Еще когда израильтяне только шли к своей обетованной земле, моавский царь Валак нанял его, чтобы проклясть израильский народ. В те времена отношение к пророческому слову было исключительно серьезным, и проклясть – означало причинить реальный, вовсе не символический вред. Валаам согласился, оседлал свою ослицу и отправился в путь...

Что было дальше, знает всякий, кто знаком с выражением «валаамова ослица». Она заупрямилась, не захотела идти дальше, несмотря на побои, и даже прижала ногу своего хозяина к стене. А когда он совсем рассвирепел и хотел ее убить, заговорила с ним человеческим голосом – и показала своему хозяину ангела, который и преграждал дорогу. Ангел, впрочем, позволил пророку отправиться к «заказчику», но только с одним условием: Валаам должен произнести то пророчество, которое внушит ему Господь, а не то, за которое ему обещана плата.

В поведении ослицы, конечно же, заключался глубокий смысл: дело в вести, а не в вестнике. Конечно же, бессловесное животное было ничуть не выше и не лучше знаменитого пророка, но именно оно помогло ему узнать волю Божию. Точно так же и Валаам, и любой провидец и тайнозритель – не великий гуру, а всего лишь посредник, помогающий узнать эту волю другим людям. Итак, Валаам отправился к Валаку и произнес вместо проклятий благословения, потому что так велел ему Господь (Числ 22–24).

Остальные библейские пророки были в подавляющем большинстве израильтянами. Но именно в их словах прозвучал важнейший призыв к общечеловеческому единству. Закон объяснял израильтянам, что они и только они – избранный Богом народ, но приходил пророк и давал к этому закону такой комментарий: «Не таковы ли, как сыны Ефиоплян, и вы для Меня, сыны Израилевы? говорит Господь. Не Я ли вывел Израиля из земли Египетской и Филистимлян – из Кафтора, и Арамлян – из Кира?» (Ам 9:7). И более того, грядущее процветание Израиля становится уже неотделимым от обращения к Богу всех народов: «...приду собрать все народы и языки, и они придут и увидят славу Мою. И положу на них знамение, и пошлю из спасенных от них к народам: в Фарсис, к Пулу и Луду, к натягивающим лук, к Тубалу и Явану, на дальние острова, которые не слышали обо Мне и не видели славы Моей: и они возвестят народам славу Мою» (Ис 66:18–19).

Именно пророки задолго до Нового Завета объявили во всеуслышание: подлинное почитание Единого Бога есть дело всего человечества, а не только одного народа. Роль же этого народа заключается, прежде всего, в том, чтобы вести человечество к Нему. Конечно, в те далекие времена это открывалось лишь отдельным людям. Например, когда сирийский полководец Нееман заболел проказой, одна из служанок его жены, израильтянка, рассказала ему о чудотворце и пророке Елисее, который наверняка сможет его исцелить. Нееман отправился в Израиль, и Елисей... велел ему семь раз омыться в Иордане. Полководец в гневе воскликнул: «Разве Авана и Фарфар, реки Дамасские, не лучше всех вод Израильских?» (4 Цар 5:12). Но слуги уговорили его попробовать... и это сработало! Только ему, как и Ионе и множеству других людей, нужно было сначала отказаться от национальной гордости и сознания собственной значительности, чтобы принять Бога, действующего порой совсем не так, как мы от Него ожидаем.

Наверное, пророк – это, прежде всего, человек, который готов к этой неожиданной встрече, который в состоянии, как Иона, отказаться от собственных стереотипов и

ожиданий ради живого и требовательного Слова Божьего. И потому он так нужен всем нам.

Поэтому традиция библейского пророчества никогда не прекращалась ни в Новом Завете, где пророческий дар упоминается среди особых дарований (напр. Рим 12:6), ни в истории Церкви. Мы видим ее и в решительном противостоянии святых сильным мира сего, и в подвиге юродства, и во многом ином. Конечно, не обходилось без нездоровой мистики и профанаций, но, как известно, наличие подделок только доказывает, что существует и оригинал. Пророческий дух, горевший в ветхозаветном Израиле и воспринятый новозаветной Церковью, не давал Ей выродиться в самодостаточное духовное ведомство со своим неизменным распорядком и раз и навсегда данными ответами на все вопросы. И каждый раз, когда такая опасность становилась реальностью, повторялась старая история: появлялся человек, «и было слово Господне к нему, и встал он, и пошел, и начал проповедовать...»

30. В чем смысл пророчеств?

В прошлой главе мы говорили о библейских пророках. Но в чем актуальность произнесенных ими пророчеств для современного человека, который живет в совершенно ином мире и занят иными заботами? И вообще, что такое пророчество – предсказание будущего, набор неких туманных образов или инструкция людям от Бога? Зачем оно нужно?

Ослицы и царский престол

Людям всегда хотелось заглянуть за грань ведомого: в старину они обращались к гадалкам и прорицателям, сегодня – к экстрасенсам и футурологам. В этом смысле с библейских времен ничего не изменилось: Библия, например, рассказывает как некий юноша по имени Саул, потеряв ослиц своего отца, решил отправиться к провидцу Самуилу, чтобы узнать, где их найти. Но Самуил оказался не просто провидцем, а настоящим пророком – Господь открыл ему, что именно этого неприметного паренька Он хочет сделать первым царем Израиля. Так Саул, искавший ослиц, нашел царский престол.

В этом, пожалуй, основное отличие пророчества от гадания. Обращаясь к гадалке, человек ждет ответа на вполне конкретный житейский вопрос: где ослицы, за кого выходить замуж, какие акции покупать. А пророчество само врывается в человеческую жизнь, открывая людям волю Божию о них самих и окружающем мире. Оно зачастую неудобно и нежеланно: даже Саул сначала смутился, спрятался и не хотел выходить, когда израильтяне стали призывать своего царя. Что уж говорить о тех пророчествах, которые обличают и грозят бедой!

Но значит ли это, что пророчество, как и гадание, тоже имеет только один конкретный смысл, относящийся к ближайшей перспективе? Вовсе нет. Вслушаемся в слова Исаяи: «Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему. Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней. Видящие тебя всматриваются в тебя, размышляют о тебе: тот ли это человек, который колебал землю, потрясал царства, вселенную сделал пустынею и разрушал города ее, пленников своих не отпускал домой? Все цари народов, все лежат с честью, каждый в своей усыпальнице; а ты повержен вне гробницы своей, как презренная ветвь, как одежда убитых, сраженных мечом, которых опускают в каменные рвы, – ты, как попираемый труп, не соединишься с ними в могиле; ибо ты разорил землю твою, убил народ твой: во веки не помянется племя злодеев. Готовьте заклятие сыновьям его за беззаконие отца их, чтобы не восстали и не завладели землею» (Ис 14:12–21).

О ком и о чем это? Денница – утренняя звезда, обычно отождествляемая с Венерой, но речь тут, конечно, не об астрономических явлениях. Исаия утверждает, что это сказано о царе Вавилона, самой жестокой империи того времени и наиболее страшном враге израильтян. Но эти слова пророка вспоминаются и в Новом Завете. Христос говорит: «Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию» (Лк 10:18) – по-видимому, имея в виду именно эти слова Исаяи. При этом Он однозначно называет того, кто спал с неба, сатаной. А еще эти слова можно отнести и к В.И. Ленину и его верным соратникам: вспомним о богоборческом пафосе Ленина, и о его прижизненном и посмертном культе, и о падении основанного им общественного строя, и об истреблении ближайших соратников, и даже о том, что он до сих пор не похоронен.

Так о ком же это пророчество – о вавилонском царе, о сатане или о председателе Совнаркома? Обо всех них сразу, и о каждом в отдельности. Исаия говорит о гордом и жестоком правителе-богоборце. Наиболее полное и яркое воплощение этой идеи – действительно, сатана, но, к сожалению, в мировой истории не один он пошел по этому

пути. Правители Вавилона или Третьего Рейха, вожди большевизма и африканские диктаторы – в этой галерее множество имен из разных стран и эпох. Следуя за сатаной, они уподобляются ему в той или иной степени. Пророчество говорит об истории, но воспринимает ее как окно, через которое можно взглянуть на Вечность. Или, точнее, показывает нам, какими глазами Вечность смотрит на нашу современность. Поэтому пророчество, даже однажды уже сбывшееся, остается в каком-то смысле открытым для последующих событий, которые тоже могут стать его исполнением, если совпадет духовный вектор.

Пророчество как нерв

Пророчество – это нерв Писания, подобно тому, как закон – это его скелет, а история – мышцы (не случайно в Евангелиях Ветхий Завет обычно называют «Закон и пророки»). Нерв может передавать разные сигналы, и поэтому у пророчеств обычно бывает не менее двух смыслов: один связан с непосредственной исторической ситуацией, а другой уводит нас в далекое будущее.

Царь Иудеи (Южного царства) Ахаз беспокоился: Израиль (Северное царство) заключил союз с Сирией и готовился напасть на Иудею. Сможет ли он противостоять такому нашествию? И тут ему навстречу вышел пророк Исайя: «Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве примет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил. Он будет питаться молоком и медом, доколе не будет разуметь отвергать худое и избирать доброе; ибо прежде нежели этот младенец будет разуметь отвергать худое и избирать доброе, земля та, которой ты страшишься, будет оставлена обоими царями ее» (Ис 7:14–16).

Если читать это пророчество в историческом контексте, смысл его кажется вполне очевидным: некая девушка забеременеет, родит сына (вполне естественный процесс), и этот ребенок будет еще совсем маленьким, когда обоих угрожающих Ахазу царей уже не будет в живых. Возможно, речь шла о жене Ахаз (еврейское слово *альма* могло подразумевать и юную замужнюю женщину) или о ком-то, кто стоял поодаль; Исайя даже мог в этот момент показывать на нее пальцем.

Но любой, кто читает этот текст сегодня, видит в нем пророчество о рождении Иисуса Христа от Девы Марии. Неужели евангелист Матфей нафантазировал, когда привел это пророчество именно в таком смысле (1:23)? Конечно же, нет. В этом особенность практически всех пророчеств: они обычно указывают на конкретно-исторические события, но в них содержится и нечто большее, чем сами эти события. В них Бог раскрывает, как именно Он действует в этом мире, на каком языке говорит с людьми. И когда происходит нечто похожее (не только по внешней канве, но и по сути событий), библейские авторы осмысливают это как продолжение той же самой линии пророчеств.

Можно привести пример из недавних лет. После катастрофы на Чернобыльской АЭС многим вспомнились строки из Откровения Иоанна Богослова: «Упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде “полынь”; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки» (Откр 8:10–11). Дело в том, что один из видов полыни действительно называется «чернобыльник». Но значит ли это, что Иоанн Богослов писал конкретно о Чернобыльской катастрофе? Нет, конечно. Но и о ней тоже. Потому что он дал нам язык образов, говорящих о конце нашего мира. Эта катастрофа – еще один шаг к тому, что описано в Откровении, но это не означает, что не может быть какой-то иной «звезды полыни», в ином месте и в иное время.

Пророчества создают некое пространство смыслов, которое может помочь нам ориентироваться в сложных событиях человеческой истории. А может и не помочь, ведь всё, в конечном счете, зависит и от нашего прочтения тоже.

Телескопическое видение

В 13-й главе Евангелия от Марка мы читаем, что сказал Иисус, когда ученики восхищались великолепными храмовыми сооружениями: «всё это будет разрушено, так что не останется здесь камня на камне. И когда Он сидел на горе Елеонской против храма, спрашивали Его наедине Петр, и Иаков, и Иоанн, и Андрей: скажи нам, когда это будет, и какой признак, когда всё сие должно совершиться? Отвечая им, Иисус начал говорить: берегитесь, чтобы кто не прельстил вас, ибо многие придут под именем Моим и будут говорить, что это Я; и многих прельстят. Когда же услышите о войнах и о военных слухах, не ужасайтесь: ибо надлежит сему быть, – но это еще не конец... Когда же увидите мерзость запустения, реченную пророком Даниилом, стоящую, где не должно, – читающий да разумеет, – тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы... Ибо в те дни будет такая скорбь, какой не было от начала творения, которое сотворил Бог, даже донныне, и не будет... Но в те дни, после скорби той, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются. Тогда увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках с силою многою и славою» (Мк 13:2–26).

О чем это? Очевидно, о падении Иерусалима и разрушении Храма, на месте которого римляне со временем воздвигли языческое святилище («мерзость запустения»). Город пал в 70 году от Р.Х. – от произнесения пророчества до его исполнения прошло менее полувека. Но... ведь звезды не пали тогда с неба, и Сын Человеческий не пришел во славе? Более того, не один раз с тех пор Иерусалим брали штурмом. Всё продолжается по кругу, хотя среди первых христиан и в самом деле были очень сильны ожидания конца света: вот-вот опять придет Иисус...

Что же, пророчество не сбылось? Вовсе нет, ведь здесь, как и во многих ветхозаветных текстах, события соединяются по их внутреннему смысловому единству, а не по их хронологической смежности; тем более что для Бога тысяча лет как один день (Пс 89:5). Падение Иерусалима и разрушение Храма (который до сих пор не восстановлен, хотя евреи давно уже вернули себе контроль над городом) – важнейшее событие во всемирной драме, которая завершится уничтожением всего этого мира, поэтому здесь одно описывается как продолжение другого. Но мы не знаем, сколько лет разделяют эти события – две тысячи или двести миллионов лет; и сам Иисус говорил, что никто не знает «ни дня, ни часа» (Мф 25:13).

Такое видение, характерное для библейских пророков, иногда называют «телескопическим» – разнесенные во времени события совмещаются в тексте, как разные секции телескопа вкладываются одна в другую.

До или после? Буквально или символически?

Бывает, что пророчество неожиданно упоминает какую-то деталь, которая кажется довольно бессмысленной в изначальном контексте, но проходит время, и вдруг... Пророк Наум, говоря о грядущем падении Ниневии, столицы ассирийского царства, сказал: «речные ворота отворяются, и дворец разрушается» (Наум 2:6). Что за «речные ворота», причем они здесь? В 612 году до Р.Х. войско мидян подступило к неприступным стенам Ниневии, стоявшей неподалеку от берега реки Тигр. Чтобы взять город, мидяне прорыли каналы и направили течение реки прямо на стены, вода подмыла их, и они рухнули. Город достался мидянам неожиданно легко.

Иногда такие совпадения заставляют исследователей последующих времен подозревать, что на самом деле «пророчество» было сделано уже после того, как произошло описанное в нем событие. Что же... у нас, разумеется, нет справки с печатью, которая удостоверяла бы, что Наум произнес свои слова до 612-го года. Но по всему тону его книги видно, что Ниневия во время произнесения этих пророчеств еще была реальной угрозой. Мы же можем отличить, написано ли обличение гитлеровского режима до или

после весны 1945 года – то есть, оглядывается ли автор на свершившийся исторический факт разгрома Третьего Рейха в войне или только ожидает его.

Пророчество, при всей своей надмирности, всегда связано с исторической конкретикой. Именно это обстоятельство привело многих исследователей Библии к выводу, что главы книги Исаяи, начиная с 40-й, написаны другим человеком, жившим позднее, ближе к концу вавилонского плена, который Исаяя только предсказывал. В самом деле, эта глава начинается с благой вести: наказание Израиля окончено, его ждет скорое освобождение и возвращение домой. Стоило ли говорить это в тот момент, когда наказание еще даже и не начиналось, а народ спокойно сидел по домам? Это все равно что предсказать скорое падение коммунизма в конце XIX века, как раз накануне его неожиданной победы. Конечно, пророк мог предвидеть даже отдаленное будущее, но такое прорицание скорее сбило бы с толку его слушателей.

Да и нет ничего дурного в том, что пророчества какого-то другого человека, жившего позднее, но продолжавшего ту же самую пророческую традицию, были присоединены к словам Исаяи. Точно так же складывались другие библейские книги, например, Притчи Соломоновы или Псалтирь Давидова – к текстам, написанным Соломоном и Давидом, в более поздние времена были добавлены другие подобные тексты, как недвусмысленно указывают и сами эти книги. В Псалтири же есть 136-й псалом «На реках вавилонских», которого Давид, живший задолго до плена, написать не мог (о нем шла речь в 27-й главе). Не то чтобы он не мог этого предугадать, просто это не было его личным опытом, подлинным переживанием.

Впрочем, иногда дистанция, на которой «работает» пророчество, огромна. Вслушаемся в слова благословения, которые дает Ной своим сыновьям: «благословен Господь Бог Симов; Ханаан же будет рабом ему; да распространит Бог Иафета, и да вселится он в шатрах Симовых; Ханаан же будет рабом ему» (Быт 9:26–27). Какие народы считаются в Библии потомками трех сыновей Ноя? От Иафета произошли европейские народы, от Сима – семиты (арабы и евреи), среди которых зародились все три монотеистические религии, а от Хама, отца Ханаана – африканцы. Разве не напоминают нам слова Ноя об истории Нового времени, о колонизации, рабовладении, распространении монотеистических религий по всему миру?

Есть и такие пророчества, исполнение которых, может быть, предстоит увидеть только нашим дальним потомкам – и таких в Библии очень много. Вот, например, из книги Исаяи: «Волк и ягненок будут пастись вместе, и лев, как вол, будет есть солому, а для змея прах будет пищею: они не будут причинять зла и вреда на всей святой горе Моей, говорит Господь» (Ис 65:25). Речь явно идет о грядущем царствии Божиим... но как же понимать эти слова? Волк и лев станут вегетарианцами? Но это физиологически невозможно; более того, такой травоядный лев явно утратит всю свою «львиность». Кто-то предпочитает видеть здесь символику: мол, под разными животными имеются в виду люди, одни из которых угнетают и пожирают других. Но скорее, здесь речь идет о каком-то удивительном мире, где не будет ни зла, ни страданий, ни смерти, даже в животном мире. Видимо, это будет действительно совершенно новый мир, с новыми телами для живых существ, и сейчас мы просто не в состоянии представить себе это в деталях. Ведь пророчество их и не дает, оно только указывает главное.

Мы называем пророчества важнейшим мостом между Ветхим и Новым Заветами, а также между ними и нашей современностью. В самом деле, евангелисты постоянно подчеркивают, что в жизни Иисуса Христа сбылись пророчества былых времен; более того – на этом строится их логика, их замысел. Но что значит «сбылись»? Ведь это не прогноз погоды, который можно проверить с помощью термометра и барометра – об этом говорилось уже в 20-й главе. Нет, пророчество всегда указывает на волю Божию об этом мире и человеке, а узнать и принять эту волю Божию о себе каждый человек может только сам.

Но не менее важно и другое: пророчества не прекратились, когда была поставлена последняя точка в последней книге Ветхого Завета. Новый Завет тоже полон пророчеств, продолжающих ветхозаветную традицию. И невозможно верно понять и оценить ни жизнь современной Церкви, ни Новый Завет, если не знаешь Ветхого. Пророческий дух продолжает жить в Церкви, а сбываются эти пророчества уже в нашей жизни. Ведь мы с вами живем в ту эпоху, которая описывается в последнем пророчестве Библии, завершающем Откровение Иоанна Богослова: «Неправедный пусть еще делает неправду; нечистый пусть еще сквернится; праведный да творит правду еще, и святой да освящается еще. Се, гряду скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его» (Откр 22:11–12).

31. Кто такие апостолы?

Как в Ветхом Завете весть от Бога передавали людям пророки, так в Новом о Христе рассказывают апостолы. Но почему произошла такая замена? Были ли апостолами только непосредственные ученики Христа, или ими становились и другие люди? Кто они вообще такие, апостолы, и что особенного было в их жизни и служении? Почему, наконец, их послания занимают так много места в Новом Завете?

Рыбаки и мытарь

Чтобы понять суть христианства, мы обращаемся к Евангелиям – к истории Самого Иисуса Христа. Но мудрых книг на свете много, и оценивать любую религию или философию нужно не только по красивым словам, но и по тому, что из этих слов получилось. Вот почему в Новом Завете сразу после Евангелий идет книга Деяний Апостолов – это история первых учеников Христа, распространивших новую веру по окрестным землям. А затем идет 21 Послание апостолов (всего в Новом Завете 27 книг) – как, оказывается, велика их роль! Собственно, и Евангелия – это не только история жизни Иисуса Христа, но и рассказ о том, как Он готовил апостолов к их будущему служению.

Впрочем, в Новом Завете говорится только о некоторых из апостолов, да и о тех рассказано далеко не всё. Остальное мы узнаем из их житий и других произведений раннехристианской письменности.

Само греческое слово *апостолос* означает «вестник, посланник». Так могли назвать гонца, отправленного с вестью в другой город, или даже посла, которого царь посылает вести переговоры от его имени. Столь почетное звание досталось совсем простым людям, большинство из них было рыбаками из Галилеи! Это была самая дальняя от Иерусалима область Палестины, там проживало немало язычников, столичные жители относились к галилитянам свысока, как к провинциалам-полуязычникам. Те даже говорили с заметным акцентом, по которому Петра однажды опознали во дворе первосвященника (Мф 26:73). А рыбак – это одна из самых простых и непритязательных профессий. Ловили рыбу на Галилейском озере в основном ночью, так что рыбак не всегда успевал выспаться, он пропах рыбным запахом, а всё его благополучие зависело от удачного улова. Может быть, потому братья Симон и Андрей, едва заслышав приглашение странствующего Проповедника: «идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков» (Мф 4:19) – сразу послушались Его, бросили даже сети, которые после каждой ловли полагалось чистить и чинить. И так стали первыми призванными апостолами.

Впрочем, Матфей был и вовсе мытарем – сборщиком податей. Сборщики не просто обирали своих соседей и соплеменников, зачастую в пользу своего кармана, а не казны – но они, сверх того, служили оккупантам-римлянам. Говоря современным языком, они были коллаборационистами. «И он встал и последовал за Ним» – так евангелист Матфей повествует о своем собственном выборе (Мф 9:9). Он бросил доходное место в самом прямом смысле слова – бросил, не найдя себе замены, не сдав дела, возможно, не собрав даже рассыпанных на столе монет... Но удивительна не только эта его готовность – важно, что Христос не отказал никому из тех, кто действительно желал стать апостолом. Он не отдалил от Себя даже Иуду Искариота, когда уже знал, что тот собирается предать Его (Ин 6:64). Обратный путь оставался для Иуды открытым до конца, но он сам предпочел предательство, а затем и самоубийство.

Христос избрал этих людей и отправил на проповедь еще прежде Своего распятия и воскресения, когда, казалось бы, они совсем не были к этому готовы. Учиться всему им приходилось по ходу дела, и тут неизбежны были и ошибки, и сомнения. Так, Петр, когда схватили Иисуса, трижды отрекался от него перед другими людьми, боясь преследований (Мф 26:69–75). Другому апостолу, Фоме, непросто далась вера в Воскресение: он не мог принять чужого свидетельства и должен был сам осязать воскресшего Христа. И Христос

действительно явился ему, настолько важным было для Него привести к вере и Фому (Ин 20:24–29).

Вестники Царя

Христос – Царь мира, апостолы – его послы. Ветхозаветные пророки обращались, прежде всего, к Израилю, напоминая ему о вере отцов, открывая ему волю Божию, но перед апостолами с самого начала стояла несколько иная задача. Сам Христос назвал ее так: «будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли» (Деян 1:8). Главное, что от них требовалось – личное свидетельство о Христе перед всеми народами, и такой же остается основная миссия Церкви и по сей день.

Казалось бы, звание царского посла исключительно почетно, оно дает его носителю немалые привилегии и полную неприкосновенность. Но об апостолах этого никак не скажешь: они пошли по пути своего Учителя, проповедуя благую весть в разных странах, и такая проповедь приводила их к мученической смерти. Они отправились в поход, чтобы завоевать мир для новой веры, но действовали не мечом, а словом, и кровь, которая проливалась, могла быть только их собственной кровью. Не так ли поступил Сам их Учитель?

Изначально апостолов было двенадцать – именно столько оказалось ближайших учеников, повсюду следовавших за Учителем. Вот их имена, кроме Иуды Искариота, как перечисляет их книга Деяний: «Петр и Иаков, Иоанн и Андрей, Филипп и Фома, Варфоломей и Матфей, Иаков Алфеев и Симон Зилот, и Иуда, брат Иакова» (1:13). Число двенадцать было еще и символическим, оно означало полноту: именно столько насчитывалось «колен», то есть племен в израильском народе.

Один из двенадцати, Иуда Искариот, оказался предателем. Тогда апостолы решили избрать на освободившееся место по жребию еще одного человека из числа учеников «второго ряда» (им оказался некто Матфий); постепенно к двенадцати апостолам добавились и другие, числом семьдесят. Не все из них были знакомы со Христом во время Его земного служения, но их проповедь и сама жизнь вполне следовали тому образцу, который показали первые апостолы. Особый случай – это апостол Павел, автор многих книг Нового Завета. Его, строго говоря, никто не «назначал» на эту должность, и об этом мы еще поговорим дальше. Более того, проповедники, принесшие христианство в новые земли в последующие века, обычно называются «равноапостольными» – повторив через многие века подвиг апостолов, они словно сравнивались с ними. Значит, апостольское служение – не просто подробность евангельской истории и даже не эпизод из истории Церкви, но нечто такое, что постоянно живет в ней.

Единство в главном не означает, что у апостолов не возникало споров и разногласий. Они неизбежны среди людей, особенно если они занимаются делом такого масштаба. Например, Петр отмечал, что в посланиях Павла «есть нечто неудобовразумительное» (2 Петр 3:16), а Павел рассказывал, как горячо спорил с Петром, доказывая, что христианам нет нужды соблюдать ветхозаветные пищевые ограничения (Гал 2:11–14).

Но все разногласия они старались решить в мире и любви. Одно из таких собраний, где обсуждался как раз вопрос об отношении к бывшим язычникам, описывает 15-я глава книги Деяний – мы называем его сегодня Иерусалимским Собором, по месту его проведения. Он стал, по сути, первым в длинной череде Соборов, решавших основные вопросы веры и жизни Церкви. «Угодно Святому Духу и нам...» – так начиналось принятое на соборе постановление. Все решала не борьба фракций и не единоличная воля диктатора – нет, ответ был найден в таинственном взаимодействии Духа Святого и человеческих волей, и этот принцип остался краеугольным для церковной жизни навсегда. И когда сегодня мы говорим об «апостольской церкви», мы не просто признаем тот факт, что Церковь была основана этими людьми, мы стараемся следовать их опыту веры и жизни.

Две судьбы

Итак, апостолы были людьми разного возраста, опыта, характера, но вместо общих характеристик стоит теперь сказать о двух людях, очень не похожих друг на друга – о Петре и Павле. Прославляя их в один день (29 июня по старому стилю), Церковь, видимо, хочет напомнить нам о разнообразии человеческих характеров и путей, ведущих к Богу. Обоих апостолов называют первоверховными, но и первенство у них совсем не одинаковое. Петр был одним из ближайших учеников Христа при Его земной жизни, мы постоянно встречаем его в Евангелиях – а Павел вообще не имел никакого отношения к евангельским событиям. Он начал проповедовать намного позднее, его первенство – это первенство результата, первенство основанных им общин и написанных книг.

Симон, позднее прозванный Петром, как его брат Андрей, был простым галилейским рыбаком. А вот Павел, или точнее, Савл (как назывался он прежде обращения ко Христу), напротив, был из тогдашней элиты. Родился он в эллинистическом городе Тарсе, столице провинции Киликия, был из колена Вениаминова, как и царь Саул, в честь которого его называли. Одновременно он по рождению был римским гражданином – редкая для провинциалов привилегия, дававшая ему множество особых прав (например, требовать суда лично у императора, чем он впоследствии и воспользовался, чтобы попасть в Рим за казенный счет). *Паулюс*, то есть «малый», это ведь римское имя – вероятно, оно было у него с самого начала, но только после обращения в христианство он стал использовать его вместо прежнего имени Савл. Образование он получил в Иерусалиме, у авторитетнейшего богослова того времени, Гамалиила. Савл принадлежал к числу фарисеев – ревнителей Закона, стремившихся в точности исполнить все его требования и все «предания старцев». Хотя Христос обличал фарисеев, но мы знаем несколько примеров, когда именно фарисеи становились Его преданными учениками, так что Савл-Павел был в этом не одинок.

А вот в характере у Симона и Савла было немало общего. Выучившись у Гамалиила, Павел не просто погрузился в толкование Моисеева Закона. Нет, ему надо было применять и даже насаждать этот Закон на практике – а самой подходящей областью применения ему показалась борьба с недавно возникшей «ересью», сторонники которой рассказывали о некоем воскресшем Иисусе и о том, что вера в него куда важнее дел Закона! Такого Савл снести не мог. Когда за подобную проповедь побивали камнями диакона Стефана, он всего лишь сторожил одежду побиваемых (Деян 7:58–59), но скоро ретивый юноша сам выступил в путь, чтобы покарать неверных в Дамаске (Деян 9). Именно на этом пути произойдет встреча, навсегда изменившая его жизнь.

А Симон, с самого начала бывший учеником Христа? Он такой же пламенный и нетерпеливый. Вот Христос приказывает ему, еще рыбаку, а не апостолу, заново закинуть сети после безуспешного ночного лова – и он повинуется, а когда сеть приносит необычайный улов, говорит Учителю: «выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный» (Лк 5:8). Настолько остро ощущал он свое недостойнство и свою нечистоту... Зато позднее, увидев Спасителя идущим по воде, он, наоборот, немедленно просит: «повели мне придти к Тебе по воде» (Мф 14:28). Да, потом он усомнился и начал тонуть, но остальные-то апостолы даже попробовать не решились! Когда рядом с Симоном происходит чудо, он немедленно должен отреагировать на него, всё для него свершается здесь и сейчас. И не случайно именно он без колебаний произносит свое вероисповедание, еще задолго до Воскресения Христова: «Ты – Христос, Сын Бога Живаго» (Мф 16:16). А ведь даже Иоанн Креститель посылал ко Христу учеников с вопросом, Он ли то был на самом деле... (Мф 11:3) Петр не сомневается, и в ответ на эти слова Христос и называет его камнем, на котором Он созиждет Свою Церковь. Арамейское и греческое слово для обозначения камня, соответственно *Кифа* и *Петр*, становятся новыми именами Симона.

В жизни каждого из них был переломный момент, сделавший их тем, кем они стали. Савлу, как уже было сказано, явился по дороге в Дамаск Воскресший Христос и

спросил его: «Савл, Савл! что ты гонишь Меня?» (Деян 9:4). С этого момента в его жизни изменилось всё – точнее, его собственной эта жизнь уже не была, она была посвящена проповеди Того, Кого он прежде гнал.

А для Петра таким моментом стало, наоборот, отречение. Накануне распятия он обещал Христу, что и под страхом смерти не оставит Его, но Христос ответил: «в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня» (Мф 26:34). Может быть, если бы к нему тут же приступили палачи, он мужественно пошел бы на казнь, но впереди была долгая ночь, полная страхов и неизвестности... И Петр как-то незаметно отрекся от Христа, по-будничному, сам того не заметив – вплоть до самого петушиного крика. На собственном примере первый из апостолов увидел, как легко можно стать последним. И только после покаянных слез Петра прозвучали обращенные к нему слова Спасителя: «паси овец Моих» (Ин 21:17). Но прежде Он задал ему очень простой вопрос: «любишь ли ты Меня?» Задал его трижды, так что Петр даже расстроился, но после ночи с петухом это было не лишним: трижды отрекшийся трижды исповедал свою любовь.

А что за эту любовь придется платить спокойствием и комфортом, оба они, и Петр, и Павел, прекрасно знали. Сразу же после исповедания Петром своей любви Иисус пророчесствует о его смерти: «прострешь руки твои, и другой препояшет тебя, и поведет, куда не хочешь» (Ин 21:18). Мученическая смерть была своего рода условием апостольства, и как не понимать это было Петру, видевшему распятие Учителя, и как не понимать Павлу, который сам прежде мучил христиан! Оба были казнены в Риме в шестидесятые годы от Р.Х., еще даже прежде, чем была закончена последняя книга Нового Завета.

С самого начала благовестие было обращено прежде всего «к погибшим овцам дома Израилева», и Петру потребовалось чудесное видение (Деян 10), чтобы убедиться: язычников Бог точно так же призывает к вере, как и иудеев. Тем не менее, он в основном проповедовал своим братьям по вере, да и трудно, пожалуй, было простому галилейскому рыбаку обращаться к иноязычной и иноверческой аудитории. Зато это хорошо получалось у образованного Павла, который и сказал: «мне вверено благовестие для необрезанных, как Петру для обрезанных» (Гал 2:7).

Вообще, различий между ними довольно много – например, Петр еще до встречи со Христом был женат, а Павел решил всегда оставаться холостым, чтобы семейные дела не мешали его главному призванию. Впрочем, и о Петре сам Павел говорил, что жена была его спутницей (1 Кор 9:5) – значит, семейная жизнь не обязательно должна быть помехой миссионерству.

Своими словами

Сравнивать двух апостолов, которые впоследствии были названы первоверховными, можно долго и подробно, отмечая общее и особенное в жизни каждого из них. Но лучше всего дать слово им самим, чтобы они сказали нам, что это такое – быть первыми среди апостолов.

Петр: «Пастырей ваших умоляю я, сопастырь и свидетель страданий Христовых и соучастник в славе, которая должна открыться: пасите Божие стадо, какое у вас, надзирая за ним не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но из усердия, и не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду; и когда явится Пастыреначальник, вы получите неувядающий венец славы» (1 Петр 5:1:4).

И Павел: «...я, обрезанный в восьмой день, из рода Израилева, колена Вениаминова, еврей от евреев, по учению фарисей, по ревности – гонитель Церкви Божией, по правде законной – непорочный. Но что для меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою. Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа... Говорю так не потому, чтобы я уже достиг, или усовершенся; но стремлюсь, не достигну ли я, как достиг меня Христос Иисус» (Флп 3:5–8,12).

Да лучше и не скажешь.

32. Что говорит Библия о Царствии небесном?

Если бы нам потребовалось в двух словах сказать, в чем сама суть проповеди Христа, это было бы совсем нетрудно сделать: Царствие Божие или Царствие Небесное (в Евангелии это синонимы). Конечно, Христос говорил об очень и очень многом, но именно это понятие стояло в самом центре Его учения, именно оно радикально отличало его проповедь от слов множества славных пророков, царей и псалмопевцев. Что же это такое – Царствие?

«Господь царствует вовеки»

В поисках ответа нам придется обратиться сначала к Ветхому Завету: как и многие другие понятия из Нового Завета, проповедь Царства тоже основана на образах и идеях Завета Ветхого. «Господь воцарился», или, точнее, «Господь царствует» – мы встречаем это выражение в Псалтири (напр., 46:9). Звучит оно вроде бы просто и понятно, но только что оно на самом деле означает?

Господь обладает верховной властью над всем этим миром как его Творец, и в этом смысле мы можем называть Его Царем. В то же время мир полон зла, мы видим, что в нем слишком часто творится воля не Бога, а совсем другой личности – сатаны, которого Евангелие не случайно называет «князем мира сего». И потому Господь избирает один народ, Израиль, который он тоже в определенном смысле слова создает из ничего, выведя его из египетского рабства и даровав этой толпе бывших рабов Закон и людей, способных научить ее этому Закону. Поэтому для израильтян Господь есть царь в совершенно особом смысле. «Господь будет царствовать вовеки и в вечность» (Исх 15:18) – так заканчивается песнь израильтян после их перехода через Черное море, в тот самый момент, когда этот народ действительно становится народом.

Народом Израиля, конечно, правили люди – но это были избранные Господом пророки (Моисей) или судьи – харизматические вожди. Они, по сути, были Его прямыми наместниками на земле. Народ, правда, со временем стал этим недоволен и пожелал установить у себя обычную монархию, как у всех прочих народов. Ответ Господа пророку Самуилу, который тогда правил Израилем, ясно показывает, что на самом деле тогда произошло: «не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними» (1 Цар 8:7). Народ избирает монархическую форму правления, отступая от идеала *теократии*, но дальше сам Господь избирает угодного Ему царя – сначала Саула, потом и Давида, за потомством которого израильский престол должен был оставаться навсегда.

Кстати, представления о теснейшей связи царя и божества были характерны не только для древнего Израиля – они были широко распространены на всем древнем Ближнем Востоке. И в Месопотамии, и в Египте цари были или божествами, или представителями божеств. Земной порядок в идеале был призван стать проекцией порядка небесного, и царь был посредником между двумя мирами, представляя свой народ перед небом, и являя небо на земле. Израильтяне стремились к тому же, а что отличало избранный народ от всех остальных, так это вера в Единого Бога и в Его царство как в торжество абсолютного добра.

Но ведь на практике далеко не каждый царь стремился к такому добру, и уж совершенно точно никто из них не был достойной иконой Бога? Действительно, так. В Израиле мог царствовать идолопоклонник или преступник, но израильтяне никогда не теряли памяти о том, что на самом деле их подлинный Царь – Господь. Именно отсюда и происходят представления о Мессии как о Праведном Царе, который однажды утвердит на земле Царствие Небесное, то есть в полной мере проявит в здешней временной жизни принцип «Господь царствует вовеки».

«Приблизились Царствие Небесное»

Именно к народу, находящемуся в напряженном ожидании такого Мессии, обратил свою проповедь Иоанн Креститель: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф 3:2) Он не говорит людям больше ничего: само по себе приближение Царства уже служит единственной и достаточной причиной покаяния (на древнееврейском – «обращения, возвращения»).

Это звучало почти как призыв к революции в стране, которая, утратив свою независимость, находилась под римской оккупацией, и царь которой, Ирод, совершенно очевидно не соответствовал высокому призванию израильского царя – да и не был, кстати, законным наследником Давида.

Люди начинают задавать Иоанну вопросы, что же им делать в связи с этим приближением – и ответы до некоторой степени объясняют нам, каким он видел Царство. Оказывается, людям не надо делать ничего особенного – только отказаться от греха, попросить у Господа прощения и постараться жить честно чисто. Даже те люди, кто служил на земле Израиля ненавистным римским оккупантам – сборщики налогов и солдаты – не должны были оставлять своих прежних занятий, а только отказаться от притеснения остальных людей (Лк 3:12–14). Это уже было что-то неожиданное: если в страну приходит новый царь, разве не потребует он, чтобы ему немедленно принесли присягу, отказавшись от всяких обязательств перед прежними властями?

Но Иоанн ничего не разъяснял подробно. В один из дней он просто показал людям на Человека, Который пришел к нему креститься – и сказал, что именно Его приход и предсказывали пророки. И снова никаких объяснений, никаких резких перемен.

А дальше? Да, казалось бы, ничего особенного не происходит. Ученики следуют за Учителем. Он проповедует, совершает чудеса, исцеляет больных и даже воскрешает мертвых, и это естественно – если на земле наступает Царство Божие, то смерть, болезнь и страдание неизбежно отступают. Казалось бы, вот еще шаг-другой, и... «не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю?» (Деян 1:6) – так спросят его ученики потом, уже после Воскресения, но только потому, что этот вопрос был у них на устах с самого начала. Вот, сейчас, думают они, начнется победное шествие Царя-Мессии по всему миру, римские войска рассеются, нечестивцы будут истреблены, а праведники начнут править миром.

Но ничего такого не происходит, и в том, видимо, и кроется главная причина, по которой толпы, встречавшие Христа торжественными криками при входе в Иерусалим, всего через несколько дней будут настойчиво кричать «распни Его!» (Мк 15:13–14). Он ничего не сделал этим людям – но Он не оправдал их расчетов на немедленную победу над римлянами, а такое не прощают никому, и вот они готовы требовать от римлян, чтобы несостоявшегося Царя пригвоздили ко кресту. Это хорошо почувствовал и сам Пилат, велел написать на кресте «царь иудейский», причем на трех языках сразу, чтобы все прочитали и запомнили (Лк 23:38). Вообще, как мы помним по истории Его допроса, Христа действительно официально обвиняют не в чем ином, как в претензии на царское достоинство – и этого Он не отрицает (Мф 27:11).

Распятие, конечно, было крушением всех надежд для учеников Христа. «А мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля» (Лк 24:21) – говорят Его ученики, причем говорят уже после того, как Он воскрес и им об этом рассказали, более того – говорят Самому Христу, встретив его по дороге домой и не узнав. Все произошедшее слишком сильно отличалось от того, чего они ожидали.

И этот шок, это видимое поражение, пожалуй, не в последнюю очередь должны были показать ученикам: Царство не таково, каким оно представлялось многим. «Не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: «вот, оно здесь», или: «вот, там». Ибо вот, Царствие Божие внутри вас есть» (Лк 17:20–21).

Что же оно тогда такое, это Царствие? Об этом Христос говорил много – но исключительно притчами.

«Царствие Небесное подобно...»

Действительно, нигде и никогда Христос не дает определений Царствия. Он говорит о нем образно, прикасаясь к этой тайне, но не раскрывая ее. Действительно, есть вещи, которые невозможно втиснуть в узкие рамки словесных понятий. Вновь и вновь мы напоминаем самим себе и друг другу, как Лис Маленькому Принцу, что главного не увидишь глазами и не выразишь в словах. К Царствию это относится в полной мере.

Что же говорят о нем притчи? Оно начинается с малого, как горчичное зерно, но оказывается самым великим в этом мире (Мф 13:31–32). Оно – самое ценное сокровище, ради которого не жалко пожертвовать всем остальным (Мф 13:45–46) – и в то же время его нельзя до времени отделить от того всего остального, как отделяют плевелы от пшеницы (Мф 13:24–30). Вход в него открыт только тем, кто приложит определенные усилия и заранее обо всем позаботится, чтобы не остаться без масла для светильника и без подобающей одежды (Мф 25:1–13) – и в то же время оно подобно неводу, который сам захватывает рыб всякого рода (Мф 13:47–48). Оно требует тщательного расчета и подготовки, как строительство башни (Лк 14:28–30) или дома на твердом основании (Мф 7:24–27) – и в то же время оно вторгается в нашу жизнь неожиданно, как внезапно вернувшийся хозяин дома (Мк 13:34–37). Оно требует приумножения того, что было вручено тебе Богом, как пускают в торговый оборот серебро (Мф 25:14–30) – и в то же время домоправитель, направо и налево раздававший добро своего хозяина, становится в нем образцом для подражания (Лк 16:1–8).

Не слишком ли много образов приводим мы тут, спросит удивленный читатель – ведь не во всех этих притчах упоминается слово «Царствие»? Верно, но точно так же не во всех них говорится о Боге, и в то же время все они – о пути человека к Богу и о служении ему. Царствие небесное стоит в самом центре учения Христа, и о чем бы ни говорил Он ученикам, это было обязательно о Царствии: как найти его, как жить в нем, как его не потерять. Проповедь Христа – это Евангелие Царствия, притчи – это тайны Царствия, ученики – сыны Царствия. И даже сочувствующий Христу член Синедриона по имени Иосиф называется не иначе как «ожидающий Царствия» (Мк 15:43) – этим уже сказано всё.

Но такое богатство образов порождает на самом деле больше вопросов, чем ответов. Эти притчи звучат как сборник загадок – что же такое это самое Царствие, если оно может быть столь разным? Ответ, по-видимому, кроется не столько в отдельных формулировках, сколько во всех четырех Евангелиях сразу: это нечто такое, что возникает между Христом и Его учениками и составляет самую суть их жизни. Можно было бы назвать это безукоризненным исполнением Божией воли, но такое понятие есть во многих религиях – например, соблюдение Моисеева закона и будет таким следованием Богу. Но здесь речь идет о чем-то большем...

В детстве все мы мечтали о прекрасных тридевятых царствах, о сказочных правителях далеких стран. Наверное, это во многом и есть мечта о Царствии. Рыцари за круглым столом короля Артура не просто исполняют волю своего правителя – они живут в единении с ним, он принимает их как самых близких людей и разделяет с ними пиршества и страдания, жизнь и смерть. Наивысшую степень такой близости между царем и его подданными, а точнее, его соправителями, мы и находим в Евангелии, причем не в одной или нескольких притчах, а во всей евангельской истории.

Впрочем, у нас есть и конкретные указания, как именно следует жить в этом Царствии – это прежде всего Нагорная проповедь (Мф 5–7). Ее радикализм поражает: да ведь так просто нельзя жить! Если после удара по правой щеке всегда будешь подставлять левую, и безоговорочно давать просящему у тебя – очень скоро, буквально через пару недель, вся твоя жизнь пойдет под откос (5:39). Нет, мы так не живем, и потому

христианам постоянно приходится самим себе это объяснять. Например, насчет щеки еще древние толкователи (например, Ориген) заметили, что нельзя понимать это выражение буквально: ведь бьют обычно правой рукой, значит, первой страдает левая щека! А уж насчет того, чтобы никогда не заглядываться на красивых женщин (5:28) – так это и вовсе кажется мне физически неисполнимым. Что же, так и жить с чувством неизбежной вины? Или перетолковывать всё символически?

На самом деле, наверное, эти требования можно и нужно понимать буквально – таковы законы Царствия. В этом падшем мире мы очень часто не дотягиваем до них, да и не всегда это требуется (так и Сам Христос в ответ на удар по щеке не просто подставил другую, но задал вопрос «что ты бьешь Меня?» – Ин 18:23). Но в Царствии они, безусловно, становятся нормой – и в той мере, в которой Царствие осуществляется в нашей жизни, в наших отношениях друг с другом, мы можем и должны придерживаться их уже сейчас. Собственно, Деяния и Послания апостолов и показывают нам, как эти нормы осуществлялись в жизни раннехристианской общины. У этих людей было «всё общее» (Деян 2:44) не в том примитивном смысле, в каком, учили нас, будет при коммунизме, но в самом широком и полном смысле – у них была общая жизнь, горести и радости одного были горестями и радостями другого.

Трудно, очень трудно удержаться на такой высоте. Все люди несовершенны – так что делать, если один все-таки чувствует себя несправедливо обиженным? Христос ясно говорит: попробуй решить с ним этот вопрос миром, а если не выйдет – «скажи Церкви» (Мф 18:15–17). И уж сообщество верующих совершенно точно должно восстановить справедливость. Мы видим и из посланий, что у первых христиан считалось позором судиться друг с другом перед язычниками (1 Кор 6:1–8). Сегодня, к сожалению, эта норма утрачена – христиане подают друг на друга в светский суд, а добиться элементарной справедливости внутри самой Церкви бывает невероятно трудно, если вообще возможно...

Мы много говорим о Царствии, но жить по его образцу удается значительно реже.

«Да придет Царствие Твое!»

Если рассуждать о Царствии исключительно в контексте евангельских притч, оно будет выглядеть скорее чем-то исключительно камерным, интимным, что таится в глубинах человеческих сердец или возникает в личных отношениях. Это, безусловно, будет верное, но неполное представление. «Да придет Царствие Твое» – так учит молиться Своих учеников Сам Христос (Мф 6:10), и эти слова явно подразумевают, что Царствие может и должно наступить во всем этом мире.

Собственно, в Новом Завете есть даже целая книга, которая описывает, как это произойдет – Откровение Иоанна Богослова. Говорить о ней довольно трудно – она полна загадочных пророчеств, и осуществление этих пророчеств наверняка будет точно так же далеко от наших ожиданий, как и пришествие Христа оказалось непохожим на ожидания иудеев того времени. Нам явно потребуются умение удивляться, когда дело дойдет до осуществления этих пророчеств. Более того, разные толкования на эту книгу уже написаны, и толкователи немало спорили друг с другом – будет ли, к примеру, на земле тысячелетнее Царствие Христа еще до конца света, или эти слова надо понимать как-то иначе.

Но некоторые общие принципы достаточно ясны и в книге Откровения. «Агнец как бы закланный», то есть Христос, предстает перед Господом, сидящем на престоле, и с Ним начинают царствовать спасенные им люди (Откр 5). Иными словами, Царствие Божие – это такое царство, где каждый подданный может и даже призван стать соправителем, не умаляя тем славы Великого Царя.

Вместе с тем оно не устанавливается без борьбы. В Евангелии, как уже было сказано, мы читали о «князе мира сего» – наглом временщике, обманом захватившем власть над людьми, то есть сатане (Ин 12:31 и др.). Наш мир, по сути, мятежная

провинция огромного Царствия Бога, которую еще предстоит вернуть под власть ее Подлинного Владыки.

Это возвращение уже происходит здесь и сейчас, где людей объединяет деятельная и жертвенная любовь к Богу и друг ко другу, желание исполнять Его волю и радоваться Его присутствию в нашей жизни. Когда-нибудь эта любовь преобразит весь мир, но здесь и сейчас она преобразует наши жизни. Царствие Небесное должно наступить однажды, но оно уже присутствует здесь – это напряжение между «уже да» и «еще не» и определяет условия жизни христиан в этом мире.

33. Что говорит Библия о блаженстве?

Странное есть в Библии слово – «блаженство»... Что оно означает на самом деле? Отличается ли оно от обычного счастья? Как можно достичь этого состояния, и зачем оно вообще нужно человеку? И насколько понятие о блаженстве совместимо с тем, что последователям Христа Евангелие недвусмысленно предсказывает гонения?

Что такое блаженство?

В библейские времена, как и в любые другие, люди желали себе и своим близким благополучной и долгой жизни. Такая жизнь считалась в Ветхом Завете главной наградой праведнику, хотя в книге Иова мы видим, что не всё было просто и никакого «автоматического воздаяния» ждать было нельзя. Главными признаками благополучия были долголетие, многочисленное потомство и богатство – праведник уходил в мир иной, «насытившись днями», как насыщаются трапезой, и увидев «сынов сыновей своих до четвертого колена». Но есть в Библии и еще одно понятие, которое превосходит все эти понятные и простые дары свыше: оно называется словом «блаженство».

«Блажен муж, который...» – этими словами начинается книга Писания, которую чаще всего читают и в Церкви, и в домашней молитве, Псалтирь. Значит, не только первый псалом, но и вся книга, по сути, говорит о блаженстве – вот только в ней мы не встретим советов, как вести свои дела, как выбирать жену и воспитывать детей. Не то чтобы эти предметы были слишком земными, недостойными упоминания в Священном Писании – книги Премудрости (прежде всего, Притчи Соломона) очень много и подробно говорят как раз об этом. Но вот блаженство связывается с чем-то совершенно иным: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых и не стоит на пути грешных и не сидит в собрании развратителей» (Пс 1:1–2).

Блаженство для псалмопевца начинается с отказа от общения с нечестивцами, от их жизненной позиции. В самом деле, очень часто в этом мире люди стараются добиться процветания на пути греха: «не обманешь – не продашь», «все так живут», «ничего, потом покаемся» – эти и подобные оговорки ничуть не изменились за последние несколько тысячелетий. И библейский путь к блаженству начинается с решительного отказа от совета нечестивых и от пути грешных.

А положительная программа очень проста: «...в законе Господа воля его, и о законе Его размышляет он день и ночь! И будет он как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время свое и лист которого не вянет; и во всем, что он ни делает, успеет» (Пс 1:2–3). Такое дерево никуда не торопится, ни о чем не беспокоится – оно растет при непересыхающем источнике, радуясь жизни и принося добрые плоды. Всё у него получается как бы само собой, а точнее – по благодати Божией, которая и сравнивается здесь с «потоками вод». Следующий псалом, говорит еще проще: «блаженны все, уповающие на Него» (2:12). Вообще, в Псалтири говорится о блаженстве больше, чем во всех остальных ветхозаветных книгах, вместе взятых – если внимательно прочитать ее, всё самое главное станет ясно.

Значит ли это, что библейское блаженство подобно буддийскому пониманию нирваны, совершенного бездействия и безмыслия? Вовсе нет; вслушаемся еще раз в эти слова: «во всем, что он ни делает, успеет». Они предполагают активное действие, и если мы посмотрим на жизнь людей, подходящих под определение Псалтири, мы увидим, что они вовсе не были бездеятельны. Цари Давид и Соломон, например, прожили удивительную, насыщенную самыми разными событиями жизнь, притом жизнь не безгрешную. Человеку свойственно грешить, но «блажен, кому отпущены беззакония и чьи грехи покрыты» (Пс 31:1).

Главное, что определяло жизнь этих царей – преданность и доверие Богу, стремление искать Его волю во всех событиях окружающей жизни. Именно об этом и

говорит нам первое упоминание о блаженстве во всей Библии: «Блажен ты, Израиль! кто подобен тебе, народ, хранимый Господом, Который есть щит, охраняющий тебя, и меч славы твоей?» (Втор 33:29). Судьба такого человека или такого народа определяется не прихотью случая, не его собственным расчетом, а волей Божией об этих людях. Если им не хватит собственных сил, умений, или, говоря обыденным языком, везения – всегда есть, Кому придти им на помощь. Та же Псалтирь говорит об этом так: «Блаженны непорочные в пути, ходящие в законе Господнем. Блаженны хранящие откровения Его, всем сердцем ищущие Его» (119:1–2). Сытая и долгая жизнь в окружении многочисленной семьи тут, с одной стороны, подразумевается, а с другой – дело совсем не в ней. Общение с Богом – ценность более высокого порядка, а «остальное приложится вам», как говорил об этом Христос.

И кто блажен?

Слово «блажен» – первое в проповеди Христа, но оно скорее шокирует, чем успокаивает нас: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф 5:3–4). Это звучит парадоксально: Христос называет блаженными тех, кто с точки зрения обыденной логики совсем на них не похож. Что же хорошего в нищете, пусть даже она обусловлена духовными причинами, и уж точно не назовешь счастливым того, кто плачет. Что же это за блаженство?

Дальше Христос говорит не менее удивительные вещи, но они многое проясняют. Мы все знаем и по опыту, и по тем же ветхозаветным книгам, что житейское благополучие непрочно и недолговечно. Это знали и языческие мудрецы; так, афинский законодатель Солон отказался называть блаженным лидийского царя Креза, чьи сокровища вошли в поговорку, прежде его кончины. Он оказался прав: счастье скоро изменило Крезу и он потерял всё, как и библейский Иов, но, в отличие от Иова – безвозвратно. Называть блаженным того, кому хорошо именно сейчас – безрассудная нелепость.

Но Христос говорит о таком блаженстве, которое переходит в вечность, более того, раскрывается именно в вечности. Достигший такого блаженства человек оглянется на прожитую жизнь, и ему не о чем будет сожалеть, нечего будет желать сверх того, что он уже получил. Но разве нам доступно знание о том, что ждет нас в вечности? Нет, конечно. Впрочем, есть некоторые признаки, словно указатели на дороге, которые показывают нам, куда идти. Человек, который искренне и настойчиво стремится ко благу, его и обретет: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас, и гнать, и всячески неправедно злословить за Меня» (Мф 5:5–11). Все это звучит как развернутый комментарий на первый псалом.

Значит ли это, что можно говорить о блаженстве лишь в вечности, что в этой жизни оно нам недоступно? Да, окончательно мы не знаем ничего, но уже здесь и сейчас есть поступки и ситуации, которые ведут нас к этому блаженству. «Блажен, кто не соблазнится о Мне» (Мф 11:6) – так ответил Христос Иоанну Крестителю, а Петру, когда тот исповедал свою веру в Сына Божиего, сказал: «блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах» (Мф 16:17). И в другой раз, обращаясь ко всем ученикам, сказал: «блаженны очи, видящие то, что вы видите! Ибо сказываю вам, что многие пророки и цари желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали» (Лк 10:23–24).

Вообще, у Луки во многих притчах говорится о блаженстве человека: блажен тот, кто соблюдает слово Божие (11:28); и кого Господин по пришествии найдет бодрствующими (12:37–38); и кто собирает на пир нищих, чтобы ему воздалось в Царствии (14:14). Вновь мы видим не минутное состояние, а вектор движения,

направленный к жизни будущего века. Но что означают эти слова для нашей повседневности?

Блаженный покой?

«Почитаю себя блаженным» (в Синодальном переводе «счастливым») – так начал апостол Павел свою речь перед царем Агриппой, когда был приведен к нему на суд (Деян 26:2). Трудно назвать привлекательным положение, в котором находился Павел: он был арестован, но сам арест в некотором роде спас ему жизнь, потому что среди его соплеменников некоторые горячо хотели его убить. На этом самом суде царь был готов просто отпустить его, но Павел потребовал суда у римского императора, на что имел полное право как римский гражданин. И царь вынужден был отправить его в Рим – всё в тех же цепях. Очень мало походило это путешествие на те средиземноморские круизы, которые сегодня позволяют себе избранные счастливики...

Блаженство для апостола – это не состояние покоя, наоборот, это скорее борьба и победа, трудное восхождение к вершине, это полнота жизни в Боге. Апостол Иаков в своем послании говорил об этом так: «Блажен человек, который переносит искушение, потому что, быв испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его» (1:12). А сам Павел выразил похожую мысль несколько иначе: «Блажен, кто не осуждает себя в том, что избирает» (Рим 14:12).

О вечном блаженстве тех, кто входит в Царствие Божие, говорит Откровение Иоанна Богослова, например, такими словами: «блаженны званые на брачную вечерю Агнца» (19:9). Но и здесь конечная цель сочетается со всем жизненным путем человека: да, можно получить приглашение, но отказаться от него. Собственно, вся земная жизнь человека есть не что иное, как принятие этого призыва – и о том рассказывают повествования об Аврааме, о других ветхозаветных праотцах и пророках, об апостолах и, наконец, о Самом Христе. В самом деле, ведь Новый Завет предлагает нам не просто некоторое количество наставлений о том, как праведно жить на свете, но прежде всего – пример такой праведной жизни.

Евангелист Лука рассказывает нам (11:27–28) об удивительном эпизоде. Слушая речи Иисуса, одна из женщин сказала ему: «блаженно чрево, носившее Тебя, и сосцы, Тебя питавшие!» Это действительно так, и эти евангельские слова читаются в православной традиции на праздники, посвященные Богородице. Впрочем, мы знаем, насколько непросто было ее блаженство: невозможная с обыденной точки зрения беременность, роды в вертепе, бегство в Египет, и дальше – жизнь, полная опасений за Сына. Это не говоря уже о Распятии, свидетельницей которого ей довелось стать уже после того, как были произнесены эти слова...

Христос ответил на это: «блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его». Не только в избранничестве состояло блаженство Богородицы, но во всей ее жизни, которая и стала ответом на Благую Весть. И в той мере, в которой мы можем откликнуться на обращенный к нам Божий призыв, исполнить Его волю, воплотить Его замысел о нас – в той мере и мы способны стать причастны этому высшему блаженству. Собственно, вся Библия – рассказ о людях, которые постарались это сделать.

Где же награда праведнику?

И всё же остается очень серьезный вопрос. Ветхий Завет полон благих обещаний людям, исполняющих Божию волю. И тем не менее, они страдают не меньше, а зачастую даже больше грешников. Почему так?

Давайте посмотрим в эти обещания. Чаще всего они встречаются в книге Притчей. Часть из них – житейская мудрость (трудолюбие приводит к достатку, исполнение родительских советов способствует успеху и т.д.). С этим все ясно. Но что вообще говорится о праведниках? Иногда, действительно, речь идет об успехе и покровительстве:

«не допустит Господь терпеть голод душе праведного» (10:3). Но гораздо чаще, подробнее, проникновеннее говорит эта библейская книга об особом отношении Бога к праведнику и об итогах его земного пути: «Господь... сохраняет для праведных спасение» (2:8); «праведные будут жить на земле, и непорочные пребудут на ней» (2:21); «мерзость пред Господом развратный, а с праведными у Него общение» (3:21); «память праведника пребудет благословенна» (10:7); «труды праведного – к жизни, успех нечестивого – к греху» (10:16). Здесь, как правило, речь не идет о прекрасной, беспечальной жизни, но скорее о том, каков будет итог этой жизни. В конечном счете, праведники получают то, к чему стремятся – вот это Библия обещает совершенно твердо.

Но эта победа не дается без борьбы, и тут лучшим примером могут служить истории патриархов – тех самых праведников, которым призваны подражать верующие. Для Авраама все началось с того, что Господь велел оставить ему свой дом, свою родню, свой дом, родные места и отправиться в дальнее странствие. Ему было обещано, что его потомки будут владеть прекрасной землей, но до старости он оставался бездетным, а обещанная ему земля при его жизни принадлежала другим людям. Странствия Авраама продолжили его сын Исаак и внук Иаков, их жизнь была полна тревог и опасностей, но она всегда протекала с Богом. Собственно, Библия иногда так и описывает жизнь праведника: он «ходит пред Богом». Не просто помнит о Нем и молится Ему, но каждый свой шаг делает в Его непосредственном присутствии.

А шагов этих может быть очень много, и они могут быть разными, и далеко не всегда бесспорными. Праведник – такой же человек, как и мы, только для него безусловная высшая ценность – Бог, и Он же – высшая награда, которая обещана ему.

Мы видим, что жизнь патриархов одинаково далека от двух вещей, с которым часто пугают христианство: от пассивного пораженчества (раз на всё Божия воля, то я буду терпеть скорби и ничего не предпринимать) и от такого же пассивного потребительства (раз Господь мне обещал процветание, буду ждать, пока оно само свалится мне в руки). Нет, жизнь верующего – это риск, и порой очень серьезный, это активное принятие самостоятельных решений, это зачастую и страдание.

В той же книге Иова страдание понимается скорее как испытание: человек, у которого все в порядке, еще и сам толком не знает о своей вере. Именно кризисная ситуация, когда все знакомое и устоявшееся летит под откос, позволяет ему понять, что в жизни действительно ценно. В конце книги Иов встречается с Богом лицом к лицу, и эта встреча, наверное, не состоялась бы, если бы не крушение всего жизненного уклада праведника Иова.

Итак, христианам не была обещана сытая и безбедная жизнь. Им было обещано другое: конечная и безусловная победа. И даже гонения, которые им предстоит пережить, вовсе не бессмысленны, они откроют возможность творить волю Отца, свидетельствовать о Сыне, исполнятся Духом: «...поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства перед ними и язычниками. Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать, ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас... Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой. Ибо истинно говорю вам: не успеете обойти городов Израилевых, как приидет Сын Человеческий» (Мк 10:18–23).

И не в том дело, что им будет хорошо когда-нибудь потом, в загробной жизни. Нет, состояние блаженства – то, что наполняет человека уже здесь и сейчас, что делает его независимым от внешних обстоятельств, позволяет всецело довериться любящему Отцу. А значит – действовать так, чтобы исполнить Его волю. И это, в конечном счете, Библия и называет блаженством.

34. Что говорит Библия о детстве?

Дети – самое главное в нашей жизни, так принято говорить, а детство – это самое счастливое время... В СССР детей даже называли «единственным привилегированным классом». Но в Библии мы не встретим ничего подобного. Как же относились в библейские времена к детям, и почему это отношение было не слишком похоже на наше нынешнее?

Детство древних

«Иов жил сто сорок лет, и видел сыновей своих и сыновей сыновних до четвертого рода; и умер Иов в старости, насыщенный днями». Так описывает Библия благополучный исход человеческой жизни (Иов 42:16–17). Долголетие – это понятно, но что еще включает библейский текст в эту «насыщенность днями»? Богатство, успешную карьеру, известность, творческие успехи, любовные приключения, интересную работу, верных друзей? Да, пожалуй, богатство; но, прежде всего – многочисленное потомство, а вот всё остальное – это уж как получится.

Мы видим, что бездетные библейские персонажи, даже вполне обеспеченные, вместо того, чтобы наслаждаться статусом чайлд-фри, воспринимали бездетность как настоящую трагедию. Так плакала об отсутствии детей Анна, будущая мать пророка Самуила (1 Цар 1), а позднее – Елисавета, будущая мать Иоанна Крестителя. И когда она, наконец, забеременела, то сказала об этом: «так сотворил мне Господь во дни сии, в которые призрел на меня, чтобы снять с меня поношение между людьми» (Лк 1:25), – то есть бездетность была своего рода клеймом.

Но при этом наши дальние предки совершенно бы не поняли – не в том смысле, что не одобрили, а именно бы не поняли – такие черты нашего мира, как особая «культура детства» и ориентированное на детей общество, в котором взрослые все охотнее смотрят блокбастеры и носят одежду, предназначенную изначально для детей. И, наоборот, мы, глядя на их жизнь, поражаемся тому, как жестоко, с нашей точки зрения, они обходились со своими детьми, причем такое отношение мы находим практически у всех древних народов. Широко известен спартанский обычай сбрасывать не понравившихся новорожденных со скалы, но и по ранним законам Римской республики отец семейства обладал практически неограниченными правами над всеми, кто в семейство входил, и разница между рабами и детьми была тут не такой уж и большой. Он, например, мог продать своих домочадцев в рабство и даже казнить. Притом сына можно было продать даже три раза – только после третьей продажи отец терял на него права (с дочерью это происходило после первой продажи). Поэтому, кстати, и апостол Павел пишет: «наследник, доколе в детстве, ничем не отличается от раба, хотя и господин всего: он подчинен попечителям и домоправителям» (Гал 4:1–2).

Итак, жизнь и благополучие ребенка вовсе не обладали такой безусловной ценностью, как сегодня. Может быть, отчасти тому причиной высокая детская смертность: детей тогда умирало больше, чем стариков, просто потому, что до старости доживали немногие. Старик, сумевший пройти свой жизненный путь и набравшийся мудрости, обладал куда большей ценностью в глазах общества, чем ребенок, из которого еще не известно, что получится. Таково свойство практически всех архаичных обществ. Ребенка в древности не воспринимали как самостоятельную личность, а скорее как продолжение личности отца, вложение в его собственное будущее – даже, можно сказать, особо ценное имущество. Соответственно, отец был вправе распоряжаться им, как угодно – продать, уничтожить, пожертвовать богам (о таких жертвах у язычников шла речь в 21-й главе). Но, с другой стороны, разве нынешняя свобода абортов не практикует точно такое же отношение к зачатым, но еще не рожденным младенцам? Спартанцы сбрасывали со скалы тех, кто еще не обрел сознания, не стал частью общества. Сегодня в медицинских

учреждениях выбрасывают тех, кто даже еще не родился, но принципиальной разницы между двумя нормами я не вижу. Вопрос только в одном: до какого этапа уникальный человеческий организм не считается личностью, обладающей правами?

Впрочем, в древности правами обладали и не все взрослые личности, а, по сути, только те самые главы семейств и, в меньшей степени, их жены. Да и говорить о правах личности в том обществе никому бы не пришло в голову: первична была не личность, а род. Тот, кто его возглавлял, обладал безусловной властью именно потому, что род должен был сохранять свое единство. Дети – это будущее рода, а вовсе не индивидуальности, поэтому глава рода сам выбирает, как поступать с каждым из них. Ему виднее.

Вера по наследству

«Сделаю потомство твое, как песок земной», – обещал Бог Аврааму, заключая с ним завет (Быт 13:16). Но еще раньше Он заповедал Адаму и Еве: «плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею» (Быт 1:28); а затем повторил те же слова Ною (Быт 9:1). С самого момента сотворения у человека есть определенная задача в этом мире: заселить его своими детьми. Обратим внимание, Адаму и Еве заповедь о размножении была дана еще до грехопадения, то есть до того, как смерть стала для них неизбежностью. Так что рождение детей – вовсе не вынужденная мера, призванная восполнять смертность, но нечто самоценное, необходимое по замыслу Божию.

Библия не разъясняет подробно, почему это так. Но мы можем самостоятельно сделать выводы, глядя на историю патриархов, начиная от того же Авраама. Бог заключает завет не с одним человеком, а с целым родом, происходящим от него: Авраам передаст свое благословение сыну от любимой жены, Исааку (хотя у него были и другие дети – Измаил от Агари и шесть сыновей от Хеттуры). Далее Исаак передает его Иакову (хотя изначально старшим считался его близнец Исав). И только сыновья Иакова получают благословение все, в равной мере. То есть завет с Богом – не просто единократный дар, но некое семя, которое падает в почву и постепенно прорастает в ней, раскрывая в каждом новом поколении какие-то новые грани. Да, Он мог бы договариваться лично с каждым человеком, но Он предпочел действовать в истории многих поколений.

Ветхий Завет, то есть договор Бога с народом Израиля, стал продолжением договора с Авраамом. Это не просто коллективная ответственность, до некоторой степени естественная в нашем мире (новые поколения живут в условиях, созданных их отцами и дедами), но именно договор Бога и целого народа. Смысл этого договора должен был раскрываться в общественной, политической и религиозной жизни Израиля, становясь уроком для всего человечества.

Отсюда вытекало и особое внимание к продолжению рода. К примеру, израильтяне не знали частной собственности на землю в полном смысле этого слова: земля принадлежала семье, роду, племени, наконец – народу Израиля, но не отдельным израильтянам. Каждый крестьянин был всего лишь временным хранителем своего надела, который он получал от предков и оставлял потомкам; строго говоря, он не имел права продавать свой надел насовсем, а лишь отдавал его в аренду до следующего юбилейного года (хотя это правило, конечно, частенько нарушалось).

Примерно так же обстояло дело и с семьей – в 24-й главе уже описывался обычай левиратного барака, при котором младший брат или другой родственник «восстанавливал семя» тому, кто умер бездетным, чтобы у него все же были потомки, которые могли бы унаследовать его земельный надел.

Точно так же и религия Ветхого Завета была религией целого народа, а не отдельных личностей. Да, пророки постоянно подчеркивали личную ответственность перед Богом каждого отдельного человека, но сама эта ответственность строилась на главном: «ибо ты народ святой у Господа Бога твоего, и тебя избрал Господь, чтобы ты был собственным Его народом из всех народов, которые на земле» (Втор 14:2). Дни

праздников и дни траура всегда оставались днями, когда народ «представал пред Богом» как единое целое.

Задумаемся над самым главным праздником Ветхого Завета – Пасхой. Что отмечалось в эту ночь? Исход израильского народа из Египта. В ту ночь Господь погубил всех первенцев египтян, но пощадил детей Своего народа, Своего первенца – Израиля, и освободил его. И не случайно по сей день в еврейских семьях принято, чтобы самый младший спрашивал самого старшего о смысле праздника, а тот рассказывал бы ему историю Исхода. Праздник в библейском понимании этого слова – день встречи разных поколений друг с другом и с Богом, а не просто повод для богослужения или застолья.

Что вместо «культуры детства»?

В Библии, особенно в Ветхом Завете, можно найти некоторые рекомендации по воспитанию детей. В основном, они сводятся к призыву быть с ними построже, это ведь из книги Притчей взят бессмертный афоризм: «пожалеешь розгу – испортишь ребенка» (в Синодальном переводе: «кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его», Притч 13:25). Впрочем, это не совсем о детстве и уж совсем не о вечном нашем вопросе «бить или не бить». Использованное здесь древнееврейское слово *шевет* не обязательно означает инструмент наказания, часто это символ власти: посох пастуха или жезл царя. Это слово часто употребляется в сугубо положительном значении, например: «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох – они успокаивают меня» (Пс 22:4).

Да и под сыном здесь совершенно не обязательно подразумевается ребенок, скорее молодой парень, который много чего может натворить. В книге Второзакония (21:18–21) есть даже предписание о том, что родители могут потребовать смертной казни для своего непокорного и буйного сына – правда, в отличие от римского права, такой приговор утверждался старейшинами и приводился в исполнение всей общиной, так что самодурству был бы поставлен предел.

Так вот, знаменитый стих из книги Притчей, скорее, стоит понимать так: отцовская власть над сыном и его обязанность воспитывать своего потомка и наследника не подлежат ни сомнению, ни отмене. Да, в те времена эта власть осуществлялась не без помощи розог, а то и более радикальных мер, но Библия говорит здесь о принципе, а не о технологии.

А вот «культуры детства», столько популярной сегодня, в Библии не видно. Детей там много, они зачастую играют важную роль, но отдельно о них ничего не говорится. Какие им пели колыбельные, когда начинали приучать к труду, какие игры они любили, – мы можем об этом только догадываться. Впрочем... Есть, пожалуй, одно исключение – рассказ о примечательном эпизоде из детства Самого Иисуса.

«И когда Он был двенадцати лет, пришли они также по обычаю в Иерусалим на праздник. Когда же, по окончании дней праздника, возвращались, остался Отрок Иисус в Иерусалиме; и не заметили того Иосиф и Матерь Его, но думали, что Он идет с другими. Пройдя же дневной путь, стали искать Его между родственниками и знакомыми и, не найдя Его, возвратились в Иерусалим, ища Его. Через три дня нашли Его в храме, сидящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их; все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его. И, увидев Его, удивились; и Матерь Его сказала Ему: Чадо! что Ты сделал с нами? Вот, отец Твой и Я с великою скорбью искали Тебя. Он сказал им: зачем было вам искать Меня? или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему? Но они не поняли сказанных Им слов. И Он пошел с ними и пришел в Назарет; и был в повиновении у них. И Матерь Его сохраняла все слова сии в сердце Своем. Иисус же преуспевал в премудрости и возрасте и в любви у Бога и человеков» (Лк 2:42–52).

А теперь представим себе эту картинку со стороны. Двенадцатилетний мальчишка (ведь еще никто, кроме родителей, не знал, кто Он на самом деле) заходит в храм и

начинает беседовать со священниками и духовными наставниками. И они не только не прогоняют его, но уважительно выслушивают, вступают в разговор и дают похвальную оценку. А родители, обнаружив его трехдневное отсутствие, не стали ругать его, а всего лишь «удивились». Не правда ли, трудно представить себе такую сцену в наши дни?

Нечто подобное, кстати, мы встретим и в Ветхом Завете: пророк Самуил еще в детстве получил от Господа откровение о судьбе не кого-нибудь, а самого первосвященника Илия, и первосвященник выслушал его с глубоким уважением (1 Цар 3).

По-видимому, дело в том, что дети не воспринимались как какая-то особая категория людей, чей мир отделен от мира взрослых, и это означало, что относиться к ним следовало совершенно серьезно. Совершеннолетие подразумевало не достижение определенного законом возраста, а способность человека на деле доказать свою способность мыслить и поступать самостоятельно. И по этому признаку даже двенадцатилетний мог беседовать на равных с храмовыми священниками, но, с другой стороны, и двадцатипятилетний мог получить воспитательных розог. И, честное слово, иногда жалеешь, что прошли те времена.

Ветхий Завет согласился, казалось бы, с существовавшей в те времена родовой структурой общества, но он преображал ее изнутри, подчеркивая личную ответственность каждого человека перед Богом. Это касалось и детско-родительских отношений: от детей по-прежнему требовалось беспрекословное послушание, но одновременно устанавливались высокие нормы для самих родителей. Собственно, и в Новом Завете мы видим продолжение той же самой линии. Павел пишет: «Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе, ибо сего требует справедливость... И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем» (Еф 4:1–4).

Слова «не раздражайте» могут быть поняты сегодня так, что родители ни в коем случае не должны вызывать неудовольствие своих детей (и похоже, что скоро государство и в самом деле начнет этого требовать от них). Но в тех условиях, когда отцы юридически обладали полнотой власти над своими детьми, это понималось, конечно, совсем иначе, как запрет на ненужную жестокость. Но главное даже не это: апостол указывает на нечто куда более высокое, чем отцовская власть и авторитет; он показывает, что и они имеют свое начало в воле Божией и должны потому с ней всегда согласовываться.

С другой стороны, как пишет Павел, во Христе мы все сделались детьми Божиими, а в Его крестной смерти – и сонаследниками, то есть полноправными гражданами Царства. Социальные различия не упразднены, но в христианстве больше не должно быть ни всемогущих тиранов, ни бесправных домочадцев. Ну, а насколько исполняется этот завет – это уже отдельная история... История христианства.

35. Что говорит Библия о телесной стороне любви?

И в самом деле, что? Наверное, что секс – это грех?

Идолопоклонство или союз?

Многие люди сегодня так это и понимают: половой акт и вообще всё, что связано с сексом, в христианстве воспринимается как грех, извинительный лишь по той причине, что иначе невозможно рожать детей. Но тут всё упирается в наше представление о «сексе». В современной культуре это, безусловно, один из главных идолов, в жертву которому люди готовы приносить что угодно – и отношение христиан к такому идолу может быть лишь резко отрицательным. Так уж сложилось, что заповеди «не убий» и «не укради» современное общество охотно принимает и считает основами своего правопорядка, но вот отношение к заповеди «не прелюбодействуй», которая идет в том же списке, уже совсем другое. По сути, ее заменила заповедь «мы все имеем право на всё, что происходит по взаимному согласию между совершеннолетними гражданами».

Одна из уловок идола по имени «секс» как раз состоит в том, чтобы присвоить всё, что только связано в человеке с полом и интимной жизнью. Дескать, существуют только два варианта: поклоняться этому идолу или отвергать всякую мысль о телесной стороне любви как греховную. Но это, разумеется, ложный выбор.

С самого начала рассказа о сотворении человека книга Бытия отмечает: «сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их» (1:27). То есть деление на два пола не просто задумано Богом, но оно оказывается почти настолько же важным, как и сотворение «по образу Божию». Далее, во второй главе той же книги, мы встречаем и объяснение: «не хорошо быть человеку одному» (2:18). То есть совместная жизнь мужчины и женщины – неотъемлемое свойство человечности, и – внимание! – его смысл отнюдь не сводится к продолжению рода, как у зверей или птиц, которых Бог тоже сотворил самцами и самками, но ничего подобного о них не сказал. Для человека принципиально важно общение с тем, кто равен ему... и в то же время отличается от него.

Можно ли считать, что с самого начала, еще в Эдемском саду, общение между полами подразумевало и телесную любовь? Мы не знаем наверняка, но уж совершенно точно нигде в Библии: ни в книге Бытия, ни в других книгах, – ничего не говорится о греховности такой любви. Наверное, в Эдемском саду всё вообще было иным, чем в нашем мире, и общение полов там тоже выглядело совершенно иначе. Вообще, первые главы Бытия обращают сравнительно мало внимания на эту сторону жизни, она идет у людей как бы сама собой – например, в пище им даются определенные ограничения (Нюю и его потомкам запрещено вкушать кровь), но отношения между полами практически никак не регулируются.

Правда, есть один загадочный эпизод прямо перед рассказом о Ноевом потопе: «сыны Божьи» берут себе в жены «дочерей человеческих» (Быт 6:2), и такое их поведение является явным грехом. Мы не знаем, о ком именно тут идет речь: может быть, о князьях и правителях, которые заводили себе гаремы, не спрашивая желаний самих девушек. Но могут здесь подразумеваться и языческие культы с их оргиями, в которых, как верили их участницы, они вступают в «священные браки» со своими божествами. Такое прочтение вполне согласуется с библейской традицией, ведь в ней очень часто отношения Бога и Израиля изображаются как брачный союз, а поклонение идолам приравнивается к блуду.

Соответственно, греховность блуда вовсе не в том, что люди вступают друг с другом в интимную связь, а в том, что они нарушают узы верности, которые связывают супругов, или жениха и невесту. Нарушают свою верность Богу, разрушают целостность своей личности, в конце концов. Библия никак не отрицает телесной стороны любви, но ограничивает ее рамками брачного союза. В Ветхом Завете есть удивительная книга:

Песнь Песней, – которая воспеваает именно такую цельную любовь, в которой верность друг другу и душевное единение сочетаются с телесной близостью любящих: «Да лобзает он меня лобзанием уст своих! Ибо ласки твои лучше вина» – так начинается эта книга. Ее издавна толковали аллегорически, как рассказ о любви Бога и избранного народа или Церкви (что, в общем-то, одно и то же), но и при таком толковании телесная любовь оказывается возвышенной и прекрасной: ведь это с ней сравнивается мистическое общение с Богом! Если бы она была греховной, такое сравнение просто было бы кощунством.

Каким быть браку?

Итак, телесная близость считалась неотъемлемой частью брака, а сам брак – союзом мужчины и женщины... или мужчины и нескольких женщин. Ветхий Завет никак не запрещает и не регламентирует многоженства, и мы видим в нем немало количество мужчин, у которых было больше одной жены. Кроме полноправных жен, встречались еще и наложницы, то есть рабыни, делившие ложе со своим господином. Иногда их появление было связано с тем, что жена оставалась бездетной – именно по этой причине, например, Авраам взял себе в наложницы Агарь, служанку своей жены Сары (Быт 16), – но, конечно, причины тут могли быть и другими. Сегодня такое отношение к женщине кажется нам жестоким и варварским, но на самом деле это частный случай рабства, которое вовсе не отрицается в Ветхом Завете. Он вообще не призывает к социальной революции, а скорее принимает существующие в обществе нормы, но старается преобразить это общество изнутри, чтобы всё лишнее со временем отпало само.

Так получилось и с многоженством. Уже к концу ветхозаветного времени мы видим, как безо всяких запретов нормой стал союз одного мужчины и одной женщины, ведь именно такой брак наилучшим образом отражает принцип, заложенный еще в рассказе о сотворении человека. Мужчина и женщина могут быть неравноправны в некоторых общественных условиях, но по своей природе они равны, едины и дополняют друг друга. Более того, именно в Ветхом Завете мы встречаем удивительные рассказы о женщинах, сыгравших огромную роль в истории израильского народа, причем сыгравших ее именно по-женски. Вот моавитянка Руфь, которая в точности исполнила законы Израиля тогда, когда многие израильтяне сами о них забыли, а вот красавица Есфирь, ставшая персидской царицей и уговорившая царя отменить назначенное избиение евреев. Им посвящены отдельные книги, но подобных героинь мы встретим и в других повествованиях Ветхого Завета. Именно такие рассказы надежнее всяких политических деклараций заставляли мужчин взглянуть на женщину иными, чем прежде, глазами.

Но в некоторых отношениях Ветхий Завет все же резко противостоит нормам того времени. В те далекие времена во многих культурах вполне нормальными считались связанные с сексом обряды: так, «храмовые блудницы» при языческих капищах не просто зарабатывали себе на жизнь, но скорее выполняли своего рода священнодействие, как они его понимали. Ветхий Завет в самых резких выражениях осуждает такое. Не оставляет он никаких добрых слов для еще одного явления, широко распространенного сегодня – гомосексуализма. Причина вполне понятна: он противоречит замыслу Творца о единстве двух полов. Сегодня принято брать за точку отсчета желания самих людей: «а что в этом плохого, если они сами того хотят?» – но для Библии человеческая воля никогда не стоит на первом месте. Свобода выбора человека не должна приводить к нарушению ясно выраженных заповедей и к извращению естественных форм жизни.

В то же время конкретную форму супружеских отношений в браке Библия никак не пытается определять, оставляя ее целиком и полностью на усмотрение супругов. При этом, разумеется, возможны ситуации, когда Моисеев Закон требует определенного поведения от человека, но основная причина коренится здесь в неких общественных отношениях, с которыми неразрывно связан брачный союз (например, в этом состоял смысл левитатного брака, о котором подробно говорилось в 24-й главе).

Целостность отношений

Итак, общий принцип Ветхого Завета понятен: благословенно всё, что совершается в браке ради целостности человека и единства между мужчиной и женщиной, давшими друг другу обет верности перед Богом, и осуждается всё, что уводит человека в сторону от этих ценностей. Остальное – детали, оставленные на усмотрение самих людей.

Новый Завет, с одной стороны, продолжает эту линию: достаточно вспомнить, что свое первое чудо Христос сотворил на свадьбе в Кане Галилейской. Он не просто почтил это празднество Своим присутствием, но, превратив воду в вино, позволил ему продолжаться и дальше. Тем самым Он подтвердил великую ценность брака. В Евангелии мы находим и слова о том, что брак, по сути, есть нерасторжимое единство (Ветхий Завет как раз допускал развод): «кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует; и женившийся на разведенной прелюбодействует» (Мф 19:9). Лишь прелюбодеяние, т.е. односторонний выход супруга из брачного союза, может этот союз разрушить. Такая строгость удивила даже ближайших учеников: «если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться». Оказывается, брак накладывает на мужчину такие серьезные обязательства...

И тут прозвучали очень необычные слова Спасителя: «не все вмещают слово сие, но кому дано, ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит» (Мф 19:11–12). Понятно, что существуют люди, физически не способные к плотской любви и потому непригодные для брака (скопцы), причем одни из них таковы от рождения, а другие подверглись хирургической операции. На них, естественно, права и обязанности брака не распространяются. Но кто эти скопцы, сделавшие себя таковыми «для Царствия»? И по сей день существует секта, которая понимает эти слова буквально; ее приверженцы физически оскопляют себя.

Но, по-видимому, эти слова надо трактовать не в большей степени буквально, чем призыв вырывать себе глаз, когда увидишь нечто соблазнительное (Мф 5:29). Оскопивший себя ради Царствия при таком понимании – это человек, добровольно отказавшийся от радостей семейной жизни, чтобы служить Богу. Обратим внимание, что Христос вовсе не принижает брака, вовсе не называет тех, кто от него не отказывается, какими-то второсортными людьми, негодными для духовной жизни: наоборот, это они «вмещают» заповедь о нерасторжимости брака. Отказ от брака подобен временному отказу от пищи, т.е. посту: в пище нет ничего дурного, она тоже дар Божий людям, но в определенной ситуации человек смиряет себя, отказывая себе в самом необходимом, чтобы подчеркнуть свою всецелую преданность Богу и зависимость от Него.

Позднее эту мысль развил апостол Павел. Он сам оставался холостым, да и какая семья выдержала бы такие странствия и опасности, через которые довелось ему пройти! Он объяснял это так: «неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене» (1 Кор 7:32–33) – и потому советовал тем, кто хочет всецело посвятить себя служению Богу, оставаться холостыми. Впрочем, для него и епископ мог быть женатым, лишь бы только это был «муж одной жены» (Тит 1:5–6), т.е. человек, проявивший верность в браке. Последние полтора тысячелетия, правда, епископы избираются из числа монахов, как раз решивших стать «скопцами ради Царствия».

Брак и для Павла есть образ отношений Бога и человека. Ему принадлежат удивительные слова, над полным смыслом которых мы редко задумываемся: «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела... Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее» (Ефес 5:22–25). Да, с одной стороны, Павел говорит о подчиненном положении жены (что в том обществе было совершенно

естественно), но с другой – указывает на источник этой внутрисемейной иерархии. Она отражает отношения между Богом и Церковью, а главное, мужьям вовсе не дозволяется самодурствовать и пользоваться своей властью для самоуслаждения. Они призваны любить своих жен, и не только так, как жених любит невесту, но и той любовью, которую на Кресте явил Сам Христос. Прочитав такие слова, поневоле придешь к выводу, что роль мужей в семье Павел описывает куда строже, чем роль женщин: повиноваться не так уж и трудно, а вот повторить подвиг любви, явленный на Кресте...

А что же интимные отношения? Как и в Ветхом Завете, у Павла они есть неотъемлемая часть супружеской жизни и только ее: «Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена. Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим» (1 Кор 7:4–5). Как мы видим, здесь предложен главный принцип христианской аскетики: время молитвы и особого духовного сосредоточения, называемое *постом*, требует от человека отказа от привычных радостей жизни. И вместе с тем он уточняет, что в супружеских отношениях такое должно происходить только по взаимному согласию, иначе «высокая духовность» одного из супругов может стать тяжким искушением для другого.

Как мы видим, Библия признает телесную, интимную, или, если угодно, сексуальную сторону человеческой жизни как естественную и непостыдную. При этом она ставит ей определенные рамки, а еще точнее – указывает на главный принцип единства мужчины и женщины и их верности Богу и друг другу в браке, которому и должна подчиняться эта сторона нашей жизни. Сексуальная вседозволенность, равно как и отвращение от телесной любви как от чего-то грязного и греховного, в равной степени чужды Библии. Как всегда, она призывает нас идти средним, «царским» путем.

36. Что говорит Библия об инвалидности?

Всегда и во все времена среди людей были те, кто страдал от тяжелых болезней, не мог обойтись без посторонней помощи, кто нередко чувствовал себя изгоем в мире, предназначенном для здоровых... Инвалиды. Они были и в Египте во времена Моисея, и в Палестине во времена Иисуса. Что же говорит о них Библия? Почему вообще рождаются на свет люди с телесными недостатками? Есть ли смысл в их страданиях?

«Кто делает немым или глухим?»

Часто можно услышать, что Ветхий и Новый Заветы – очень разные книги, потому что одна говорит о строгих запретах и наказаниях, а другая – о свободе и любви (в 6-й и 26-й главах мы разбирали это подробнее). Вообще-то говоря, утверждение это неверно: в обеих частях Библии речь идет об одном и том же Боге, да и род людской не сильно изменился за последние несколько тысяч лет, так что можно найти и пламенные призывы к любви в Ветхом Завете, и суровые наказания – в Новом.

Но, действительно, есть такие области, в которых Ветхий и Новый Заветы заметно отличаются друг от друга, и одна из них – отношение к инвалидам. Ветхий Завет, казалось бы, предельно категоричен: священником и левитом не может быть человек с телесным недостатком. Господь говорит, что инвалид к жертвеннику не должен приступать, потому что недостаток на нем: не должен он бесчестить святилища Моего (Лев 21:23). Более того, существует и такое увечье, которое вообще ставит человека вне пределов Израиля, избранного народа, – это кастрация (Втор 23:1).

К тому же существовал целый ряд кожных болезней (объединенных в русском переводе общим названием «проказа»), который делал человека ритуально нечистым, фактически изгоняя его из общества (Лев 13). О таких прокаженных мы читаем и в Евангелии: они должны были жить отдельно от здоровых, даже прикосновение к ним оскверняло обычного человека. По-видимому, товарищи по несчастью собирались вместе, ведь они не имели права общаться даже с самыми близкими людьми. Еще неизвестно, что было для них мучительнее: сама болезнь или ощущение своей ненужности и отверженности.

На первый взгляд, такое отношение сродни нацистской «евгенике», когда общество должно было избавляться от «неполноценных членов». Но только на первый. Что касается прокаженных, тут есть немало здравого смысла: кожные болезни заразны, и для того, чтобы предотвратить эпидемию, больному человеку действительно лучше не соприкасаться со здоровыми. В свою очередь, болезнь или увечье, которые не были заразными, никак не исключали человека из общества. Мы видим примеры, когда люди с серьезными телесными недостатками были не просто полноценными, но весьма уважаемыми членами общества: патриарх Исаак к старости ослеп (чем и воспользовался его сын Иаков, выдав себя за своего брата, Исава – Быт 27), но не лишился своего авторитета; единственный потомок царя Саула, который остался жить при дворе царя Давида и пользовался, как мы бы сказали сегодня, немалыми социальными льготами, – это Мемфивосфей, хромой с раннего детства (2 Цар 4:4; 2 Цар 9).

Для таких людей недоступно было лишь служение в качестве левита или священника, и вот почему. Народ Израиля должен был приносить в жертву Богу все самое лучшее: для такой жертвы не годилась ни второсортная мука, ни барашек с телесным изъяном. Следовательно, и тот, кто совершал эти жертвоприношения, должен был быть здоровым человеком, чтобы нельзя было сказать: в жертву принесли ненужное животное, а к алтарю послали того, кто неспособен работать в поле. По сходным причинам, кстати, священникам и левитам нельзя было прикасаться к мертвому телу: не потому, что это дурно, а потому, что служение Богу несовместимо со смертью.

Самый интересный пример мы видим в жизни величайшего пророка Ветхого Завета – Моисея. Бог послал его в Египет, чтобы спасти израильтян от тяжкого рабства, и он должен был говорить с фараоном и своими соплеменниками, но... Моисей сначала долго отказывался. Во-первых, он просто не верил в успех этого предприятия, но была еще одна причина... «О, Господи! человек я не речистый, и таков был и вчера и третьего дня, и когда Ты начал говорить с рабом Твоим: я тяжело говорю и косноязычен». Господь ответил Моисею: «Кто дал уста человеку? Кто делает немым, или глухим, или зрячим, или слепым? не Я ли?» (Исх 4:10–11). Трудно сказать точно, что имеется в виду: может быть, Моисей просто не был приучен к публичным выступлениям, но, с другой стороны, он воспитывался при царском дворе как принц и наверняка его не смущали толпы и церемонии. Скорее всего, у него был какой-то серьезный дефект дикции, ему физически было трудно говорить перед толпой.

И Господь посылает навстречу Моисею, идущему в Египет, его родного брата Аарона: «он будет твоими устами» (Исх 4:16), – говорит Он Моисею. Как странно! Если Аарон может хорошо говорить, то почему же Господь не посылает его? А если по каким-то причинам хочет послать именно Моисея, отчего не исправляет немедленно его телесный недостаток? Такое чудо было бы сущей мелочью по сравнению с чудесами, которые будут сопровождать исход израильтян...

На самом деле уже здесь, в Ветхом Завете, мы видим важнейший принцип сотрудничества: люди с физическими недостатками нуждаются в помощи других, но и другие, оказывается, не могут без них обойтись. Ведь вся история Исхода – это повествование о том, как небольшой, угнетенный и разобщенный народ с Божией помощью обрел свое единство и смог справиться со всеми бедами, выпавшими на его долю. Вообще, история избранного народа – это вовсе не история славных подвигов великих богатырей, как в былинах об Илье Муромце, песне о Роланде и героическом эпосе практически всех других народов. Это скорее череда рассказов о людях слабых, сознающих свою слабость, но беспредельно доверяющих Богу. Основатель главной династии израильтян – не кто иной, как Давид, который, будучи еще совсем юным и неопытным пастушком, победил опытного воина и могучего богатыря Голиафа.

На древнем Ближнем Востоке было много могущественных народов с развитой и оригинальной культурой: египтяне, шумеры, вавилоняне... Но Господь избрал совсем небольшой и совсем не такой уж продвинутой в культурном отношении народ – израильтян. Наверное, именно для того, чтобы у них не было повода гордиться собственными достижениями, чтобы все свои успехи они приписывали именно Богу. И нет ничего удивительного, что у истоков этого народа стоял пророк, который сам по себе и двух слов-то не мог произнести.

«Встань и ходи!»

Когда мы читаем Евангелие, невозможно не заметить одну необычную черту: именно инвалиды – в самом центре внимания. Кто встречается нам чуть ли не на каждой странице? Это книжники и фарисеи (своего рода «религиозный истеблишмент» той поры), это раскаявшиеся мытари и блудницы (презираемые всеми грешники, решившие изменить свою жизнь) и это слепые, сухорукие, прокаженные... – те, кто встречал Иисуса и получал внезапное и полное исцеление.

Все остальные совершенные Им чудеса (насыщение толпы пятью хлебами, умирение бури, даже воскрешение дочери Иаира, или сына вдовы, или Лазаря) – события редкие, вызванные какой-то особой ситуацией. Но что происходит вокруг Иисуса как бы само собой, от одного Его присутствия, так что даже невозможно перечислить все подобные случаи? «И ходил Иисус по всей Галилее, уча в синагогах их и проповедуя Евангелие Царствия, и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях» (Мф 4:23). Именно это и становится одним из самых первых пунктов несогласия между Иисусом и фарисеями: можно ли исцелять в субботу? «Встань, возьми постель твою и ходи», – так

просто сказал Он одному исцеленному (Ин 5:8). Тот встал и пошел, и постель забрал с собой, и вышел двойной скандал: мало того, что человек в субботу нес куда-то свой груз, так еще, оказывается, и врачебная деятельность имела место в день священного покоя! Явное нарушение правил.

Иисус отвечал на подобные обвинения: в субботу человек может помочь даже скоту; в этот день именно что полагается творить добрые дела (Мф 12:11–12); связанную узами сатаны дочь Авраама (то есть еврейку) следовало немедленно освободить и в этот день (Лк 13:16). На самом деле, фарисеи, насколько нам известно, не запрещали любую врачебную деятельность по субботам: если жизни человека угрожала опасность, все прочие правила переставали действовать. Но в случае хронического многолетнего, а то и врожденного заболевания – разве нельзя было подождать один-единственный день? Что бы изменилось, если бы Иисус исцелил такого человека завтра?

Оказывается, такая тяжелая болезнь – это узы сатаны, то есть безусловное зло, от которого следует избавлять человека при любой возможности. Потому Христос и не может ответить «завтра» на призыв исполнить волю Отца, на просьбу человека о спасении. Это настолько же нелепо, как сказать страдающему от жажды человеку: дам тебе напиток завтра. Тут уж либо ты помогаешь здесь и сейчас, либо твоя «помощь» по строгому расписанию выглядит скорее издевательством. И слова Христа «суббота для человека, а не человек для субботы» (Мк 2:27), сказанные, правда, по другому поводу, применимы и к случаям исцеления.

Исцелений, судя по Евангелиям, было великое множество, и порой они носили массовый характер. Но однажды среди толпы Христос специально отметил одну прикоснувшуюся к Нему женщину... Она долгие годы страдала кровотечением и, значит, была ритуально нечиста – само ее прикосновение оскверняло других людей. И все-таки она прикоснулась к одежде Учителя. Он мог бы из снисхождения не заметить такого нарушения правил, но Он, напротив, привлек к нему всеобщее внимание. А в заключение сказал: «вера твоя спасла тебя; иди в мире и будь здорова от болезни твоей» (Мк 5:34).

Сегодня многие запреты и предписания традиционных религий кажутся нам несовременными, неудобными, излишне строгими, и мы обходим их ради собственного удобства. На этом примере Христос показывает, что именно может стать причиной полной отмены всех подобных ограничений – это помощь страдающему человеку.

Вообще, смертельная или просто мучительная болезнь заставляет людей преодолевать любые границы: с просьбой об исцелении своих близких ко Христу обращались не только израильтяне, но и римский центурион (Мф 8:5–10), и даже язычница-финикиянка (Мк 7:24–30). Наверное, не было на свете другого такого повода, который заставил бы ее прибегнуть с мольбой к странствующему иудейскому Проповеднику, но когда речь идет о здоровье дочери... И сегодня люди нередко впервые всерьез обращаются к Богу именно по такому поводу. Болезнь ближнего может стать ступенькой, приводящей человека к вере.

«Не имею человека»

Но всегда ли близкие спешат на помощь? Да и у всех ли они есть? Вернемся к тому человеку, который нес свою постель в субботу. Евангелист Иоанн повествует об удивительной купели около иерусалимских ворот, где чудеса происходили прямо-таки регулярно, хоть и не по расписанию: когда вода в купели возмущалась, то это был знак, что на нее сошел Ангел, и первый, кто входил в купель, получал исцеление от любого недуга. Неудивительно, что около купели постоянно находилось множество людей, надеявшихся на выздоровление. Христос, проходя мимо, спросил одного такого страдальца, хочет ли он выздороветь. Больной ответил: «Так, Господи, но не имею человека, который опустил бы меня в купальню, когда возмутится вода; когда же я прихожу, другой уже сходит прежде меня» (Ин 5:7).

Евангелист сообщает нам, что в болезни он провел тридцать восемь лет. Вероятно, не все эти годы он лежал подле купели, но можно предположить, что провел он там достаточно много времени. И вот неделю за неделей, месяц за месяцем он наблюдал одну и ту же картину: при первых признаках чуда толпа кидалась в воду, каждый стремился быть первым и расталкивал остальных, прямо как в современных телевизионных шоу. Разумеется, чем тяжелее была болезнь, тем меньше было шансов оказаться первым, если только тебе не поможет кто-нибудь из здоровых. Этому человеку никто не помогал, так что шансов практически не было. Но он все-таки оставался у купели, поскольку тут была пусть и призрачная, но все-таки надежда.

Он получил немедленное исцеление от Христа. Он один из всей этой толпы... Остальные продолжали ждать следующего забега за своим первым местом. И мне почему-то не кажется удивительным, что Христос тогда не исцелил их всех разом.

А вот еще одна история об исцелении: Иисусу однажды встретились десять прокаженных – видимо, эти отверженные обществом люди старались как-то поддерживать друг друга, держаться вместе. Они соблюдали почтительную дистанцию и лишь просили Его о помощи. Иисус велел им показаться священникам – Моисеев Закон требовал, чтобы именно священник засвидетельствовал очищение от болезни (Лев 13). Они поверили Иисусу и пошли, а по дороге заметили, что болезнь оставила их. Поблагодарить Иисуса вернулся только один – и это был самарянин, представитель враждебного и презираемого иудеями народа (Лк 17:11–19). Остальные, по-видимому, были иудеями, и пока все они были отверженными, не было особенной разницы между ними. Но теперь иудеям надлежало показаться священникам в Иерусалимском храме, а самарянина бы туда просто не пустили – вот и пришлось им поневоле расстаться.

Но именно такое расставание привело этого человека ко Христу уже не просто за насущной потребностью, но за чем-то гораздо более важным и нужным. «Иди; вера твоя спасла тебя» – такими словами проводил его Иисус (Лк 17:19), это он говорил далеко не всем исцеленным. Получается, что исцеление было дано десятерым, но только один обрел спасение – тот самый человек, который и в здоровом состоянии был отвергнут этим обществом.

«Кто согрешил?»

Мы видим, что практически все евангельские истории об инвалидах и тяжелобольных людях – это повествования о том, как их исцелил Христос. «Исцеление» – задумаемся над этим словом. Само его звучание подсказывает нам: это восстановление целостности человека, его духовного, душевного и телесного здоровья. Согласно библейскому взгляду на мир, смерть, а значит, и болезнь, вошли в мир из-за человеческого греха: в Эдемском саду Адам и Ева не были подвластны страданиям. Более подробно рассуждает об этом в 8-й главе послания к Римлянам апостол Павел: не только человек, но вообще «вся тварь совокупно стенает и мучится доныне». Действительно, животным точно так же известны страдания, болезни и смерть. Павел не раскрывает никаких деталей, да, возможно, и сам не знает их, но выражает твердую уверенность, что причиной такого положения стал человеческий грех и что в Царствии Божием ничего подобного больше не будет.

Но если причина страдания – грех, то, вероятно, каждый страдающий человек несет наказание за какой-то конкретный свой проступок? Тому самому расслабленному, который ушел от Иисуса с постелью под мышкой, позднее Он сказал, встретив его в храме: «вот, ты выздоровел; не грехи больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже» (Ин 5:14). Правда, эти слова звучат уже после исцеления, и можно подумать, что перед человеком, обретшим долгожданное здоровье, возникло слишком много соблазнов – об их опасности и предупредил его Иисус.

В другой раз Он проводит эту связь между грехом и болезнью более прямым и непосредственным образом. Когда к Нему принесли еще одного расслабленного человека,

Он прямо сказал ему: «прощаются тебе грехи твои» (Мф 9:2). Сказал демонстративно, чтобы все знали о Его власти прощать грехи, а не только исцелять. И нам не остается ничего другого, как только признать: да, в данном конкретном случае болезнь была следствием личных грехов больного. Да мы и по опыту знаем, что такие болезни, как цирроз печени или наркотическая зависимость, возникают, как правило, вследствие действий самого человека, осознанных и свободных. Вполне возможно, что иногда и увечье, и другой род болезни служат своего рода последствием определенных поступков самого человека, даже если это и не очевидно с точки зрения медицины.

Но мы ведь знаем о множестве случаев, когда страдает человек, не совершивший никаких тяжких грехов. Особенно ярким примером служат дети: ну что они могли натворить, чтобы карать их так жестоко? А если они уже родились инвалидами, то о каких грехах можно говорить – о грехах во время внутриутробного развития плода? Или так они расплачиваются за грехи родителей? Но тогда это несправедливо по отношению к ним! Мне кажется, что именно эта логическая проблема привела в свое время к возникновению веры в переселение душ: плохо человеку или хорошо, он в любом случае заслужил это в своей прошлой жизни. Правда, такая теория тоже не лишена жестокости: если сам человек, особенно младенец, не в состоянии понять, за что он наказан, то наказание становится просто бессмысленным мучением.

Евангелие тоже не обходит стороной этот вопрос. Иоанн повествует, как однажды Иисус проходил мимо человека, слепого от рождения. Ученики Его спросили у Него: «Равви! кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?» Иисус отвечал: «не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии» (Ин 9:2–3). Он исцелил этого человека, тот прозрел и уверовал в Иисуса, причем обрел такую смелость и доверие своему Спасителю, что без колебаний признал Его Сыном Божиим и прямо отстаивал свою веру перед фарисеями (Ин 9:24–38). За веру в Иисуса тогда уже отлучали от синагоги (по сути, делали людей такими же изгоями, какими были и прокаженные), так что даже родители этого человека не решились ничего сказать по этому поводу, но сам он был бесстрашен.

Какой все-таки странный ответ: «не согрешил ни он, ни родители его»... Вот именно на этом Иван Карамазов в романе Достоевского, а с ним и множество других людей вознамерились «вернуть свой билет Творцу»: дескать, если в мире существует незаслуженное страдание, то мир недостоин того, чтобы в нем жить. Точно так же и библейский Иов, внезапно лишившийся и богатства, и детей, и здоровья, бросал Господу горький упрек: «Ну за что же Ты со мной так?!» Господь тогда не стал отвечать Иову на вопрос «за что», не ответил на этот вопрос и Христос Своим ученикам.

Но зато Он ответил на другой, не заданный вопрос: «для чего страдание». Представим себе, какую жизнь прожил бы тот человек, если бы родился зрячим. Вероятно, все у него сложилось бы удачно, женился, родил бы детей, построил дом, работал бы себе и радовался жизни. И отвернулся бы от проходящего мимо Проповедника из Назарета: да ну, себе дороже связываться, еще отлучат от синагоги... Может быть, он не стоял бы в толпе кричавших «распни Его!», может быть, он вообще был бы на диво порядочным и честным человеком, настоящим праведником. Но в его жизни никогда бы не было этой удивительной встречи с Господом и Спасителем, ему бы просто не о чем было Его просить, не за чем к Нему приходить.

Кстати, примерно то же самое произошло и с ветхозаветным Иовом: Господь не ответил ему на многочисленные «за что» и «почему», но зато заговорил с ним, как никогда не разговаривал прежде (Иов 38). Да и о чем было им прежде говорить? Иов жил праведно, приносил жертвы, произносил молитвы... И только когда грянула беда, он закричал, обращаясь к небу, он по-настоящему обратился к Богу на «Ты».

Но это всякий раз – тайна самого страдальца, мы не имеем права тут ни о чем судить. Зато к нам обращена другая часть слов Христа: «чтобы на нем явились дела Божии». Дела Божии – это исцеление или, по меньшей мере, помощь страждущим людям,

и вовсе не нужно быть чудотворцем, чтобы творить такие дела в меру своих слабых сил. И когда человек начинает так поступать, он обязательно убеждается, как много дает ему самому помощь этим людям, которые, казалось, не могут дать никому и ничего – слабые, как пастушок Давид, косноязычные, как пророк Моисей, но полные веры и надежды, как тот слепорожденный.

37. Что говорит Библия о смерти?

Мы предпочитаем о ней вообще ничего не говорить, потому что смерть слишком страшна. Когда умирает кто-то близкий, мы называем это описательно: «он ушел от нас...» И все-таки смерть – это единственное событие в жизни, которое происходит с каждым человеком без исключения. Что же говорит о ней Библия?

«День смерти лучше дня рождения»

Есть в книге Екклезиаста удивительные слова: «Имя лучше хорошего масла, и день смерти лучше дня его рождения» (7:1). Екклезиаста, конечно, трудно назвать оптимистом, но это, кажется, слишком мрачно даже для него. В каком же это смысле следует понимать? По-видимому, речь здесь идет вот о чем. Новорожденный ребенок, словно драгоценное масло, существует пока только телесно и еще не имеет имени. Его потенциал, как и благовоние, может быть потрачен – или растрочен? – на очень разные цели, и может очень быстро улечься, как и аромат драгоценного масла. Но если в течение жизни человек приобретет себе доброе имя, в день смерти оно остается за ним навсегда.

Такое понимание присутствует и в традиционных толкованиях. Вот что пишут по этому поводу авторы талмудических трактатов «Шемот Рабба» и «Когелет Раба»: «Когда рождается человек, все радуются; когда он умирает, все плачут... Это подобно тому, как один корабль покидал гавань, а другой входил в нее. Уходящему кораблю радовались, а входящему никто не радовался. Там был один умный человек, и он сказал людям: “Я вижу, вы все перепутали. Нет причин радоваться уходящему кораблю, ибо никто и не знает, какова будет его участь, какие моря и бури встретит он на своем пути; но тому, кто возвращается в гавань, всем следует радоваться, так как он прибыл благополучно”. Подобным образом, когда человек умирает, всем следовало бы радоваться и благодарить, что он покинул этот мир с добрым именем».

Раввинам вторит христианский богослов и переводчик, блаженный Иероним Стридонский: «“И день смерти лучше дня рождения” – это означает либо то, что лучше уйти из этого мира и избежать его страданий и ненадежной жизни, чем, войдя в этот мир, терпеливо сносить все эти тяготы, ведь когда мы умираем, наши дела известны, а когда рождаемся – неизвестны; либо же то, что рождение привязывает свободу души к телу, а смерть освобождает ее».

Современный читатель, который верит в бессмертие души, после некоторых размышлений, наверное, согласится с таким выводом: ведь смерть он понимает как рождение в вечную жизнь, где праведник (или прощенный грешник) сможет, наконец, обрести всё то, чего ему не хватало в жизни временной. Но по-настоящему удивительными нам покажутся эти слова, если мы задумаемся: они были сказаны в обществе, где мало кто думал о загробном блаженстве.

В Ветхом Завете мы найдем только две ссылки, причем обе спорные и сомнительные, в которых можно при желании разглядеть указание на что-то хорошее за гробом. Одна – Притч 14:32. Синодальный перевод гласит: «За зло свое нечестивый будет отвергнут, а праведный и при смерти своей имеет надежду». Казалось бы, всё вполне ясно, но... современные ученые полагают, что это все-таки исправление писцов последующих времен, а изначально в тексте вместо слов «при смерти» стояло «в своей непорочности (имеет надежду)», то есть еще при жизни обретает благо. В еврейском тексте, вероятно две буквы поменялись местами и смысл переменялся, такое порой происходит при переписывании рукописей – да и греческий текст, Септуагинта, здесь как раз говорит о праведности, а не о смерти.

Другое место – в книге Иова (19:25–26). Синодальный перевод и здесь вполне оптимистичен: «А я знаю, Искупитель мой жив, и Он в последний день восставит из праха

распадающуюся кожу мою сию, и я во плоти моей узрю Бога». Но на самом деле оригинал здесь полно неясностей; достаточно сказать, что там стоит не «во плоти», а буквально «из плоти» или «вне плоти», и, по всей видимости, это значит, что плоти у Иова больше уже не будет. В моем переводе это место звучит так: «Я же знаю, что жив мой Заступник, Он – Последний – встанет над прахом! Даже когда спадет с меня кожа, лишаясь плоти, я увижу Бога».

Но даже если оба этих места действительно говорят о благой участи за гробом, никаких других им подобным мы просто не найдем. Но мы найдем в тех же Притчах, у того же Иова множество упоминаний смерти как страшного, окончательного, положенного всем нам предела, за которым не будет уже ни света, ни радости, ни спасения. Тот же Иов говорит: «Уходят воды из озера, и река иссыкает и высыхает: так человек ляжет и не встанет; до скончания неба он не пробудится и не воспрянет от сна своего... Теснишь его до конца, и он уходит; изменяешь ему лице и отсылаешь его. В чести ли дети его — он не знает, унижены ли — он не замечает; но плоть его на нем болит, и душа его в нем страдает» (14:11–12, 20–22).

И все-таки в этой же книге мы встречаем удивительное, дерзновенное, пророческое слово о Шеоле – мире мертвых. На мой взгляд, эти строки стоят ближе к Голгофе и воскресению, чем всё остальное в Ветхом Завете. Я позволю себе процитировать их в собственном переводе:

Я тоскую по Шеолу, как по дому,
и во тьме себе ложе готовлю,
я гроб зову своим отцом,
а червя – матерью и сестрой.
Где же она, моя надежда?
Надежду мою – кто видел?
Сойдет ли она к вратам Шеола?
Ляжет ли вместе со мной в землю? (17:13–16)

Да, сойдет, да, ляжет – готовы крикнуть мы Иову с высоты Нового Завета, но он-то об этом еще ничего не знает. Он готовится сойти туда безвозвратно, не ожидая там для себя ничего хорошего. Он умер «старцем, насытившись жизнью», он видел своих правнуков, и примерно то же самое говорится о других праведниках, но это только подчеркивает основную мысль Ветхого Завета: всё хорошее бывает здесь и сейчас, не жди никакого блага там. С одной стороны, до Голгофы, до искупления грехов всего человечества и в самом деле невозможно было говорить о рае. А с другой – может быть, так Господь приучал израильтян к верности Богу не ради загробных наград, а ради самой жизни с Богом уже здесь и сейчас?

Итак, для человека Ветхого Завета всё ценное и важное в жизни происходило здесь, на земле; но человек времен Нового Завета уже знал, что за гробом ему предстоит дать отчет в земной жизни и что дальнейшая его судьба будет зависеть от этого суда. Люди верили, что воскреснут «в последний день», когда завершится земная история и начнется что-то новое, непонятное, но прекрасное, о чем говорили пророки.

«Бог не сотворил смерти»

Но что говорит Библия о самом этом переходе, о смерти? Она появляется вместе с грехопадением; давая Адаму заповедь не есть от древа познания добра и зла, Господь предупреждает его: «в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь» (Быт 2:17). Прочитав немного дальше, мы увидим, что Адам и Ева прожили не просто долго, а невероятно долго после того дня, когда нарушили заповедь. Видимо, предупреждение означало, что в тот день они станут подвластны смерти. Адам, рассказывает Бытие, прожил 930 лет, его сын Сиф – 912, а внук Енос – 905 лет. Сроки, конечно, немислимые в нашем мире, и об их символическом значении уже было сказано в 9-й главе: по мере

удаления от источника жизни, Бога, постепенно сокращается и срок земного существования.

Подробнее об этом рассуждает неканоническая книга Премудрости Соломона (1:13–16): «Бог не сотворил смерти и не радуется погибели живущих, ибо Он создал все для бытия, и все в мире спасительно, и нет пагубного яда, нет и царства ада на земле. Праведность бессмертна, а неправда причиняет смерть: нечестивые привлекли ее и руками и словами, сочли ее другом и исчахли, и заключили союз с нею, ибо они достойны быть ее жребием». А в Новом Завете об этом рассуждает апостол Павел (Рим 5:12): «одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили».

Конечно, это может показаться несправедливым: лично я не грешил в Эдемском саду, почему я должен нести на себе наказание за тот грех? Ответить на это можно по-разному, хотя смысл все равно будет примерно один и тот же. Можно сказать, что всё человечество унаследовало от Адама и Евы первородный грех (согласно православному веручению, свободен от него был только Христос; католики добавляют к Нему и Богородицу Марию). Это не просто ответственность за что-то, произошедшее очень давно, но склонность ко греху, которая так или иначе проявляется в любом человеке. Дети матери-наркоманки рождаются уже с наркотической зависимостью, хотя ни разу не принимали наркотик, не говоря уже о весьма вероятных генетических сбоях; грех – самый страшный наркотик, привыкание к которому наступает при первом же употреблении.

А можно понять то же самое несколько иначе: в Адаме и Еве Библия поэтически изобразила первобытное человечество на каких-то очень ранних стадиях его развития, когда люди решили жить своим умом и отвернулись от Единого Бога. Мы все причастны этому человечеству, сказавшему Богу твердое «нет», потому что и мы в своей жизни периодически делаем то же самое.

«Сильна как смерть, любовь»

Казалось бы, если смерть – следствие греха и печать греховности на всем человечестве, то она есть безусловное зло, которое можно только проклинать. Но самая жизнерадостная книга Библии, Песнь Песней, как будто даже воспевает ее (8:6): «Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо крепка, как смерть, любовь; люта, как преисподняя, ревность». Поэты последующих веков будут возражать: нет, любовь сильнее смерти, она ее побеждает, – но ведь библейский автор писал не о том, кто одерживает верх в поединке. Он просто сравнивал любовь с самым сильным, что только есть в этом мире после Бога, и не нашел ничего сильнее смерти.

Смерти, конечно, никто себе не желал и при возможности ее старался отвратить. Мы почти не находим в библейских книгах самоубийств. Для греко-римской античности, к примеру, способность человека покончить со своим бренным существованием была признаком мужества и духовной высоты. Совсем не то в Библии, там это поступок крайнего отчаяния: убивает себя раненый Саул, чтобы не попасть в плен к филистимлянам, которые надругаются над ним (1 Цар 31); убивает себя мудрец Ахитофел, чей совет был впервые отвергнут правителем (2 Цар 17). Об Иуде Искарите и говорить нечего (Мф 27:3–5).

Но к своей и чужой смерти люди библейских времен относились, кажется, гораздо спокойнее, чем мы. Пророк Валаам, глядя на израильский народ, благословляет его и неожиданно говорит: «Да умрет душа моя смертью праведников, и да будет кончина моя, как их!» (Числа 23:10). Как же это можно желать себе смерти? Нет, он просто знает, что смерти не избежать, и молится о том, *какой* именно он желает себе смерти: как у праведников. То самое спокойное завершение благого пути, о котором, по-видимому, говорил и Екклесиаст. Кстати, Валааму не было даровано то, чего он просил: этот «пророк по найму», принявший в свое время заказ проклясть израильтян, был ими убит вместе с мадиамскими царями (Ис Нав 13:22).

О смерти – и своей, и чужой – в библейские времена говорили достаточно просто, как о чем-то естественном и обыденном, от нее не прятались, как принято теперь, когда и надгробные речи звучат порой так, словно произошла какая-то немыслимая случайность, которой никто не мог ожидать. Но вот как начинается последняя речь царя Давида, обращенная к его сыну и наследнику Соломону: «Приблизилось время умереть Давиду, и завещал он сыну своему Соломону, говоря: вот, я отхожу в путь всей земли, ты же будь тверд и будь мужествен и храни завет Господа Бога твоего» (3 Цар 2:1–3). И Соломон не возражает, не говорит отцу, что тому еще жить да жить; он понимает, что в «путь всей земли» лучше уходить подготовленным, с ясным сознанием своей судьбы.

«Смерть, где твое жало?»

Но это, конечно, не значит, что люди смирились со смертью. Да это, наверное, и невозможно. И в пророческих книгах речь то и дело заходит о чудесном времени, когда... «не будет более малолетнего и старца, который не достигал бы полноты дней своих; ибо столетний будет умирать юношею, но столетний грешник будет проклинаем. И будут строить дома и жить в них, и насаждать виноградники и есть плоды их. Не будут строить, чтобы другой жил, не будут насаждать, чтобы другой ел» (Ис 65:20–22).

А может быть, случится нечто более удивительное – и смерти не станет совсем? «уничтожит на горе сей покрывало, покрывающее все народы, покрывало, лежащее на всех племенах. Поглочена будет смерть навеки, и отрет Господь Бог слезы со всех лиц» (Ис 25:7–8). Впрочем, с пророчествами всё непросто – и мы рассуждали об этом в 10-й главе, приводя пример из пророка Осии (13:14), слова которого цитирует в совершенно ином смысле апостол Павел (1 Кор 15:54–55), а за ним и Иоанн Златоуст: «Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?» Не может быть, чтобы Господь в одной и той же короткой фразе одновременно яростно угрожал израильтянам и давал им самые смелые надежды! Не может... только если мы сами следуем строгим законам формальной логики, где угроза и обещание – два разных и совершенно несовместимых понятия. Но разными бывают люди, времена, обстоятельства, и что звучало угрозой для одних, легко может стать обещанием для других.

Пророки не только говорили – они еще и действовали. Илия во время голода приходит к бедной вдове, ждущей неминуемой смерти вместе со своим сыном, и просит – точнее, приказывает – отдать ему последнюю порцию хлеба. Вдова повинуется, и пища чудесным образом умножается. Но ребенок все равно погибает спустя некоторое время, уже не от голода, а от внезапной болезни. Вдова бросает в лицо пророку горький упрек: «Что тебе до нас, человек Божий? ты пришел ко мне напомнить грехи мои и умертвить сына моего». Безо всякого высокого богословия эта женщина живо чувствовала связь между смертью и грехом, правда, понимала она ее слишком прямолинейно: за свои грехи она расплатилась смертью сына. Пока рядом с ней не было пророка, всё было каким-то обыденным, серым, но его приход высветил и белое, и черное в ее жизни – и теперь за черное ее ждет страшная расплата. Такое уравнение построить очень просто, и множество людей с той поры так и объясняют болезни и смерти... Но Илия не соглашается – он обращает упрек уже к Господу: «Господи Боже мой! неужели Ты и вдове, у которой я пребываю, сделаешь зло, умертвив сына ее?» (3 Цар 17)

Позднее подобное чудо сотворит Елисей (4 Цар 4), и конечно, Христос (Лука 7:11–17). «Бог посетил народ Свой» – говорят евреи, когда видят воскрешение сына вдовы в ничем не примечательном городке. Вряд ли они так быстро признали Христа Богом, почему же они так говорили? И почему вообще Христос воскресил этого юношу? Понятно, что вдова, потерявшая сына, оставалась безо всяких средств к существованию, но ведь не один он умер тогда в Палестине, и ничего примечательного в этом городке и в этой семье, кажется, не было.

Где есть Бог, там нет смерти. Это как огонь и лёд: в одном и том же месте может быть только что-то одно из них, и если Христос встречается со смертью, смерть отступает.

То же самое мы видим в сцене воскрешения Лазаря (Ин 11). Удивительная уверенность Марфы и Марии, который повторяют друг за другом: «Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой» – как можно умирать в присутствии Господа, в самом деле? Но в этом чуде, предваряющем смерть и воскресение самого Христа, мы видим и другое. Мы видим его смирение перед смертью. Мы видим его таким слабым и смертным человеком, как, пожалуй, нигде в Евангелии; даже на Голгофе в Нем больше твердости и уверенности. А здесь, у могилы друга, Он по-человечески растерян: не знает, куда положили Лазаря, Он скорбит до слёз и даже возмущается, да и как не возмутиться всесилием смерти?

Эти проявления человеческой слабости во Христе заставляли немало потрудиться экзегетов. Но общий смысл, видимо, прост: так раскрывается полнота Его человеческой природы, немощной и ограниченной, как у нас, и непричастной только греху. Природы, подвластной смерти. Но именно такой человек и говорит Лазарю: «Выйди!» – и тот выходит из могилы, из Шеола, из царства теней. И после этого становится предельно ясно: Христа уже не оставят в живых; слишком сильному противнику бросил Он вызов.

А дальше... Мы все знаем, что было дальше. Мы поем об этом каждую Пасху: «смертию смерть поправ». Как и в случае с Адамом и Евой грехопадение не означало немедленного умирания, так и здесь воскресение Христа не означало немедленного упразднения смерти. Но власть ее стала временной, относительной, конечной. «Царствует ад, но не вечнует над родом человеческим» – так поет об этом Церковь в Великую Субботу.

Победить смерть означало для Христа пройти через нее, пережить ее и превозмочь, чтобы даже на этом пути, в «долине смертной тени», мы не чувствовали себя брошенными и одинокими. Он уже побывал там, и там мы встретимся с Ним, чтобы Он вывел нас в вечность.

38. Говорит ли Библия о таинстве Причащения?

Почти каждый день в православных храмах совершается главное богослужение Церкви – литургия. Более того, православные утверждают, что христианам недостаточно просто читать Библию и следовать учению Христа, им нужно регулярно причащаться за литургией. Что же это такое, приобщение Плоти и Крови Христа? Некий обряд, придуманный в Средние века и не имеющий отношения к Библии, как считают некоторые? Слишком буквально понятая метафора, как полагают другие?

Что это значит: «есть плоть»?

Библия – это книга, полная поэтических образов и метафор (об этом подробнее говорилось в 8-й главе). К примеру, в Евангелии Христос называет Себя и добрым пастырем, и виноградной лозой, и дверью, и путем... Но конечно, всем было совершенно ясно, что это метафоры: Он ни в каком смысле не был ни дверью, ни лозой, и с Ним нельзя было обращаться, как с этими предметами, но среди Его качеств были и такие, в которых обнаруживалось сходство с дверью или лозой. Никого такие обороты речи, конечно, не смущали.

Но есть в Евангелии и нечто совсем другое. Однажды Христос назвал Себя «хлебом жизни», данным с небес, и это, конечно, метафора. Но далее Он добавил: «истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни» (Ин 6:53). Такие странные слова не просто заставили задуматься досужих зевак, но и оттолкнули от Христа некоторых учеников, навсегда оставивших Его. Интересно заметить, как отреагировал Сам Христос на их уход. «Не хотите ли и вы отойти?» – спросил Он оставшихся. И тогда Петр ответил: «К кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни, и мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога Живаго» (Ин 6:67–69).

Современному человеку слова Христа о Себе как о «хлебе жизни» могут показаться непонятными, а то и вовсе бессмысленными. Но почему же для учеников Господа заявление «есть плоть, пить кровь» прозвучало так серьезно, стало развилкой, на которой человек решал, остаться ли ему с этим Чудотворцем или пойти своим путем?

Дело в том, что, с одной стороны, эти слова вступали в вопиющее противоречие с требованиями ветхозаветного закона, которому подчинялись слушатели Иисуса. Кровь была для них носителем жизни, пить ее или готовить из нее пищу строжайше запрещалось (Лев 7:26–27). Евреи, когда забивали животное, даже если это не была жертва, все равно обязаны были вылить всю кровь на землю (Втор 12:15–16): считалось, что в крови содержалась душа, а душа принадлежала только Богу. А уж что говорить о человеческой крови или о том, чтобы есть человеческое мясо! Ничего более запретного и представить себе невозможно.

С другой стороны, эти слова ясно указывали на жертвенный пир. В те времена и евреи, и язычники постоянно приносили жертвы. В некоторых случаях жертвенных животных сжигали на алтарях целиком, но в большинстве случаев часть мяса съедали жрецы и те, кто приносил жертву. Таким образом, люди символически участвовали в совместной трапезе с божеством, что и было своего рода кульминацией всякого культа – и поклонения Единому Богу, и поклонения разным богам у язычников. И по сей день мы отмечаем торжественные, радостные или скорбные дни, собираясь за общим столом с теми, кто нам дорог, с кем мы чувствуем себя единым целым.

Иисус тоже много говорил о пирах; брачный пир для Него был обычной метафорой Царства Божьего. Здесь Он тоже явно указывал на такой пир. Но почему же вместо роли хозяина пира Он присваивал Себе роль главного блюда?! Понять это можно только в одном смысле: Он представлял Себя Жертвой, Которая будет заклана ради этого пира.

Кровь Нового Завета

Такой пир действительно состоялся в канун ветхозаветной Пасхи, в христианской традиции его называют Тайной Вечерей – о ней уже говорилось в 22-й главе. В канун пасхального праздника каждая еврейская семья должна была зарезать ягненка или козленка (кто не мог себе этого позволить, объединялся с соседями), в память о том, как в ночь перед исходом израильтян из Египта они принесли в жертву такое же животное, и его кровью пометили свои двери. В ту ночь, как повествует книга Исход, ангел Господень умертвил всех первенцев египтян, но дома евреев, отмеченные кровью ягненка, остались нетронутыми.

На праздник Пасхи Иисус с учениками пришел в Иерусалим. Позади были триумфальный вход в город, каверзные вопросы фарисеев, подозрительность переменчивой толпы. Впереди были арест, неправый и скорый суд, крики «Распни Его!», Крест на Голгофе. Но этот вечер принадлежал им, узкому кругу учеников во главе с Учителем. Они собрались на свой праздничный ужин. А дальше... Матфей описывает это так: «И когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф 26:26–28). Другие евангелисты запомнили Его слова немного иначе, но общий смысл не меняется. Вот как звучат они у Луки: «сие есть тело Мое, которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание... сия чаша есть Новый Завет в Моей крови, которая за вас проливается» (Лк 22:19–20).

На сей раз никто не высказал удивления, хотя слова эти звучали не менее загадочно. Что это за «Новый Завет»? Это сегодня мы привыкли, что книга с таким названием стоит на полке, но тогда эти слова звучали примерно как «новое небо и новая земля». Завет был заключен давно, и он был один – договор между Господом и избранным Им народом, Израилем. Собственно, с этого договора и началась история Израиля как народа, он определял весь ее ход и смысл – и какой же завет можно было заключить в дополнение к нему? Правда, у пророков можно было встретить предсказание, что однажды с израильтянами будет заключен «новый завет» (например, Иер 31:31), но уж, конечно, такое торжественное событие не могло происходить в небольшой комнате, прямо так, за ужином... Ведь когда заключался прежний Завет, весь израильский народ собрался у подножья Синайской горы, он три дня и готовился к этому событию, но на гору взошел только Моисей. Это походило на землетрясение или извержение вулкана: окутанная дымом гора сотрясалась, раздавался громовой голос. Но здесь-то не было ничего подобного! И почему Он говорил о крови?

Заключение прежнего завета было скреплено кровью жертвенного животного: тогда первосвященник налил ее в чашу и окропил ей и Ковчег Завета (символический трон, на котором как бы восседал среди Своего народа Господь), и весь израильский народ. Представление о том, что именно жертвенная кровь служит своеобразной печатью на договоре, было общим для всех народов древности, равно и для израильтян и для язычников – ведь это была форма совместной священной трапезы договаривающихся сторон (и об этом шла речь в 21-й главе).

В тот вечер в той комнате не проливалась кровь. Однако ночью Иисус был арестован, и на следующее утро толпа во дворе Пилата кричала: «кровь Его на нас и на детях наших!» (Мф 27:25, мы подробнее говорили об этом в 22-й главе). Жертвенная кровь окропила людей...

А потом было Распятие. Жертвенным ягненком (по-славянски «Агнцем») этой новой Пасхи стал сам Иисус. Евангелисты подчеркивают, что Его смерть даже в деталях совпадала с тем, как резали пасхальных барашков или ягнят (например, нельзя было ломать им кости – Ин 19:36, см. подробнее 20-ю главу). Конечно, дело не просто во внешних совпадениях, а в самой сути – жертвенная смерть Иисуса Христа на Кресте

открывала возможность совершенно новых отношений между Богом и человеком, причем этот Завет был заключен не с отдельным народом, но со всем человечеством. Точнее, с теми людьми, которые пожелают в него войти.

Не случайно Тайная Вечеря была действительно тайной, очень домашней: принятие Нового Завета есть дело личного выбора. Человек сам, осознанно и добровольно должен сказать Христу «да», в каком-то смысле – встретить Его лицом к лицу. Это не значит, что такой встречей всё и закончится, ведь Иуда тоже был на Тайной Вечери, после чего немедленно отправился совершать свое предательство. Но даже для него, каковы бы ни были его мотивы, Тайная Вечеря стала несомненной точкой отсчета, моментом главного выбора.

Ученики узнают Христа

В 24-й главе Евангелии от Луки есть один удивительный эпизод. Христос уже был распят и уже воскрес, Он даже явился некоторым ученикам, но остальные все еще сомневались в рассказах об этом. Для них всё закончилось: Учителя убили, Царство Божие так и не настало, пора было расходиться по домам...

И вот, вечером в день Воскресения двое учеников идут в селение Эммаус, рассуждая обо всем происшедшем. К ним на дороге подходит воскресший Иисус, но они, погруженные в собственные горестные раздумья, не узнают Его, принимают за случайного прохожего. Они сами охотно стали Ему пересказывать все события последних дней, делятся своими сомнениями. Тогда Он начал цитировать им Писание, и объяснять, что называется, с цитатами в руках, что так и должно было случиться с Мессией, что Ему и предстояло пострадать, а потом воскреснуть. Тем временем путники подошли к селению, в которое шли, и Господь, до сих пор не узнаваемый учениками, показал им, что хочет идти дальше. Однако ученики задержали Его и предложили остаться и заночевать с ними вместе, потому что было уже поздно. Господь согласился, и когда пришло время трапезы, «взяв хлеб, благословил, преломил и подал им, тогда открылись у них глаза, и они узнали Его. Но Он стал невидим для них. И они сказали друг другу: не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание?» (Лк 24:25–32).

Они много думали и говорили об Иисусе; в них даже «горело сердце», но они не могли Его узнать, пока Он не преломил хлеб, как преломлял его за Тайной Вечерей, как делал это множество раз во время земных странствий с учениками. Привычное движение рук, знакомые слова благословения перед трапезой... Недостаточно было говорить о Господе и даже с Господом, надо было сесть за один стол с Ним, надо было поучаствовать в Его трапезе, чтобы узнать Его.

«Сие творите в Мое воспоминание»

Неудивительно, что именно Вечеря Господня, или преломление хлеба, как еще называется она в Новом Завете, с самого начала стала главным стержнем всей жизни учеников Иисуса. «И они постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах» – так книга Деяний (2:42) кратко описывает жизнь ранней Церкви.

Сегодня такая же Вечеря совершается по особым правилам и называется *Евхаристией*. Само это слово означает по-гречески «благодарение», и тоже восходит непосредственно к библейским текстам. Христос на Тайной Вечере благодарил Отца за Его щедрые дары, как это вообще было принято делать на праздничном ужине. Точно так же христиане на Вечере Господней благодарят Бога за все его милости, прежде всего за спасение, дарованное человечеству в Новом Завете.

Откуда же берется слово «причастие»? Тоже из Нового Завета. Участвуя в Вечере Господней, христиане становятся *причастны* крестной жертве Христа, причем они

участвуют в той самой Тайной Вечере – так верит и всегда верила Церковь. Кроме того, так проявляется их единство, сопричастность друг другу, и тот же апостол Павел писал: «один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба» (1 Кор 10:17). Приходя к Богу, мы и к другим людям становимся ближе.

Вечеря Любви постоянно упоминается и в апостольских посланиях. Она действительно творилась в воспоминание Господа, и прежде всего – в воспоминание Его жертвенной смерти. Павел писал: «всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придет. Посему, кто будет есть хлеб сей или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней. Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей» (1 Кор 11:26–28).

Слова апостола звучат несколько неожиданно. Может ли быть человек достоин того, чтобы принимать Тело и Кровь Господа? Строго говоря, ни при каких обстоятельствах. Но если обратиться к ближайшему контексту, станет ясно, что апостол Павел имеет в виду. Тогда, на заре церковной истории, многие события еще не обрели форму нынешних обрядов. Так и на Вечерю христиане собирались в то самое время суток, когда она и происходила изначально – вечером, после утомительного дня. Они приносили с собой еду, и кто-то из них был настолько голоден, что ему уже некогда было размышлять о смысле всего этого, а хотелось просто поскорее насытиться.

Павел же настаивает, что всякий, приступающий к Вечере, должен хорошо представлять себе, в чем он участвует и что для него сделал Господь. Это слишком серьезно, и легкомысленное отношение к Вечере может быть, как он пишет, даже причиной болезни и смерти. В Ветхом Завете люди были уверены, что невозможно увидеть Бога и остаться в живых. Новый Завет дает им возможность сесть с Ним за один стол. Но это еще не значит, что отменяется дистанция между Богом и человеком, что человек может, образно говоря, открывать пинком дверь на небо.

Именно поэтому Вечеря Господня стала постепенно отделяться от обычного ужина. В Деяниях 20:7–12 мы читаем историю одного из таких собраний, которое проводил сам апостол Павел. Христиане собираются вечером «первого дня недели», то есть в тот самый день, когда воскрес Христос и который называется теперь воскресеньем (у иудеев неделя завершалась субботой), Павел беседует с ними до полуночи, один из слушателей, заснув, случайно падает из окна и разбивается, но апостол, спустившись вниз, возвращает его к жизни! И только затем он «преломляет хлеб», то есть совершает Евхаристию, причем собрание продолжается дальше до рассвета.

Удивительные слова Христа читаем мы в Откровении Иоанна Богослова: «се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Ин 3:20). Это не просто красивый образ; у нас действительно есть возможность принять участие в этой Вечере, она уже приготовлена для нас – осталось только услышать голос и отворить дверь.

39. Почему у православных «не всё по Библии»?

Нередко можно услышать упреки в адрес православных, будто у них многое противоречит Священному Писанию христиан – Библии. К примеру, они молятся Богородице и святым, а не одному только Богу, а также почитают иконы и называют священников «отцами», хотя Библия запрещает это делать. Они исполняют множество обрядов, о которых в Библии вроде бы нет ни слова. Что же это значит: православные отказались от Библии, заменив ее собственными изобретениями, которые они называют «Преданием»?

Церковь, написавшая Библию

Один православный священник в США рассказывал такую историю. На улице к нему подошел проповедник и сказал: «Хотите, я расскажу вам о Церкви, которая основана на Библии?» На это священник ответил: «А хотите, я расскажу вам о Церкви, которая написала Библию?» Его ответ может показаться дерзким и надменным, но, если задуматься, он довольно точно отражает то, какой Православная Церковь видит себя сама. Это не значит, разумеется, что она полностью уравнивает апостольскую общину с тем, что мы сегодня называем Православием. Нет, апостолы не носили митр, не имели икон, не служили водосвятных молебнов, и это всем понятно. Но православные настаивают: они – прямое и непосредственное продолжение этой общины. Наша Церковь возникла не потому, что кто-то когда-то прочитал Библию и решил, что теперь ему нужно учредить такую-то организацию на таких-то принципах, а потому, что в свое время Господь призвал Авраама, затем Исаака, затем Иакова, и на каждом новом этапе божественное Откровение дополнялось и расширялось, затем записывалось – и так возникла Библия *внутри* этой Церкви, избранного Божьего народа.

Преданием как раз называют вот эту живую связь эпох, а вовсе не некоторую сумму обычаев и привычек, которые могут меняться от века к веку и от народа к народу – подробнее об этом говорилось в 4-й главе. Священное Писание, то есть Библия, – центральная и главная часть этого Предания, с которой должно сверяться всё остальное.

И все-таки, почему же тогда у православных многое «не по Библии»? Почему бы им не отказаться от того, чего нет в Библии в явном виде?

Прежде, чем начинать разговор об этом, постараемся точнее определить, что именно мы имеем в виду. Во-первых, в православной Церкви, какой она существует на земле, всегда было и будет немало искажений и нарушений идеала Православия – этого никто не скрывает. Приходя в Церковь, человек не перестает быть несовершенным, и часто совершает такие поступки, которые явно противоречат учению этой самой Церкви: например, продолжает лгать или воровать. Но такие искажения опровергаются и отвергаются самими православными. Значит, об этом мы сейчас говорить не будем.

Есть и другой вид несовпадений – когда в современной церковной или даже светской жизни появляются какие-то обычаи, отсутствующие в Библии, но не противоречащие ей. Так, некоторые, хотя и очень немногочисленные христиане не считают возможным праздновать дни рождения, поскольку единственный день рождения, упомянутый в Библии – это торжество в честь царя Ирода, на котором и отрубили голову Иоанну Крестителю (Мф 14:6–7). Конечно, так, как Ирод, нам веселиться не стоит – но значит ли это, что мы вообще не вправе отмечать дни рождений дорогих нам людей? Едва ли. Ведь очень многое в нашей жизни тоже не встречается в Библии, но глупо было бы требовать от христиан отказаться от этих признаков современной жизни, а равно и от обычаев и привычек, которые не находят в Библии прямого подтверждения, но ни в чем ей не противоречат. Они возникли позднее, в иных условиях, ведь жизнь никогда не стоит на месте. Поэтому простота и непритязательность апостольской молитвы постепенно

превратилась в пышность византийских обрядов – точно так же, как легким средиземноморским туникам пришли в нашем климате на смену тяжелые зимние пальто.

Словом, такие несовпадения мы тоже сейчас рассматривать не будем. Поговорим о третьем роде несоответствий: когда что-то в современной православной практике напрямую *противоречит*, как кажется, велениям Библии. А таких моментов критики называют немало: православные молятся не только Богу, но и умершим людям, поклоняются их телам и изображениям, называют своих наставников отцами, а еще... Впрочем, для начала хватит – разберемся хотя бы с этим.

Глаза, руки и ноги

Но прежде, чем обращаться к православным, давайте посмотрим на всех христиан вообще. Много ли среди них людей с выколотыми глазами и отрубленными руками и ногами? Немного, причем они не сами сделали себя инвалидами. А ведь Христос ясно требует в Евангелии: если тебя соблазняет глаз, рука или нога, нужно избавиться от этой части тела, потому что «лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геенну, в огонь неугасимый» (Мк 9:43–48). Если понимать эти слова буквально, вывод остается только один: взглянул на что-то непристойное – выколи себе глаз; пошел, куда не надо – немедленно отруби ногу. Конечно, в жизни каждого человека такое бывает не единожды, и буквально исполнить это нет никакой возможности. Так что нам стоит задуматься – какой смысл стоит за этими яркими и запоминающимися словами, чему хочет научить нас Христос? По-видимому, тому, что в борьбе с грехом не следует себя жалеть, и на пути к Богу не обойтись без самоограничений, порой очень болезненных и неприятных.

Всем очевидно, что в Библии немало таких мест, которые невозможно принять как непосредственно руководство к действию во всех случаях жизни – ведь Библия не инструкция по пожарной безопасности, которой нужно следовать в соответствующей обстановке без раздумий и колебаний. Нет, она скорее выстраивает для человека некие основные ценности и приоритеты, которые могут по-разному воплощаться в его повседневной жизни, и тут уже ему самому приходится многое решать для себя. Ведь и Бог ждет от нас не слепого фанатизма, а разумного и осмысленного послушания.

Богородица и святые

Главной новостью, которую принесла в мир Библия, была весть о Едином Боге. Язычники могли помнить о Творце мира, но предпочитали иметь дело не с Ним, а с многочисленными божествами, каждое из которых заведовало какой-то определенной сферой жизни: этому надо молиться об урожае, тому – о военной победе, а вон той – в случае зубной боли. Именно к такому миру были обращены слова первой заповеди: «Я Господь, Бог твой... Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим» (Исх 20:2–3). Но что же мы видим у православных – снова многобожие? Молятся не только Богу, но и святым, особенно Богородице? Просят их о помощи, словно бы забыв о Творце?

Давайте вслушаемся: как и о чем просят святых православные? Говорят ли они им: «такой-то, как господин над урожаем или зубной болью, надели меня своими дарами»? Нет, они обращаются к ним со словами: «моли Бога о нас». Все христиане, да и не только они, время от времени просят других о молитвенной поддержке, потому что понимают: человеку трудно одному предстоять перед Богом, ему нужна помощь собратьев по вере, их согласная молитва обладает огромной силой. Именно о такой помощи и поддержке православные просят своих старших братьев и сестер, которые уже закончили свой жизненный путь и предстоят перед Господом. Эти люди в своей жизни показали, как много может их молитва, как охотно они приходят на помощь другим – так неужели мы должны пренебрегать их поддержкой?

Ведь мы верим, что у Бога все живы. Не случайно еще в Ветхом Завете Господь, обращаясь к людям, называл Себя «Богом Авраама, Исаака и Иакова» – первых святых Своей Церкви. Он мог бы сказать о Себе: «Я Вечный, Я Творец неба и земли» – и многое, многое иное. Но Он предпочел говорить о Себе в связи со святыми, в жизни которых и раскрывалось представление о Едином Боге. Знать, что есть Творец – хорошо, но это мало что значит лично для тебя. А вот знать, что есть Тот, Кто заключил союз с Авраамом, Исааком и Иаковом, и Он предлагает тебе войти в этот союз, присоединиться к ним – это уже совсем другое дело. И в этом деле просто необходима будет поддержка тех, кто вошел в этот союз прежде тебя.

Но отдельно стоит сказать о Богородице, ведь Ее не только просят о молитвах, но и постоянно возвеличивают в церковных песнопениях, ставят, фактически, на второе место после Христа. Но ведь она всего лишь человек!

Эти споры возникли не вчера, им почти столько же лет, сколько и христианству. Один из византийских императоров активно противился почитанию Богородицы. Однажды он привел своим приближенным такой пример: показал им кошелек с золотом и спросил, дорого ли тот стоит. «Разумеется, дорого», – ответили придворные. Тогда он высыпал из него золотые монеты и снова задал тот же вопрос. «Теперь ничего не стоит», – ответили они. «Так и Мария, – напутствовал он их, – пока носила во чреве Христа, была достойна почитания, теперь же ничем не отличается от прочих женщин».

Неужели не отличается? Евангелие с этим несогласно. Достаточно прочитать первую главу от Луки, чтобы увидеть: и Архангел Гавриил, и мать Иоанна Крестителя Елисавета почтительно называли ее «благословенной между женами» (1:28, 42). Но и этого мало – Сама Мария, получившая Духа Святого, поняла, что это почитание останется с ней навсегда: «призрел Он на смирение рабы Своей, ибо отныне будут ублажать меня все роды; сотворил мне величие Сильный, и свято имя Его» (1:48–49). Собственно, именно в таком виде Ее почитание и донныне существует у православных – практически теми же словами они возвеличивают Деву из Назарета и сейчас.

Есть тут и еще один очень важный момент: прославляя Богородицу, православные христиане свидетельствуют о величии человека. Да, Христос тоже родился как простой человек, но при этом Он не перестал быть Богом, и в этом отличается от всех нас. Но Мария была простой девушкой, а значит, Ее праведность и чистота могут быть хотя бы в теории доступны каждому из нас. Наконец, Христос прожил земную жизнь как мужчина. Он пережил и испытал всё, что может выпасть здесь на долю человека, но Он не жил в женском теле, не знал деторождения, не воспитывал Своего ребенка. Мария испытала всё это, и даже прошла через страшную потерю Сына – и поэтому в какие-то моменты жизни мы можем обратиться за помощью и поддержкой именно к Ней: ей это знакомо... Отказаться от такого заступничества означало бы не просто обеднить себя, но и напрямую отвергнуть сказанные в Библии слова.

Мощи, иконы

Хорошо, но зачем же тогда святых не просто просят о молитве, но и почитают их мертвые тела (мощи) и даже изображения? Ведь ясно сказано: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им»... (Исх 20:4–5). Сказано, но и объяснено: «Твердо держите в душах ваших, что вы не видели никакого образа в тот день, когда говорил к вам Господь, дабы вы не развратились и не сделали себе изваяний, изображений какого-либо кумира, представляющих мужчину или женщину» (Лев 4:15–16).

Итак, запрет на изображения явно относится к Ветхому Завету, в котором Бог пребывает невидимым и непостижимым, и всяческие фантазии на Его счет строго запрещаются. Собственно говоря, этот запрет остается в силе и в Православной Церкви (хотя встречаются и его нарушения): Бога-Отца и Святого Духа изображать нельзя. Но почему нельзя изобразить человека Иисуса? Или других людей, которые дороги нам?

Если нельзя, то придется уничтожить все вообще портреты и фотографии. Когда кто-то держит перед собой изображение любимого человека, находящегося вдалеке или уже умершего, мысленно или вслух разговаривает с ним, целует его, он, собственно говоря, подобен почитателям икон. При этом никто, конечно, не думает, что икона или фотография заменяют нам живую личность, что они нужны нам сами по себе, а не как своеобразная связь с этой личностью.

Но мощи, мертвые тела, которые следовало бы похоронить и оставить в покое? Первый пример чудотворных мощей мы, кстати, встречаем в Библии: умерший, которого случайно положили на кости пророка Елисея, внезапно ожил (4 Цар 13:21)! Даже в Ветхом Завете, где любое прикосновение к трупам или могиле делало человека ритуально нечистым, для людей было исключительно важно быть похороненными в собственной родовой гробнице. Бывали случаи, когда в такую гробницу специально клали тело умершего пророка, завещав похоронить себя рядом с ним (3 Цар 13:29–32). Если ты почитал человека при его жизни, если надеешься увидеться с ним после смерти, тебе не может быть безразлична его могила. Да и современное общество, так старательно скрывающее смерть, пожалуй, нуждается в еще одном напоминании, что этот порог всем нам предстоит переступить, и важно другое: с чем мы подойдем к нему.

Конечно, верно, что икона или мощи, или любой другой материальный предмет (крестик, освященная вода, просфора) могут стать настоящим идолом, предметом поклонения, который якобы сам по себе исцеляет человека. Это уже явно нарушает библейскую заповедь – но ведь и Православие такой подход считает магическим и однозначно его осуждает.

Однако Церковь в том числе призвана освятить и преобразить этот мир, поэтому она никогда не станет уходить в «область чистого духа», отказываться от обрядов, освященных предметов – то есть от материального мира. Нет, она принимает и преобразует человека в его целостности, с душой и телом, о чем и свидетельствует почитание мощей и икон. И *почитание* здесь отличается от *поклонения*, которое принадлежит только Богу.

Множество отцов

Христос, казалось бы, ясно сказал ученикам: «Отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах» (Мф 23:9). Но отчего же у православных только и слышно: «отец такой-то»? Это же явное противоречие!

Начнем с того, что противоречие это встречается уже внутри Нового Завета. Апостол Павел в 4-й главе Римлянам неоднократно называет «отцом верующих» Авраама, но мало того: он категорически настаивает, что сам является отцом по отношению к тем, кого он обратил к вере! Вот что он пишет: «прошу тебя о сыне моем Онисиме, которого родил я в узах моих» (Флм 10). И даже объясняет: «хотя у вас тысячи наставников во Христе, но не много отцов; я родил вас во Христе Иисусе благовествованием. Посему умоляю вас: подражайте мне, как я Христу. Для сего я послал к вам Тимофея, моего возлюбленного и верного в Господе сына» (1 Кор 4:15–17).

Вряд ли апостол не знал процитированных выше слов Христа или сознательно ими пренебрег. Значит, он понимал их вовсе не в том смысле, будто запрещено само слово «отец». Видимо, Христос обличал определенное отношение к человеку – и можно даже понять, какое... В Евангелии мы читаем спор Христа с Его противниками (Ин 8:37–45): они уверенно называют своим отцом и Авраама, и даже Бога (казалось бы, куда правильной!), но Христос бросает им в лицо страшное обвинение: «ваш отец – диавол». Почему? А потому, что они охотно и последовательно исполняют его волю.

Людям свойственно бывает ссылаться на какие-то внешние авторитеты. В том же самом послании, где он отстаивал свое отцовство, Павел писал: «у вас говорят: я Павлов; я Аполлосов; я Кифин; а я Христов. Разве разделился Христос? разве Павел распялся за вас? или во имя Павла вы крестились?» (1 Кор 1:12) Вот, по-видимому, что запрещал

Христос: сектантство, при котором имя учителя становится знаменем борьбы с последователями иных сект. А вот духовных связей, подобных отношениям отца и детей, Он явно запрещать не собирался.

Так что цитату из Евангелия не стоит выдирать из контекста. И кстати, сразу после слов об отцах идет запрет называться наставниками (закроем все школы и институты?), а также призыв «большой из вас да будет вам слуга» (всюду директоров назначим уборщиками?).

Разумеется, список мнимых несоответствий между Библией и жизнью православных христиан можно было бы продолжать – но уже, наверное, показано главное. Библия никак не содержит некий свод универсальных правил поведения, соблюдение которых и будет «христианской жизнью». Нет – она зовет нас к переменам в сердцах, к взрослению и самостоятельности, указывая главные ориентиры и ограничения и предоставляя свободу в остальном. Православное Предание предлагает нам двухтысячелетний опыт осмысления и проживания каждой библейской цитаты – и прежде, чем отвергать его, стоит к нему присмотреться повнимательней. Ведь вполне может быть, что, присмотревшись, захочется не отвергнуть его, а принять.

40. Каковы перспективы библеистики в России?

В этой книге много говорилось об изучении Библии – но что можно сказать о библеистике в России? Да, верующие читают эту книгу, хотя не так много и не так часто, как следовало бы, да, в нее порой заглядывают и те люди, кто считает ее величайшим памятником мировой культуры. Но все-таки российский читатель с Библией в целом знаком не очень хорошо. Может ли измениться эта ситуация? И может ли появиться самостоятельная и оригинальная школа библеистики в России?

Насущная потребность

Библию в России, к сожалению, читают мало. Удобно было бы нам сказать, что это тяжкое наследие безбожного коммунистического режима, но... еще в 1879 г. Н.С. Лесков описывал в своей повести «Однодум» человека, который, к удивлению всех окружающих, стал упорно читать Библию. И что же окружающие? «Пожалели и стали к Рыжову милостивее. На Руси все православные знают, что кто Библию прочитал и “до Христа дочитался”, с того резонных поступков строго спрашивать нельзя; но зато этакие люди что юродивые, – они чудесят, а никому не вредны, и их не боятся». А в начале XVIII в. Антиох Кантемир представил в одной из своих сатир такую точку зрения: «надо Библии убежать, как можно, бо зачитавшись, в ней пропадешь безбожно».

Так и сегодня много есть православных, которые охотно читают и слушают что угодно, кроме Священного Писания. Может быть, дело в том, что всякие брошюры и популярные изложения понятнее и на свой лад удобнее: они четко указывают, как поститься, как молиться, как куличи печь. Библия таких однозначных ответов обычно не дает, она, напротив, предлагает человеку задуматься. И, как мы видим на примере «Однодума», заставляет его изменить не рецепт куличей, а отношение к жизни, и это уже чревато серьезными последствиями.

Впрочем, Библия нужна далеко не только верующим. Всякому, кто захочет понять классическую русскую культуру, не обойтись без хорошего знания этой книги, прежде всего, Евангелия. Анекдотическое школьное сочинение «Раскольников молодец, что старуху зарубил, вот только зря признался» – это ведь самый закономерный итог прочтения Достоевского без библейского основания. И точно так же невозможно по-настоящему понять без него Ломоносова или Толстого, Пастернака или Бродского, не понять древнерусской иконописи или символизма – да вообще ничего, кроме водки, балалайки и матрешки. Даже русского коммунизма без Евангелия не понять, он ведь основывался не только на прибавочной стоимости из невнятной книги одного экономиста XIX века, а еще и на евангельских идеалах, перетолкованных в духе Великого Инквизитора из другого романа Достоевского.

Мы постепенно начинаем возвращаться к Библии. Но оказывается, что недостаточно просто раскрыть Синодальный перевод, которому уже больше ста лет, да и новые переводы не всегда бывают надежны и полезны. Нужна, безусловно, некая среда изучения Библии – и на уровне популярных книг и лекций, и на уровне серьезных научных исследований. А значит, встает вопрос о будущем российской библеистики – и в самом деле, у нас открываются новые кафедры и целые факультеты, создаются статьи для «Православной энциклопедии». Все это предполагает не только домашнее чтение Священного Писания, не только его литургическое применение, не только его проповедь, но и настоящую библейскую науку. Ее пока у нас нет, но она зарождается, и от нас во многом зависит, какой она будет.

Наука в Церкви?

Первый и главный вопрос – о том, будет ли она светской или церковной. На самом деле, полагаю, есть место и для того, и для другого, точно так же, как в нашем обществе

есть верующие разных конфессий, агностики и атеисты. При этом их не обязательно нужно противопоставлять друг другу: если речь идет о настоящих ученых, они могут придерживаться разных взглядов, но при этом обязательно найдут общий язык – язык науки. Впрочем, говорить о светской науке тоже можно было бы долго, но мне сейчас хотелось бы порассуждать о перспективах православной библеистики в России, опираясь на то, что было сказано в главах с 12-й по 17-ю, да и в других местах этой книги.

Сегодня среди православных модными стали рассуждения о вреде рационализма, о расхристианизации Запада и т.д. Насколько они верны – вопрос особый, но необходимо понять одну простую вещь. Если мы говорим о науке, она неизбежно будет *рационалистической* по своему методу и *западной* по своему происхождению, такова уж ее природа. Да, исторически сложилось так, что библеистика как наука возникла именно в западном обществе, и то же самое можно сказать о научном методе вообще. Не существует и никогда не существовало библеистики исламской, или китайской, или аборигенной африканской – если выходцы из этих стран занимаются этой наукой, они делают это в западной, а точнее сказать, общемировой парадигме. Не существует, надо признать, и особой православной библейской науки, которая была бы независима от библеистики мировой: богословские факультеты Греции, где традиция не прерывалась, остаются, при всех своих особенностях, в общеевропейском научном пространстве. И это естественно: никакая современная наука не может существовать изолированно, в рамках национальных границ.

Если кого-то такое положение дел не устраивает, можно заняться другими вещами, не менее, а то и более важными, чем наука – например, аскетикой или мистикой. Но только надо называть вещи своими именами. В России XX века, к сожалению, было принято называть наукой то, что ей никоим образом не являлось, в особенности – марксизм-ленинизм. Можно было сделать успешную научную карьеру, защитив диссертацию, например, по теме «Партийное руководство противопожарными формированиями Ленинграда в годы Великой Отечественной войны» – понятно, что ничего научного в таком труде не было по определению, в нем могли содержаться только многочисленные подтверждения лояльности диссертанта политической линии партии. Сегодня нам непозволительно продолжать ту же традицию, называя самостоятельным научным исследованием некое повторение азов, подтверждение своей лояльности «учению святых отцов». Это прекрасно, если человек верен этому учению и говорит об этом вслух, но одно это обстоятельство еще не делает его ученым.

Что такое *научный метод* – отдельный и очень сложный вопрос, но я бы предложил такой практический критерий. Научной можно считать работу, которую можно представить на международной конференции или семинаре по соответствующей дисциплине, чтобы участники, даже если они не согласны с конкретными положениями работы, поняли бы ее аргументацию и были бы готовы ее обсуждать.

Существовавшая до революции российская библеистика, отчасти сохранившаяся и в русской эмиграции, к сожалению, стала достоянием истории. Среди нынешних ученых нет тех, кто учился бы у Н.Н. Глубоковского, А.В. Карташева или того же епископа Кассиана (Безобразова), или хотя бы у их учеников. Преемственность с этими учеными, очевидно, должна заключаться не только в том, чтобы переиздавать их труды и систематизировать их архивы (хотя и это полезно) – необходимо идти дальше по пути, начатому ими. Собственно, до революции 1917-го г. еще не успела возникнуть оригинальная российская библеистика – они занимались, скорее, творческим и критическим усвоением того, что было сделано на Западе, и процесс этот далеко не был завершен. Ничего нового в этом нет: именно таким путем и шла русская церковная наука, учась сначала у Византии, потом у Европы. Подобное начало вовсе не исключает возникновения в дальнейшем самостоятельной научной школы мирового уровня – достаточно сказать, что в области православной литургики (изучения богослужбных

традиций) российские ученые работают на мировом уровне и во многом сами его определяют.

Каковы же те принципы библейской науки, которые мы встречаем в трудах дореволюционных российских ученых? С одной стороны, они стремились к тому, чтобы она была *церковной* не только по своей вывеске, но и по сути, чтобы она отвечала на вопросы, важные для Церкви, оставаясь при этом в рамках церковной догматики (которую не надо путать с примитивным «а мне вот тут батюшка сказал» или «а я вот тут в одной брошюрке прочел»). А с другой стороны, она должна быть *наукой*, пользоваться научным методом и соответствовать мировому уровню своего времени. Сочетать церковность, основанную на безусловной вере, и научность, основанную на фактах и рациональном анализе, уже непросто, задача не простая, но в случае с библеистикой в современной России тут добавляются и свои сложности.

Пространство для диалога

По каким же путям идет современная православная библеистика в России? Первый и самый простой путь заключается в том, чтобы принципиально отказаться от всяких толкований Библии, которые мы не найдем у отцов Церкви. Если мы видим среди них полное согласие (что, вообще говоря, встречается нечасто), ответ на интересующий нас вопрос найден; если же между несколькими отцами существуют противоречия, то необходимо следовать более авторитетным из них. Самостоятельный анализ текста при таком подходе только усложняет задачу: если он приведет исследователя к другим выводам, их все равно придется отвергнуть, а если он подтвердит сказанное отцами, то ничего не добавит. Это прекрасная и нужная задача, но исследователь при таком подходе – не библеист, а *библиограф*, который должен систематизировать и ввести в оборот накопленный прежде материал, не добавляя ничего от себя.

Второй подход допускает и самостоятельный научный анализ, но при этом тщательно отбирает наиболее консервативные и созвучные традиции современные комментарии. Остальные взгляды более или менее обоснованно игнорируются, и в результате исследователь приходит к тому выводу, с которого он и начал свою работу: оказывается, традиция права. Этот подход тоже не удовлетворяет требованиям, предъявляемым к научному методу с его объективностью и доказательностью. Скорее, стоит называть этот способ не научным, а апологетическим: он приводит аргументы в защиту традиционных ценностей.

Третий подход заключается в том, чтобы применять обычные научные методы анализа, учитывать все факты и все доказательные гипотезы, делать самостоятельные выводы и лишь затем стремиться согласовать их с церковной традицией (причем именно согласовать, а не переписать). Пожалуй, только такой подход может называться подлинно научным, но не означает ли он отказ от церковности? Есть ли здесь вообще некая золотая середина, возможен ли синтез научности и церковности?

Если понимать под библеистикой библейскую критику столетней давности, с ее стремлением расчленить текст Писания и реконструировать некие исторические события, лежавшие за текстом, такой синтез будет невозможен. Библейская критика стоит, по сути, на отрицании самоценности библейского текста. Но во второй половине XX в. среди западных гуманитариев появились новые подходы к текстам, которые вовсе не тождественны святоотеческим, но в то же время оставляют возможность доброжелательного диалога между традиционной и новейшей точками зрения. Впрочем, и здесь всё не так просто, этот диалог не рождается сам по себе, это только одна из возможностей.

Библейская критика столетней давности стремилась к полной научной объективности, во имя которой отвергала церковную веру. Но сегодняшние научные методы, которые связываются с *новой герменевтикой*, не боятся субъективности и признают ее неизбежность. Всякое прочтение текста обусловлено определенными

ожиданиями, явными и скрытыми интересами читателя, его стереотипами восприятия. И традиционализм, и модернизм (в нашем случае – библейская критика) обычно не отдают себе отчет в самом существовании своих предпосылок, тогда как «новая герменевтика» или, говоря шире, *постмодернизм* или, лучше сказать, *посткритический подход* сознательно принимают их в расчет.

И что же тут может быть церковного, – может спросить читатель. Кажется, эти принципы противоположны святоотеческому богословию. Однако есть тут и нечто общее. Вспомним, как авторы Нового Завета цитировали ветхозаветные тексты, явно отрывая их от изначального исторического значения и привязывая их к собственному богословию и к событиям в жизни Христа. Различие в том, что новозаветные авторы все же принадлежали определенной традиции и пользовались ее экзегетическими приемами, тогда как сегодняшний постмодернист, признавая существование разных традиций, не считает ни одну из них единственно правильной. В этом отношении постмодернизму противопоставляет себя традиционализм, отдающему первенство общине верующих, и модернизму, признающему его за сообществом ученых.

Библеист нашего времени, как правило, заинтересован не в реконструкциях раннего состояния текста Библии, а в каноническом тексте, поскольку именно он был принят общиной верующих в качестве авторитетного. Точно так же и прочтение этого текста не есть дело независимых индивидуумов, но совершается в рамках общины, придерживающейся определенных взглядов. Такой исследователь не замыкается на тексте как таковом, но исходит из представлений о связях между Богом, текстом и общиной, интерпретирующей текст, и Библия толкуется им в контексте этих связей.

Вместе с тем этот исследователь не видит необходимости приписывать каждому слову Библии буквальную безошибочность, полностью разделять все данные в ней оценки (например, жестокости Ветхого Завета, которые так часто смущают читателя, могут быть объяснены более низкой ступенью духовно-нравственного развития древних израильтян по сравнению с проповедью Евангелия).

Впрочем, и этот подход на свой лад ограничен и не лишен недостатков. Если слишком увлечься анализом текста как такового, легко можно оторвать его от всякого культурно-исторического контекста, заставить его значить то, что хочется толкователю. Поэтому этот подход должен быть уравновешен внимательным анализом исторической, культурной, социальной среды, связанной с анализируемыми текстами.

В любом случае, главное достижение «новой герменевтики» заключается в том, что библейский текст стали анализировать именно так текст, а не как набор цитат, удобных для доказательства собственных положений. А там, где текст, там необходимо говорить и о контексте – то есть о той самой жизни общины, которая породила и сберегла этот текст, то есть о жизни Церкви. И вот такой подход вполне пригодится православным.

Что же делать?

Мы хотим создать собственную научную школу, достичь мирового уровня – а как мы можем сделать это, если ежегодно на Западе выходят десятки журналов и монографий, сотни статей, посвященных самым разным вопросам библеистики? От этого богатства в наших библиотеках можно найти меньше одного процента, так что даже ознакомиться со всем этим материалом живущему в России исследователю просто невозможно, не говоря уже о том, чтобы его критически переработать. Поэтому существует немало областей, где мы, на самом деле, в настоящее время можем только осваивать то, что было сделано на Западе. Но это освоение тоже может и должно быть критическим и творческим: нужно не бездумно копировать, а тщательно отбирать то, что действительно важно и полезно.

Впрочем, можно найти и такие области библейской науки, где на Западе было сделано не так уж и много – прежде всего, это касается исследований традиционной христианской экзегезы, от которой так легко в свое время отказалась т.н. «библейская критика» и к которой отчасти возвращаются современные ученые. Так какие конкретно

задачи представляются мне в связи с этим самыми актуальными для рождающейся российской библеистики?

Первая – это качественная *популяризация*. Невозможно ожидать расцвета какой бы то ни было науки без подготовки той питательной среды, в которой может родиться интерес к предмету у людей непосвященных. Да и духовное просвещение, о необходимости которого у нас так часто говорится, невозможно без обращения к тексту Священного Писания. Создание качественных популярных пособий и общедоступных комментариев могло бы способствовать решению этой задачи. По сути, единственный полный церковный комментарий, которым мы сегодня пользуемся – это Толковая Библия под редакцией Лопухина, которой уже исполнилось сто лет. Она явно устарела, да и изначально ее уровень не всегда был высоким.

Вторая задача – *подготовка молодых ученых* для будущей библейской науки. Может быть, их будет совсем немного, но это обязательно должны быть люди, не только прошедшие краткие курсы «Священного Писания Нового и Ветхого Заветов», но действительно получившие адекватное современное образование, включая и стажировки за границей.

И, наконец, третья задача, собственно *научное творчество* – это исследование вопросов, тесно связанных с православной традицией, которые пока что не получили исчерпывающего освещения в мировой библеистике. Это, прежде всего, изучение святоотеческой экзегетики. Однако очень важно, чтобы оно не сводилось к простому повторению азов. К сожалению, некоторые современные работы по святоотеческому наследию напоминают идеологические труды советской поры: автор старательно убеждает аудиторию в том, что и сам он, и предмет его исследования полностью следует «генеральной линии», что нередко заставляет его отказываться от научной объективности и относиться к своему материалу слишком избирательно. А отцы, живые люди со своими характерами, сомнениями, спорами, превращаются в безликих плакатных персонажей.

Но не все сводится к экзегетике, есть и много частных предметов для исследования, например, *текстология*. Мы по-прежнему довольно плохо представляем себе историю византийского варианта греческого текста Писания. Современная наука на Западе обращает на него сравнительно мало внимания, ориентируясь в основном на критические издания, хотя и там немало уже было сделано для анализа Септуагинты – греческого текста Ветхого Завета. В частности, он был переведен на основные европейские языки – к сожалению, кроме русского.

Так мы подошли к идее одного проекта, который мог бы способствовать в той или иной мере решению всех трех этих основных задач – а именно, к подготовке *нового церковного перевода Библии на русский язык*, сопровождаемого качественными комментариями – своего рода Синодального перевода и Толковой Библии двадцать первого века. Быть ли ему, и если да, то каким ему быть – это решать соборному разуму Церкви, но лично мне потребность в таком переводе кажется очевидной.

Впрочем, проекты могут быть разными. Если говорить о переводах, то требуются они и на другие языки народов Российской Федерации и сопредельных стран – сейчас этим занимаются только самостоятельные организации, прежде всего Институт перевода Библии, в котором более 11 лет проработал консультантом автор этой книги. Участие православных в таких проектах могло бы быть более активным, а главное – более организованным, пока что это в основном индивидуальные усилия отдельных людей.

Но все точки, где требуется приложить усилия, не перечислить. Главное, как мне кажется – стремиться к сочетанию подлинной научности и подлинной церковности. Это просто, но это возможно.